

Новомученики и исповедники Российские
пред лицом богоборческой власти

*Да не утратим помалу, неприметно,
той свободы, которую даровал нам
Кровию Своею Господь Иисус Христос,
Освободитель всех человеков*

8-е прав. III Вселенского Собора

«ТАЙНОЙ ЦЕРКВИ РЕВНИТЕЛЬ»
ЕПИСКОП ГУРИЙ КАЗАНСКИЙ
И ЕГО СОМОЛИТВЕННИКИ

Жизнеописания и документы

Составитель
Л. Е. Сикорская

Москва
БРАТОНЕЖ
2008

УДК 27-36
ББК 86.374
Т14

Редактор
И. И. Осипова

Т14 **«Тайной Церкви ревнитель».** Епископ Гурий Казанский и его сомолитвенники. Жизнеописания и документы / сост. Л. Е. Сикорская. — М.: Братонез, 2008. — 336 с. + [32] ил. — (Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти».)

ISBN 978-5-7873-0501-6

В книге повествуется о жизни иеромонаха, в его последние годы — епископа, Гурия (Павлова), начиная с конца 1920-х годов на протяжении почти семи десятилетий тайно служившего в Чувашии и Татарии. Владыка Гурий (1906–1996) — один из немногих, если не единственный из катакомбных пастырей Русской Православной Церкви, кто дожил до окончания открытых богоборческих гонений и поведал о своей многолетней исповеднической жизни. Составленное на основании его рассказов краткое жизнеописание дополнено архивными материалами из следственных дел 1932 и 1950-х годов.

В книге также приведены жизнеописания других пастырей — исповедников и мучеников, духовных наставников и сомолитвенников владыки Гурия, а также монашествующих и благочестивых мирян из его паствы. Приведены тюремные фотографии из следственных дел, а также фотографии из частных собраний.

В Приложениях представлены архивные документы и воспоминания.

© Л. Е. Сикорская, сост., 2008

От составителя

Предлагаемая вниманию вдумчивого читателя книга представляет собой сборник материалов о замечательном чувашском иеромонахе, впоследствии епископе Гурии (Павлове), более шестидесяти лет осуществлявшем катакомбное пастырское служение. В его крестном пути, словно в малой капле, отразилась судьба Русской Православной Церкви XX столетия. Благочестивый отрок, воспитанный в православной чувашской семье и мечтавший о монастырской жизни, богоборческой властью в числе многих, ему подобных, он был лишен всякой возможности не только спастись в монастыре, но даже жить по-христиански. В условиях гонений на духовенство он принял монашество, затем рукоположение в священнический сан и на протяжении почти семи десятилетий нес крест тайного пастырского служения.

Только вдуматься — не год, не два, а десятилетия тайного служения в богоборческом государстве! Постоянные скитания, угроза ареста, предательства со стороны близких, тюрьмы и лагеря. Скорби, постоянные скорби... Воистину, по словам Апостола: «Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11, 38). Но и по окончании гонений, когда, казалось, можно было вздохнуть свободно и наконец обрести желанный покой, новые скорби ожидали немощного старца. Ему предстояло разбираться в сложнейшей церковной ситуации и принимать ответственное пас-

тырское решение на девятом десятке своей многотрудной жизни.

Это решение, как, впрочем, и церковная ситуация рубежа 1980–1990-х годов, и особенно события последних лет имеют неоднозначные оценки и вызывают споры даже сейчас в близких к владыке Гурию кругах. Это вполне объяснимо: для осознания происшедшего требуется время. Не все еще ушло в прошлое, не все стало достоянием истории, которая вообще не любит иметь дело с живыми лицами. А в данном вопросе еще очень многое принадлежит не столько прошлому, сколько настоящему.

Во избежание лишних споров и соблазнов нам советовали совершенно не касаться этой темы и обойти молчанием или предельно сократить описание последних лет жизни владыки Гурия. Однако подобное умолчание, тем более когда речь идет о таком важном событии, как архиерейская хиротония, едва ли может помочь делу и, вероятно, вызовет еще больше вопросов и недоумений. Поэтому мы не стали сокращать жизнеописание владыки Гурия и тем более убирать последние главы, являющиеся дословным изложением рассказа очевидца событий 1990–1996 годов. Со своей стороны, не претендуя на какие-либо окончательные выводы и на данный момент отказавшись от каких-либо исторических оценок и суждений, помещаем это жизнеописание как своего рода исторический источник и предоставляем внимательному читателю самому делать выводы на основании его изучения.

Текст жизнеописания, составленный паствой владыки Гурия¹, незначительно отредактирован и дополнен архивными материалами из следственных дел, а

¹ В окончательном варианте к 2000 году. Первоначальный краткий текст — так называемая «Биография архимандрита Гурия», — составленный в 1990 году, в дальнейшем был дополнен и значительно расширен на основании записей бесед самого владыки в 1990–1993 годах, а также рассказов его чувашской паствы в 1996–2000 годах.

также сведениями о других исповедниках, мучениках и подвижниках благочестия, с которыми довелось отцу Гурию встречаться. Среди них и известные архиереи, прославленные в сонме святых, и неизвестные миру подвижники, не преклонившие колени пред безбожной властью. О некоторых из них представлены более подробные материалы в других главах книги.

В издании приведены также рассказы о встречах и беседах с катакомбной паствой владыки Гурия в 1990-х годах. В приложениях представлены архивные материалы и дополнительные воспоминания о владыке Гурии и его наставниках, Уфимских архиереях-новомучениках. Приводимые в книге воспоминания, цитаты из следственных дел и других источников выделяются отступом от основного текста, купюры обозначены отточиями. Небольшие цитаты из документов в тексте выделяются курсивом.

Сердечная признательность Елене Анатольевне Бессоновой за помощь в архивных изысканиях и обработке материалов. Хотелось бы поблагодарить работников Государственного исторического архива Чувашской Республики под руководством директора Галины Васильевны Ертмаковой и отметить их высокий профессионализм и душевную чуткость.

Особая признательность **Фрэнсису Грину**, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

Предисловие

Чуваши — народ загадочный. Скромный, застенчивый, словно стесняющийся своей культурной отсталости по сравнению с другими более древними народами¹. Не было у них ни древней культуры, ни подробной истории, ни даже письменности. «Чувашскую книгу съела корова», — говорит чувашская поговорка. Однако в этой своей культурной отсталости и темноте этот неприметный, по-детски простой и наивный народ всем сердцем воспринял христианское учение и, просветившись его истинным светом, опередил в самом главном, «едином на потребу», многие другие, гордящиеся своей мнимой просвещенностью «культурные» народы.

Чуваши — единственный из тюркских народов, совершенно не воспринявший мусульманство, а полностью обратившийся в православную веру. Потомки волжских

¹ Нередко чувашаи получали обиднейшие характеристики за свой нецивилизованный быт и темноту. В «Указателе города Казани» (1890 года издания) повествуется о чувашах так: «Избы построены в беспорядке. Посуда, которая служит для держания и варения пищи, употребляется для мытья белья. После еды посуда для облизывания дается собакам. До сих пор можно встретить жилые помещения, отапливаемые по-черному. Почти постоянно чувашаи страдают болезнью глаз, веки у них воспалены. Народ вообще очень слабый. Главное их занятие хлебопашество. И их можно назвать примерными земледельцами. Земли их обрабатываются лучше, чем у других народностей, и неурожай реже. Нищие из чувашей — редкое явление. Чувашаи народ непромышленный, боязливый, излишек сберегает под спудом и даже зарывает в землю. Язык беден, едва 2000 слов».

болгар, переселившихся в давние времена с юга на северо-восток, в степи Среднего Поволжья и Прикамья², были завоеваны в XIII веке монголо-татарами. В XV веке чувашаи просили у русских помощи и защиты от Золотой Орды и позднее от Казанского ханства. В XVI веке они вошли в состав Московского царства и помогали Ивану Грозному в завоевании Казани.

Долгое время чувашаи оставались при своих языческих верованиях. В XVIII веке проводилась усиленная их христианизация наряду с другими народами Среднего Поволжья. Однако православие тогда чувашами было воспринято весьма формально, и в большинстве своем они остались при своих языческих верованиях и обычаях³.

Настоящее их просвещение началось во второй половине XIX века во многом благодаря деятельности чувашского учителя Ивана Яковлевича Яковлева, по праву названного просветителем чувашей. Труды его имели для чувашского народа такое же значение, как труды свв. Кирилла и Мефодия для славян. Иван Яковлев создал чувашскую письменность с алфавитом на основе кириллицы, перевел на чувашский язык Псалтырь, Новый Завет и часть книг Ветхого Завета, Закон Божий. В созданной им школе готовились учителя-чувашаи для чувашских школ, в которых, в свою оче-

² Некоторые считали чувашей потомками некоего народа пуртас-буртас, жившего по соседству с болгарями.

³ Характерно свидетельство просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева, когда, повествуя о своем детстве в середине XIX века, он описывал языческие обычаи чувашей в его родной чувашской деревне Симбирской губернии. Он также отмечал совершенное незнание и непонимание чувашами православной веры, о которой им никто и не рассказывал, а также пренебрежительное отношение к иконам, которые держались в избах лишь на случаи редких приездов в чувашские деревни священников. Со стыдом вспоминал И. Я. Яковлев детские забавы с иконами, когда чувашские ребяташки при полном попустительстве взрослых устраивали состязание — кто дальше забросит их вдоль улицы.

редь, было подготовлено немало чувашей-священников. Благодаря Ивану Яковлеву и его учителю Николаю Ивановичу Ильминскому, просветителю татар и других инородцев Казанской губернии, был осуществлен перевод богослужебных книг, и на инородческих языках стали проводиться богослужения.

На рубеже XIX–XX веков проповедь православного вероучения все ширилась и находила горячий отклик в среде инородцев. В то время как по всей России неудержимо распространялись разрушительные революционные идеи и откровенное безбожие, в чувашских, черемисских (марийских) и татарских селах строились храмы, открывались школы. Создавались чувашские, черемисские и даже татарские монастыри.

Немалая заслуга в этом благом деле принадлежала ревностным архипастырям, поддержавшим святыи труды просветителей поволжских народов. Особое место среди таких архипастырей занимал епископ Андрей (Ухтомский). На протяжении шестнадцати лет владыка Андрей прослужил в Казанской епархии. Начиная свое служение учителем в Казанской духовной семинарии, куда был направлен после окончания Московской духовной академии и принятия монашеского пострига. Затем в 1899 году был возведен в сан архимандрита и назначен начальником Казанских миссионерских курсов, которые готовили деятелей-миссионеров. В 1907 году архимандрит Андрей был возведен в сан епископа Мамадышского, третьего викария Казанской епархии, с возложением на него обязанностей по организации и управлению всей Казанской миссии.

Владыка неустанно объезжал самые отдаленные уголки Казанской епархии, служил там, посещал инородческие школы. Заботился о печатании для них книг, на издание которых постоянно жертвовал личные средства. Владыка возглавил миссионерское «Братство Святителя Гурия», и оно привлекло к миссионерской работе немало искренних православных людей. Также

именно его трудами было основано два монастыря для крещеных татар.

Несмотря на то что деятельность епископа Андрея протекала в основном в восточных уездах Казанской губернии и была направлена на проповедь православия среди татарского населения, владыка Андрей не обходился своей заботой и другие народы Казанской губернии. Не случайно указ Святейшего Синода 1911 года о назначении епископа Андрея на Сухумскую кафедру был встречен с большой печалью всеми православными в Казанской епархии. Со слезами и рыданием расставались с любимым пастырем многие, а особенно инородцы. Благодинный инородческих монастырей при прощании с владыкой Андреем сказал:

«Внезапно облетевшая все инородческие монастыри весть об оставлении Вами Казанской епархии повергла насельников и насельниц святых обителей в самое грустное настроение. Там можно было слышать и видеть сожаление и слезы многих, разные напутственные пожелания и просьбы о молитвах и архипастырском благословении, но во всем этом чистосердечном проявлении душевных сил преобладала и рельефно выделялась одна искренняя нотка грусти. Многие из инородцев говорили: встретим ли мы когда и увидим ли воочию новых Ильминских, новых отцов Василиев и нового епископа Андрея — это известно только Единому Богу».

Сам владыка Андрей с великой скорбью расставался со своей возлюбленной казанской паствой. Спустя три года, при встрече со своей новой паствой в Уфе⁴, он вспоминал об этом:

«Благодарю Бога, что Он, Милостивый к моему недостоинству, дал мне возможность послужить по мере моих сил среди вас, крещенцев. Я уже знаком с вашими сородичами

⁴ В 1913 году он был назначен правящим архиереем Уфимской епархии.

по своей службе в Казанской епархии, где я был младшим викарием. Потом Бог привел мне послужить два года на далеких берегах Черного моря в Сухуме. И как мне не хотелось оставлять своих казанских крещенцев! Не забуду никогда, как меня провожали эти крещенцы. Я приехал прощаться в крещенский монастырь⁵. Узнали об этом жители ближайших крещено-татарских селений. После литургии подошли ко мне старики крещенцы и хотели что-то на прощание сказать, но волнение сомкнуло их уста, из глаз потекли непрошенные слезы. Хотел я сказать им несколько слов утешения, но спазмы сдавили горло, и я так и не мог им вымолвить ни одного слова. Но и без слов наши взаимные чувства были понятны, и мы расстались...

Да, братие, я любил крещенцев Казанской губернии и теперь их люблю. Жил я потом на Кавказе, на берегах Черного моря, в стране, изобилующей всякими плодами, где нет наших зимних холодов, где ясное небо редко заслоняется серыми облаками, где прекрасные сады с их вечно зелеными деревьями ласкают взор человека и радуют его сердце... Мои знакомые, люди очень именитые и богатые, говорили: «Какое величественное море, какие роскошные сады, какие красивые дачи, какой чудный здесь воздух».

«Оставьте все это у себя и наслаждайтесь благами вашей благодатной земли, — отвечал я им, — а мне дайте моих бедных крещенцев с их бедной деревушкой, с избами под соломенной крышей, где они тесно-тесно ютятся от зимней стужи и осенней непогоды. Я хочу в эту избу, хочу быть среди ее обитателей, слышать их родную речь и молитвенные вздохи, видеть их постепенное возрастание в благочестии.

И вот Бог здесь в Уфе опять дал мне таких же детей, какие у меня были в Казани. Будем любить, братия моя, друг друга: я вас, вы меня. Если нас будет связывать взаимная любовь, то и Христос Спаситель наш будет всегда с нами... А когда Сам Бог будет с нами, то ничего не поколеблет нашей веры в Него»⁶.

⁵ В Лаишевском уезде, основанный преосвященным Андреем для крещеных татар.

⁶ Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 21. С. 426–427.

С такой же любовью заботился владыка Андрей и о чувашах. Характерен его отклик на письмо матери-чувашки, написанное во время Первой мировой войны:

«Ничем так не обрадуешь солдата чуваша, как посылкой чувашской книжки, — писала она. — Достала книжку и послала в окопы сыну», и сын пишет: «Вчера получил чувашскую книжку. Это для нас праздник! Собрались ко мне с соседних окопов чуваша, им читал житие мученика Пантелеймона по-чувашски, и все плакали, и просят выслать книжек на чувашском языке». На другой день сын был убит».

С истинно христианским смирением восприняв гибель сына, эта мать скорбит о недостатке духовного просвещения других солдат-чувашей:

«Воинов-чуваш более 100 тысяч, а им не шлют не только газеты, но и Евангелий нет. Что делает русское библейское общество? Горько и обидно! У французов издаются газеты на зулусском и аннамском языке для черных воинов, а у нас — Евангелий нет.

Владыко! Поднимите свой голос в Восточно-Русском Обществе в пользу чуваш. Кликните клич, и мы откликнемся, довольно нам спать!»

И владыка Андрей призывает грамотных чувашей откликнуться и помочь в этом деле своим братьям:

«Я получил это письмо и немедленно на него откликаюсь: “Чуваши грамотные! Пора бросить вашу спячку, пора позаботиться хотя бы о малой помощи вашим братьям, живущим среди ужасающей грязи, трахомы, во всяких накожных болезнях, в полной беспросветной тьме!

Я готов служить этому делу и в качестве вашего епископа и по званию председателя Восточно-Русского Общества. Просвещение чуваш и помощь им — это моя мечта даже тогда, когда я был далеко от чуваш, на Кавказе”»⁷.

⁷ Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 7. С. 117–118.

Владыка Андрей и в дальнейшем не оставлял чувашей. Даже после революции, будучи в далекой ссылке, откликался на их письма и помогал в духовном окормлении. Именно владыка Андрей в 1928 году благословлял на служение к чувашам Казанской епархии иеромонаха Гурия, рукоположенного в священный сан епископом Вениамином (Троицким), заместителем владыки Андрея на Уфимской кафедре.

Отец Гурий всю свою жизнь исполнял это святое послушание и духовно окормлял чувашскую паству до самой своей кончины. Храня память о благословивших его архиереях и почитая их святыми мучениками, отец Гурий на протяжении более 65 лет, претерпевая скорби и лишения, осуществлял катакомбное пастырское служение. До наших дней он донес живое свидетельство о мученическом и исповедническом подвиге Русской Православной Церкви в XX столетии.

ГЛАВА I

Священноисповедник Гурий Казанский

Детство

Будущий отец Гурий родился 15 апреля 1906 года в деревне Средне-Кибеч¹ Шихазанской волости Цивильского уезда Казанской губернии в семье благочестивых чувашей-крестьян Павла Ивановича и Варвары Михайловны Павловых. В крещении ему дали имя Симеон. Дедушка Симеона по отцовской линии был священником.

В семье было восемь детей, трое умерли во младенчестве, остались — Порфирий, Симеон, Андрей, Василий и Сусанна. Когда Симеону было восемь лет, отец вместе с односельчанами поехал на заработки в Ташкент. По дороге он сильно заболел дизентерией и скончался. Все тяготы воспитания пятерых детей легли на плечи матери. Дети во всем помогали матери по хозяйству, Симеон в свободное от учебы время также подрабатывал — пас деревенское стадо коров.

Учился Симеон в церковно-приходской школе в соседнем селе Высоковка. Учителем там был псаломщик, очень благочестивый человек, так что главными учеб-

¹ Нынешние Средние Кибечи Канашского района Чувашской Республики.

никами в школе были Псалтырь, Часослов и Закон Божий. Перед началом занятий ученики обязательно пели «Царю Небесный», перед обедом «Отче наш», после занятий читали вечернее правило. Учитель часто давал Симеону для чтения Жития святых. Читая о святых и их подвижнической жизни, маленький Симеон желал подражать их подвигам.

С детства (ему было тогда лет восемь) он сознательно отказался от мяса, старался избегать деревенских праздников, сторонился шумных игр своих сверстников, любил уединение и молчание. Он порой носил во рту маленький камешек, и когда ему хотелось заговорить с кем-то, то камешек напоминал ему о необходимости удерживаться от лишних разговоров. Мальчишки в школе часто шутили над ним: наполнив шапку снегом, нахлобучивали ему на голову и дразнили: «Монах, монах». В такие минуты Симеон горячо молился, чтобы Господь действительно сподобил его стать монахом.

Два монаха из той же деревни, Иннокентий и Тимофей, которые иногда навещали своих родных, еще более укрепили маленького Симеона в желании стать монахом. Он выспрашивал отцов о монастырской жизни, они много ему рассказывали, и ему нравилось все: монастырский уклад, неустанная молитва, монашеское облачение. Отец Тимофей, по просьбе Симеона, нарисовал карту и объяснил ему, как можно дойти до чувашского Александро-Невского монастыря в Козьмодемьянском уезде. В последние годы своей жизни владыка Гурий так вспоминал об этом:

«Тогда мне в сердце хотелось ехать в монастырь и там жить. А мать меня не хотела пускать. Я просил ее: “Благослови меня в монастырь”. А она плачет. Я думаю — что мне делать? Тайным образом от матери уходить. Тогда хлебного магазина не было. Хлеб пекли в доме. Я каждую ночь отрезал хлеба кусок и сушил сухари. Собрал маленькую котомочку на дорогу. Мне было тогда 13 лет».

В начале Великого поста 1920 года Симеон тайком ушел из дома². Шел он три дня. Пройдя около 70 верст, дошел до Александро-Невского монастыря, куда и был принят, к своей великой радости.

«Обитель эта, учрежденная в 1902 году, была создана специально для чувашей по их горячей просьбе. Просвещенные Евангельским учением, недавние иноверцы, они возжелали поработить себя Христу высшею формою христианского благочестия, и вот в непроходимых лесных дебрях, где незадолго пред этим раздавались дикие крики неистового идолослужения, — теперь сияет христианская подвижническая жизнь верных иноков»³.

Однако недолго оставалось сиять этому светочу. Разрушительная стихия, вернее, целенаправленная антирелигиозная политика богоборческой власти набирала силу — закрывались и осквернялись храмы, подвергались гонениям священнослужители. Попиралось все святое, наступала непроглядная ночь духовного опустошения.

До отдаленных чувашских деревень разрушительная волна докатилась не сразу. В то время как юный Симеон, оставив родительский кров, решительно шагал на север по заснеженным равнинам Казанской губернии, находя по дороге в чувашских избах и ночлег, и явное сочувствие у хозяев своему ревностному желанию послужить Господу, в Казани собрался первый съезд чувашских коммунистических секций и ячеек. Его участники с пролетарским негодованием отмечали, что чуваша, даже беднейшие, оторваны от революции и в силу своей отсталости, забитости, плохого знания русского языка могут вообще остаться вне «великого дела» на обочине истории. Для исправления столь «бедствен-

² В следственном деле 1951–1952 годов указывается 1921 год. Однако в своих воспоминаниях владыка Гурий называл 1920 год и говорил, что ему было тогда 13 лет.

³ Православные русские обители (Репринт. изд.). СПб., 1994. С. 231.

ного положения» и ради «немедленного спасения» народа чувашские коммунисты тогда же предложили *«объединить народ в революционном духе»*, для чего ходатайствовать перед центральными властями о создании Чувашской трудовой коммуны.

Такой революционной прыти подивился даже вождь мировой революции и порекомендовал с коммуной не торопиться, а пока образовать Чувашскую автономию. В июне того же 1920 года ВЦИК утвердил Декрет об образовании Чувашской автономной области в составе РСФСР. Так началась «новая жизнь» для чувашского народа: спешно стали создаваться новые органы власти, перекраивались прежние уезды и губернии, начали издаваться советские газеты на чувашском языке, повсюду устраивались митинги и ликования, на радостях станцию Шихраны переименовали в Канаш («Совет» по-чувашски).

До поры до времени «ликующая» советская жизнь проходила мимо послушника Симеона, скрывшегося за высокими монастырскими стенами. Правда, зловещее дыхание революции он почувствовал давно, с самого ее начала, когда уже после марта 1917 года в учебниках стали вымарывать имя царя Николая II, из школы изгнали сельского псаломщика, а преподавать пришли другие люди. Ни о Житиях святых, ни о молитве больше не было и речи⁴. Маленький Симеон не мог еще понять,

⁴ По решению Временного правительства летом 1917 года церковно-приходские школы и семинарии были отняты у Церкви и переданы в ведение Министерства просвещения, а Закон Божий был изъят как обязательный предмет. Несмотря на протесты и просьбы многих архиереев и всего Поместного собора, министры Временного правительства были непреклонны. Керенский категорически заявил делегации Собора, что закон пересмотреть невозможно, так как новый государственный строй будет внеконфессиональным. *«Мне до боли стало жаль народ, который будет воспитываться теперь в государственных школах вне необходимой для него связи с христианским началом жизни»*, — сказал после этого член делегации Собора Николай Дмитриевич Кузнецов. (Деяния Собора 1917–1918 гг. Т. 2. М., 1994. С. 253.)

что происходит, он только чувствовал неправду и не мог ее принять своей чистой детской душой. И по-своему этой неправде противился, продолжая на уроках читать в учебниках замазанное чернилами имя царя Николая II. За это его ругали, наказывали, били палкой и выгоняли из класса, грозя отчислить из школы. Симеон бежал домой, но мать посылала его обратно в школу.

Утешением для мальчика была его работа, где он был предоставлен самому себе. Там в поле он пас коров и наслаждался тишиной и уединением. Симеон с радостью читал Святое Евангелие, он сам купил его на заработанные деньги и, чтобы не носить домой, прятал его в сделанный тайничок. Однажды, когда Симеон вернулся с пастбища домой, начался сильный дождь. Это был настоящий ливень, который продолжался несколько дней. Симеон очень расстроился, так как понимал, что книга погибла. Но, когда он пришел к своему тайнику, оказалось, что Евангелие было совершенно сухим и целым, и он возблагодарил Бога за эту милость к нему.

Так в молитве и чтении Божественного Писания он укреплялся и возрастал душой, находя утешение в своих детских скорбях. Тем временем во взбудораженном революцией мире все более нарастала злая богоборческая стихия, и начинались уже открытые гонения на Церковь, которые развернули захватившие в России власть достойные преемники Временного правительства. О бедственном положении Церкви писал в своем послании от 19.01 (01.02) 1918 года Святейший Патриарх Тихон:

«Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова на Русской земле. Гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово, и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани...

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи

христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению чрез расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского), или ограблению, или кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александро-Невская и Почаевская лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа... И, наконец, власть, обещавшая водворить порядок на Руси, право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми, и в частности — над Святою Церковью Православной.

Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить наступление на Нее врагов неистовых? <...> Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей. Враги Церкви захватывают власть над Нею и Ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной. А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: “Кто ны разлучит от любви Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч” (Рим. 8, 35)»⁵.

⁵ Акты Святейшего Патриарха Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943 / сост. М. Е. Губнин. М., 1994. С. 82–83.

Неизвестно, доходили ли послания патриарха Тихона до глухих чувашских деревень, но не могли не доходить вести о страшных гонениях на Церковь, об осквернении и разорении храмов и монастырей, об издевательствах и убийствах епископов, священнослужителей, монашествующих. В Казанской епархии в первый же год после большевистского переворота было расстреляно несколько десятков священнослужителей, среди них казанские иереи Димитрий Шишкин, Филарет Великанов, Феодор Гидаспов и монахи Зилантова монастыря.

В июле 1918 года по приказу Троцкого был зверски убит проживавший в Свяжском монастыре епископ Сарапульский Амвросий. Еще до революции, в 1916 году, владыка Амвросий был незаконно и антиканонично уволен на покой за обличения злоупотреблений губернской администрации, но в 1917 году он мужественно выступил за свергнутого государя и призывал свою паству ратовать за царево дело. В июле 1918 года, во время наступления чехов, в Свяжск прибыл Троцкий и приказал уничтожить бесстрашного архипастыря. Его вывезли на станцию Тюрлема, и через несколько часов келейник нашел в нескошенном поле тело владыки, проткнутое штыком в спину, с руками, вывернутыми еще при жизни в плечах, локтях и кистях. Келейник похоронил владыку на месте мученичества и в течение двенадцати лет платил крестьянину, владельцу поля, чтобы тот не перекапывал поле⁶. Примечательно, что именно на станции Тюрлема спустя несколько десятилетий у отца Гурия будет тайная катакомбная церковь.

В такое лихолетье сознательно устремившийся в монастырь маленький чувашский мальчик действи-

⁶ Но в 1930 году земля отошла колхозу, и бывший келейник во избежание ареста должен был бежать. Так след могилы священномученика затерялся, но память о нем сохранялась в предании гонимой Русской Церкви.

тельно самой своей жизнью откликнулся на пламенные призывы патриарха Тихона, первосвященника страждущей Русской Церкви. В Александро-Невском монастыре, в который пришел Симеон в 1920 году, послания патриарха, конечно, были известны. Через тридцать лет в своих показаниях на следствии Гурий упоминал, что в монастыре был разговор о воззваниях Тихона и что *«среди монахов нашлось немало сторонников тихоновского направления, и я был таким сторонником»*⁷.

«Контрреволюционные», по терминологии следствия, послания патриарха действительно были контрреволюционными, только не в том смысле, какой вкладывали в них коммунисты. Патриарх не призывал к вооруженному сопротивлению или перевороту, а говорил о сопротивлении духовном. И это было единственное, что могло остановить разливавшуюся по Русской земле богоборческую стихию. Никакими политическими, земными средствами это сделать было невозможно. Духовное делание, покаяние и борьба со грехом — вот к чему призывал патриарх Тихон свою паству⁸.

⁷ Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 93.

⁸ Из послания Св. Патриарха Тихона от 26 июля 1918 года:

«Грех, тяготеющий над нами... вот сокровенный корень нашей болезни, вот источник всех наших бед и злоключений.

Грех помрачил наш народный разум, и вот мы оцупью ходим во тьме, без света и шатаемся, как пьяные (Иов 12, 25).

Грех повсюду разжег пламень страстей, вражду и злобу, и брат восстал на брата, тюрьмы наполнились узниками, земля упивается неповинной кровью, проливаемую братскою рукою, оскверняется насильем, грабежами, блудом и всякою нечистотою.

Из того же ядовитого источника греха вышел великий соблазн чувственных земных благ, которыми прельстился наш народ, забыв об едином на потребу.

Мы не отвергли этого искушения, как отверг его Христос Спаситель в пустыне. Мы захотели создать рай на земле, но без Бога и Его святых заветов. Бог же поругаем не бывает. И вот мы алчем, жаждем и наготуем на земле, благословенной обильными дарами

Сущность монашеской жизни, о которой мечтал и к которой всем сердцем стремился тринадцатилетний Симеон, заключается в истинном покаянии. Монашество есть покаянный плач о грехах. Симеон это признавал, уходя в монастырь. Для него это был серьезный и обдуманый шаг, а не легкомысленный юношеский порыв. Он понимал, что его детство кончилось и началась взрослая жизнь. В своих воспоминаниях о прошлом он обычно четко разделял свою жизнь и говорил: «Когда я был еще мальчиком, в детстве», то есть до ухода из дома, и «когда я стал взрослым» — после ухода в монастырь.

природы, и печать проклятия легла на самый народный труд и на все начинания рук наших.

Грех, тяжкий, нераскаянный грех вызвал сатану из бездны, извергающего ныне хулу на Господа и Христа Его и воздвигающего открытое гонение на Церковь.

О, кто даст очам нашим источники слез, чтобы оплакать все бедствия, порожденные нашими всенародными грехами и беззакониями, — помрачение славы красоты нашего Отечества, обнищание земли, оскудение духа, разорение градов, поругание храмов и святынь и все это потрясающее самоистребление великого народа, которое сделало его ужасом и позором для всего мира.<...>

Плачьте же, дорогие братие и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о великих грехах вашего Отечества, пока оно не погубило до конца. Плачьте о себе самих и о тех, кто по ожесточению сердца не имеет благодати слез. Богатые и бедные, ученые и простецы, старцы и юноши, девы и младенцы, соединитесь все вместе, облекитесь, подобно ниневитянам, во вретище и умоляйте милосердие Божие о помиловании и спасении России. <...>

Господи Человеколюбче! Приими очистительную жертву кающихся пред Тобой людей Твоих, отыми от нас дух малодушия и уныния и духом владычным, духом силы и крепости утверди нас...» (Акты Св. Патриарха Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 145–147.)

Краткая изгнанническая монастырская жизнь

Однако не суждено было Симеону проводить жизнь в монастырской тишине в подвигах молитвы и поста под руководством благочестивых старцев. Власти, приступившие к искоренению религии, не могли оставить в покое эти места покаянных подвигов и безжалостно уничтожали монастыри. В 1925–1926 годах Александроневский монастырь был закрыт, и монахов изгнали из келий. Сначала они еще жили вокруг монастырской церкви, затем их изгнали из этой церкви, и они разошлись. Симеон пришел в родную деревню. Родные до сих пор не знали, где он находился, и теперь мать была рада, что сын избрал монашеский путь, и благословила его.

В то время в двух верстах от деревни на хуторе Кибечи существовала группа истинно-православных христиан. Некий приезжий монах Феодот был во главе этой группы. Симеон стал посещать их собрания. Как свидетельствовали позднее на допросах его односельчане: *«Эта группа являлась религиозной и не признавала Советской власти, которую участники этой группы называли антихристовой. Группа существовала около года. Потом участники группы были арестованы... Павлов не арестовывался, так как он хотя и посещал сборища группы в течение года, но активного участия не проявлял»*⁹.

Симеон по-прежнему стремился к монастырской жизни и, узнав о том, что еще действует Макарьевская пустынь под Свяжском¹⁰, поступил туда. Однако вско-

⁹ Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3118. Л. 88 об.

¹⁰ Она располагалась на правом берегу реки Свяга, впадающей в Волгу, около высокой горы, возвышающейся полуокружием. По преданию, Макарьевская Свяжская подгорная пустынь была основана отшельником Исайей, иноком из обители Макария Желтоводского, который прибыл на это место с иконой преп. Макария в 1661 году.

ре пустынь была закрыта властями, и Симеон пошел дальше на восток за Волгу и был принят в Раифскую пустынь¹¹. В то время в Казанской епархии происходила напряженная борьба православных-«тихоновцев» с обновленцами. Митрополит Кирилл Казанский в это время находился уже в ссылке. Временно управлял епархией епископ Чистопольский Иоасаф (Удалов). Он, епископ Афанасий (Малинин) и епископ Андроник (Богословский) не признали архиепископа Алексея (Бажанова), назначенного в апреле 1923 года обновленческим Высшим церковным управлением (ВЦУ) на Казанскую кафедру¹². 30 апреля 1924 года владыка Иоасаф был вызван в Москву и там арестован. Епархией стал управлять епископ Афанасий. Его поддерживали монашеские Казанской епархии, возглавляемые благочинным монастырей, настоятелем Раифской пустыни архимандритом Феодосием.

Симеону довелось быть очевидцем следующего случая столкновения православных с обновленцами. В то время, несмотря на притеснения и гонения со стороны властей, еще совершались знаменитые крестные ходы.

При учреждении штатов хотели упразднить монастырь и храм обратить в приходскую церковь, но приписали к Свяжскому Успенскому монастырю. Проезжавшему здесь императору Павлу I понравилось это место, и он изъявил желание о возобновлении обители, что и было сделано в 1798 году, когда Макарьевская Свяжская пустынь была объявлена самостоятельной. В ней были возведены две каменные церкви.

¹¹ Раифская пустынь основана в 1613 году, находилась она на озере Сумке, в 18 верстах от Свяжска и в 28 верстах от Казани. В начале XX века в ней было четыре храма и надвратная церковь. Главной святыней обители являлась чудотворная икона Грузинской Божией Матери.

¹² ВЦУ было незаконным сборищем недостойных клириков в Москве, которые при поддержке ОГПУ воспользовались арестом патриарха Тихона и захватили церковное управление. Они принялись за реформу Церкви, восхваляли советскую власть, «*лишили сана и монашества*» патриарха Тихона и обвинили его и верное ему духовенство в реакционности и контрреволюции.

Один из таких крестных ходов ежегодно совершался с чудотворной Смоленской Седмиезерной иконой Божией Матери из Седмиезерной пустыни, которая располагалась в 17 верстах от Казани¹³. В течение месяца икона переносилась из одного казанского храма в другой и затем также с крестным ходом возвращалась назад в монастырь.

25 июня икону торжественно встречали на том самом месте, где она была впервые встречена в 1654 году и где позднее был основан Кизический монастырь. Так и на этот раз крестный ход направлялся из пустыни в Казань. Православные епископы Афанасий и Андроник вместе с духовенством должны были встречать икону в Богородицком монастыре в Казани¹⁴. Когда крестный ход приблизился к Казани, обновленческий архиерей Алексей (Бажанов) вместе со своим духовенством захватил икону и унес в занятый им Иоанновский монастырь¹⁵. Епископы Афанасий и Андроник отслужили молебен и вместе с народом отправились крестным хо-

¹³ Седмиезерная обитель основана в 1615 году. Чудотворный образ Смоленской Седмиезерной иконы принес с собой еще в начале XVII века основатель пустыни схимонах Евфимий. В 1654 году благодаря этому чудотворному образу в Казани была остановлена эпидемия чумы. С тех пор по указанию митрополита Лаврентия Казанского стали ежегодно совершать крестный ход с иконой.

¹⁴ Эта обитель находилась в самом городе Казани, недалеко от кремля, на том самом месте, где был обретен чудотворный образ Казанской Божией Матери. По случаю обретения этого образа и была основана обитель в 1579 году митрополитом Гермогеном (впоследствии святым патриархом). В 1904 году чудотворная икона была похищена злоумышленниками. Многие не без оснований усмотрели в этом событии предзнаменование грядущих бедствий. Так и случилось — поражение в Русско-японской войне, революция 1905 года, либеральный думский разгул и полное крушение Российской империи. Богородицкий монастырь, как и многие обители и храмы Казани, в 1930-е годы был снесен до основания. На его месте построена кинофабрика «Красный Восток».

¹⁵ Иоанно-Предтеченский монастырь в самом городе Казани, близ Кремля. Был основан в XVI веке архиепископом Казанским св. Германом. В 1930-х годах монастырь был срыт до основания.

дом к Иоанновскому монастырю, чтобы вернуть икону. Они не стали заходить в храм, захваченный обновленцами.

Алексей вышел и начал благословлять народ иконой. Но люди отбегали в сторону, чтобы не попасть под его благословение. Затем Алексей хотел отдать икону епископу Афанасию. Но владыка отказался принимать икону из его рук и велел взять икону монахиням. Алексей не хотел передавать икону кому-либо, кроме епископа Афанасия. Тогда владыка Афанасий попросил монахинь принести святой воды, покропил ею трижды икону, чтобы очистить от «скверных» рук Алексея (рассказывая об этом, отец Гурий называл Алексея «красным драконом ада»). Только после этого владыка Афанасий взял икону. И крестный ход проследовал к Богородицкому монастырю.

Этот крестный ход, как и многие подобные по всей России, представлял собой величественное зрелище, сопровождавшееся многими чудесами и милостями¹⁶.

¹⁶ Интересное описание крестного хода с Седмиезерной иконой оставил будущий пролетарский писатель М. Горький, который до революции в период своего богоискательства стал его свидетелем и участником:

«В Казанской губернии пережил я последний удар в сердце, тот удар, который завершает строение храма. Было это в Седмиезерной пустыни, за крестным ходом с чудотворной иконой Божией Матери: в тот день ждали возвращения иконы в обитель из города — день торжественный. Стоял я на пригорке над озером и смотрел: все вокруг залито народом, и течет темными волнами тело народное к воротам обители, бьется, плещется о стены ее — нисходит солнце и ярко-красны его осенние лучи. Колокола трепещут, как птицы, готовые лететь вслед за песнью своей, и везде — обнаженные головы людей краснеют в лучах солнца, подобно махровым макам. У ворот обители — чуда ждут: в небольшой тележке молодая девица лежит неподвижно; лицо ее застыло, как белый воск, серые глаза полуоткрыты, и вся жизнь ее — в тихом трепете длинных ресниц.

Рядом с нею отец, высокий мужчина, лысый и седобородый, с большим носом, и мать — полная круглолицая; подняла она брови, открыла широко глаза, смотрит вперед, шевеля пальцами, и кажется, что сейчас закричит она пронзительно и страстно. Подходят лю-

Но все это было уже в прошлом. В 1926 году Седмиезерная пустынь, как и сотни других обителей, была закрыта и разорена. Ни о каких крестных ходах не могло быть и речи. Храмы разрушались или обращались в клубы и прочие заведения, иконы отбирались и сжигались тысячами. Епископы и священники подвергались арестам, ссылкам, расстрелам. И современники этих скорбных событий признавали: «Святая Русь превращается в поганую».

ди, смотря больной в лицо, а отец мерным голосом говорит, тряся бородой: “Пожалейте, православные, помолитесь за несчастную, без рук, без ног лежит четвертый год; попросите Богородицу о помощи, возместится вам Господом за святые молитвы ваши, помогите отцу-матери горе избыть”.

Видимо, давно возил он дочь свою по монастырям и уже потерял надежду на излечение; выпевает неустанно одни и те же слова, а звучат они в его устах мертво. Люди слушают прошение его, вздыхая, крестятся, а ресницы девушки все дрожат, окрыляя тоскливые глаза. Может быть, двадцать расслабленных девиц видел я, десятки кликуш и других немощных, и всегда мне было совестно, обидно за них, — жалко бедные, лишенные силы тела, жалко их бесплодного ожидания чуда. Но никогда еще не чувствовал я жалость с такой силой, как в этот раз.

Великая немая жалоба застыла на белом, полумертвом лице дочери, и безгласная тоска туго охватила мать. Тяжело стало мне, отошел я, а забыть не могу.

Тысячи глаз смотрят вдаль, и вокруг меня плывет, точно облако, теплый и густой шепот: “Несут, несут!” Тяжело и медленно поднимается в гору народ, словно темный вал морской, красной пеной горит над ним золото хоружей, брызгая снопами ярких искр, и плавно качается, реет, подобно огненной птице, осиянная лучами солнца, икона Богородицы. Из тела народа поднимается его могучий вздох — тысячеголосное пение: “Заступница усердная, Мати Господа Вышняго!”

Рубят пение глухие крики: “Шагу! Прибавь шагу! Шагу!”

В раме синего леса светло улыбается озеро, тает красное солнце, утопая в лесу, весел медный гул колоколов. А вокруг скорбные лица, тихий и печальный шепот молитвы, опуманенные слезами глаза, и мелькают руки, творя крестное знамение.

Одиноко мне. Все это для меня — заблуждение безрадостное, полное бессильного отчаяния, усталого ожидания милости. Подходят снизу люди; лица их покрыты пылью, ручьи пота текут по щекам,

В 1925 году был создан «Союз безбожников», через четыре года переименованный в «Союз воинствующих безбожников». Миллионными тиражами издавалась антирелигиозная литература, устраивались кощунственные «праздники» — комсомольские «пасхи» и «рождества», — во время которых совершались массовые шествия ряженных (молодых людей в священнических облачениях) с богохульными лозунгами и куклами. Во время богослужений они врываются в действующие храмы, хулиганили, стараясь помешать богослужению.

Антирелигиозная кампания набирала силу. В 1927 году была закрыта большая часть монастырей. 31 декабря 1927 года священномученик Михаил Новоселов писал друзьям:

«Не ошиблись те, кто год тому назад предсказывали, что 1927-й год будет чрезвычайно тяжел для Церкви Божией. Из множества ударов, нанесенных ей в этом году, доста-

дышат тяжело, смотрят странно, как бы не видя ничего, и толкаются, пошатываясь на ногах. Жалко их, жалко силу веры, распыленную в воздухе. Нет конца течению народа! Возбужденно, но мрачно и как бы укорая, несется по воздуху мощный крик: “Радуйся, всеблагая, радуйся!” И снова: “Шагу! Шагу!”

В целом облаке пыли сотня черных лиц, тысячи глаз, точно звезда Млечного Пути. Вижу я: все эти очи — как огненные искры одной души, жадно ожидающие неведомой радости.

Идут люди, как одно тело, плотно прижались друг к другу, взялись за руки и идут так быстро, как будто страшно далек их путь, но готовы они сейчас же неустанно идти до конца его. Душа моя дрожит великой дрожью непонятной тревоги; как молния вспыхнуло в памяти великое слово Ионино: “Богостроитель народ?!” Рванулся я, опрокинулся навстречу народу, бросился в него с горы и пошел с ним, и запел во всю грудь: “Радуйся, благодатная сила всех сил!” Схватили меня, обняли — и поплыл человек, тая во множестве горячих дыханий. Не было земли под ногами моими, и не было меня, и времени не было, но только — радость, необъятная, как небеса. Был я раскаленным углем пламенной веры, был незаметен и велик, подобно всем, окружавшим меня во время общего полета нашего». (Горький М. Исповедь // Знание. XXII. СПб., 1908. С. 200–202.)

точно указать два, чтобы признать правильными эти предсказания: кощунственный разгром Сарова и жестокое опустошение Дивеева. Нужно ли разъяснять, что потеряли православные русские люди с уничтожением этих обителей? Кто хоть однажды побывал там и в прилежавшей к ним, также опустошенной, обители Понетаевской, тот сердцем чувствует, какого источника религиозного воодушевления, духовной бодрости, особенно необходимых в наше тяжкое время, он лишился»¹⁷.

В 1928 году стали закрываться последние, еще действующие монастыри¹⁸. Летом была закрыта Раифская пустынь. Как вспоминал отец Гурий, монахов разгоняли силой, двое из них, отказавшиеся уходить, были расстреляны. Куда было идти? Многие монахи поступали на мирскую работу. Симеон не хотел возвращаться в мир и «*водворяться на постоянное местожительство*». Кто-то поведал ему, что еще действуют монастыри в Башкирии, и он двинулся дальше на восток. Так он пришел в Белебеевский уезд, где поступил в Одигитриевский монастырь. Этот монастырь сразу же после революции 1917 года подвергся кощунственному разгрому, о чем рассказал игу-

¹⁷ Новоселов М. Письма к друзьям. М., 1994. С. 280.

¹⁸ 13 июня 1928 года на заседании Антирелигиозной комиссии постановили:

«<...> а) признать дальнейшую ликвидацию монастырей необходимой в целях антирелигиозной пропаганды;

б) поручить комиссии в составе Толмачева, Тучкова и представителей Наркомзема и Соцобеса в месячный срок разработать практические мероприятия по дальнейшей ликвидации и внести на утверждение АРК;

в) при разработке мероприятий необходимо учесть, чтобы за ликвидацией монастырей не пустовали монастырские земли и здания и целесообразно был использован инвентарь. Чтобы монашествующие после ликвидации монастырей не могли стать «странствующими людьми», а были водворены на постоянные местожительства.

Председатель Е. Ярославский

Секретарь Е. Тучков» (Нежный А. Допрос патриарха. М., 1997. С. 328.)

мен монастыря отец Адриан, чудом оставшийся в живых¹⁹ и добравшийся туда, когда все уже было кончено:

«Все здания разгромлены, окна выбиты, косяки и простенки выломаны, полы и потолки выдраны. Старая церковь пострадала особенно: иконостас изломан, иконы разбиты.

По рассказам очевидцев, иконы топтали ногами и обмазывали нечистотами. Святой престол увезен в деревню, и сапожник теперь употребляет его вместо стола и обедает на нем. Увезено все, что только можно увезти: дрова, сено, солома.

Чудом уцелел только один новый храм. Его хотели тоже разгромить и уже сорвали скобки у двери, но в это время на защиту храма встал приехавший в отпуск солдат-татарин. Он стал в дверях храма с револьвером в руках и угрожал застрелить каждого, кто подойдет к двери. Таким образом, его благородное мужество спасло храм и все церковное имущество.

Лишенные крова монахи живут теперь в соседней деревне, а игумен и еще 5 человек из братии — в церкви, куда добрые люди приносят им все необходимое.

Приехавшие солдаты сказали, что более погрома не будет, но никакой помощи не оказали ограбленным людям. Обысков у крестьян не делали и ограничились расспросами, кто и что взял. Солдаты велели согнать похищенный скот в одно место для того, чтобы его продать, а вырученные от продажи деньги отдать на школы.

И весь этот кощунственный ужас случился в епархии епископа Андрея, который так ревностно старался, не жалея сил о духовном просвещении народа.

Больно слышать о разрушенном, поруганном храме, но еще больнее видеть разбитым и поруганным живой храм — живую человеческую душу, душу, утратившую идею Божества...»²⁰

¹⁹ На станции Боговарово при входе игумена Адриана в вагон «его толкнули, и он из вагона упал на полотно дороги и ударился головой о тумбочку. В бессознательном состоянии он был отвезен в Чишмы в больницу, где ему сделали перевязку. В таком состоянии ему пришлось идти пешком до монастыря». Заволжский летописец. 1917. № 22 (от 15 ноября).

²⁰ Заволжский летописец. 1917. № 22 (от 15 ноября).

После первого разгрома монастырю все же удалось оправиться трудами монашествующих и благочестивых помощников. Но в 1928 году, вскоре после прихода туда Симеона, монастырь был закрыт окончательно.

Служение в Симеоновской церкви в Уфе

Симеон опять был вынужден уходить. И он пошел еще дальше на восток. Так он достиг Уфы, где нашел Симеоновскую церковь. Сам ли он узнал о ней или был направлен кем-то из отцов Одигитриевского монастыря — неизвестно. Но, как бы то ни было, этот выбор был весьма значимым и определил всю его дальнейшую судьбу. Симеоновская церковь²¹ объединяла староцерковников²² «андреевского» течения и являлась в то время кафедральным собором Уфимского архиепископа Андрея (Ухтомского)²³. Пламенный молитвенник и ревностный архипастырь, душу свою полагававший за паству, владыка пользовался уважением и любовью не только у своей православной паствы, но и у всего населения Уфимской губернии. После ареста в конце

²¹ Церковь располагалась в северной слободе города Уфы и была построена в честь св. праведного Симеона Верхотурского в 1903 году. *«Здание храма было деревянным, обшитым тесом желтого цвета, на каменном фундаменте. На колокольне было 9 колоколов: самый большой весил 111 пудов, самый маленький — 1 пуд 33 фунта».* (Васильева О., Латыпова В. Дорога к храму. История религиозных заведений города Уфы. Уфа, 1993. С. 37.)

²² Староцерковниками называли сторонников патриарха Тихона, противников обновленцев и их «обновления» Церкви.

²³ Архиепископ Андрей, в миру Александр Алексеевич Ухтомский, родился в 1872 в селе Вослома Ярославской губернии В 1895 — окончил Московскую духовную академию. Пострижен в мантию с именем Андрей, рукоположен во иеромонаха. В 1899 — посвящен в архимандрита. В 1907 — хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии. В 1911 — епископ Сухумский, в 1913 — назначен на Уфимскую кафедру.

1919 года владыка Андрей был оторван от Уфимской епархии, в начале 1920-х годов находился в очередной ссылке, однако постоянные связи со своими единомышленниками продолжал сохранять.

Лишь ненадолго в 1922 и 1926 годах ему позволяли возвратиться в Уфу и затем вновь отправляли в тюрьмы и ссылки. Так, всего несколько недель провел владыка в своей епархии в 1922 году, но и за это время успел сплотить православных на борьбу с обновленчеством. Благодаря ему была создана так называемая Уфимская автокефалия, просуществовавшая до середины 1930-х годов. Она объединила большинство православных епархий в их противостоянии обновленцам, а затем и «полуобновленцам», как стали называть сторонников епископа Иоанна (Пояркова).

В 1924 году епископ Иоанн прекратил поминать патриарха Тихона, *«отмежевавшись от реакционного тихоновского течения»*. Тогда на общем собрании 5 октября прихожане Симеоновского храма после доклада протоиерея Николая Кибардина²⁴ *«о различии староцерковничества и обновленчества»* проголосовали за признание патриарха Тихона. Они отказались признавать епископа Иоанна (Пояркова) и его полуобновленческую политику и продолжали считать своим епархиальным архиереем ссыльного архиепископа Андрея (Ухтомского).

Приходская община Симеоновского храма представляла собой пример истинно-христианской жизни в духе первохристианских общин, о которой столь радел владыка Андрей. Священнослужители, монашествующие и прихожане вели активную миссионерскую, катехизаторскую и благотворительную деятельность: оказывали постоянную помощь всем нуждающимся, в бес-

²⁴ Протоиерей Николай Алексеевич Кибардин был настоятелем с 1922 года и до самого закрытия храма в 1932 году. В храме служили также иерей Константин Павлович Константиновский и диакон Александр Евстигнеевич Фомин.

платной столовой при храме кормили множество бедных, собирали и отправляли помощь ссыльному духовенству. Этим во многом занимались сестры организовавшегося при храме сестричества:

«Нам известны имена Ольги Якиной, Нины Филимоновой, Нелли Соловьевой, Ольги Антипиной, Нюры Васильевой, но всего в составе сестричества было не менее 15 человек. Эти молодые девушки, горевшие по примеру своего пастыря ревностью о Церкви, занимались также перепиской и распространением среди верующих различных работ владыки Андрея. За это они были в 1928–1929 гг. арестованы и осуждены по статье 58 (10) УК РСФСР и сосланы в административные ссылки в Казань, Среднюю Азию сроком до 3-х лет. Ни одна из них не отказалась на допросах от епископа Андрея и своих религиозных убеждений...

Согласно описям изъятого при обысках и арестах, членами сестричества были выполнены сотни копий многих работ епископа Андрея, которые распространялись не только среди прихожан, но и среди духовенства, рассылались по разным епархиям (в том числе в Москву, в Новосибирск, Барнаул, Томск, Пензенскую, Ульяновскую, Тамбовскую губернии). Сохранились изъятые при обысках и арестах тетрадки или просто сшитые листы, написанные то чернилами, то химическим или простым карандашом, — тетрадки эти можно назвать святыми, ведь именно за них люди подвергались гонениям, лишениям. Среди этих работ и отдельные проповеди (например, о покаянии и посте, Слово на день Пятидесятницы и др.), и статьи по различным вопросам устройства церковной жизни (письма в защиту Церкви Христовой, 10 писем о церковном обновлении, “О модернизированной церкви или сергиевском православии”, “Можно ли верить обновленцам”, “Об истинно-церковной жизни и подделках ее”, “Письма о церковно-общественной жизни” — всего несколько десятков наименований). Этим работам предназначалась важная роль в организации жизни Церкви в годы большевистских гонений»²⁵.

²⁵ *Мохов Валерий, прот., Зимина Нина.* Мученический и исповеднический путь Церкви в Уфимской епархии // Уфимские епархиальные ведомости. 1996. № 4–5.

Когда в октябре 1926 года архиепископу Андрею было разрешено последний раз вернуться в Уфу, клирики и прихожане Симеоновского храма встречали владыку Андрея с большой радостью, впрочем, как и весь церковный народ Уфы. Поселился владыка в сторожке недалеко от Симеоновской церкви, и к маленькому флигельку по Самарской улице, дом 64, постоянно приходило много народу. *«Было какое-то страшное паломничество, — вспоминала одна из прихожанок — весь город волновался, и к нему (владыке Андрею) в течение многих дней выстраивались огромные очереди. И я пошла к нему... Потом он служил в Симеоновской церкви и служил так, что мы будто бы возносились в небо и не хотели опускаться»*²⁶. На всех службах владыки Андрея собиралось столько народу, что молящихся не могли вместить не только храмы, но и церковные ограды²⁷.

В Симеоновском и еще в двух храмах, очевидно в Крестовоздвиженском и Всехсвятском, владыка Андрей главным образом и служил. В других храмах Уфы клирики его не принимали, поскольку либо пребывали в обновленчестве, либо подчинялись епископу Иоанну (Пояркову). И эти храмы в то время были пустыми, а народ шел на службы к владыке Андрею. Посещал владыка также приглашающие его приходы и монастыри Уфимской епархии, проводя там торжественные богослужения.

13 июня 1927 года владыка Андрей был вновь арестован и увезен в Москву. Оттуда его отправили на три года в ссылку в Казахстан²⁸. Однако, как и прежде, его

²⁶ Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея. М., 1991. С. 134.

²⁷ О духовной силе молитвы владыки Андрея и его воздействии на паству есть яркое свидетельство в воспоминаниях схиигуменьи Сергии (1904–1994), которые приводятся в приложении.

²⁸ В октябре 1928 года архиепископ Андрей был арестован в Кзыл-Орде и приговорен к 3 годам тюремного заключения, отбывал его в одиночке Ярославского политизолятора. В октябре 1931 года ненадолго

паства и духовенство, староцерковники автокефальной Уфимской епархии, сохраняли с ним связь. Его заместителем и временным управляющим Уфимской епархией был признан вернувшийся в то время из ссылки епископ Аввакум (Боровков)²⁹, который также стал служить в Симеоновской церкви.

3–6 октября 1927 года в Симеоновской церкви проходил съезд православных староцерковнических приходов с участием епископов — Аввакума, Руфина (Брехова) и Антония (Миловидова) — и нескольких десятков священников, а епископ Питирим (Ладыгин) прислал свое приветствие и благословение. На съезде обсуждались важнейшие вопросы: отношение к основным церковным течениям и центрам, устройство местной церковной жизни, пастырская деятельность, организация благотворительности. Архиепископ Андрей единодушно был признан правящим архиереем Уфимской епархии.

На заседании 6 октября съезд внимательно рассмотрел вопрос о воссоединении архиепископа Андрея с беглопоповцами в 1925 году. После выяснения истинных обстоятельств дела была убедительно опровергнута клевета, распространяемая митрополитом Сергием о «переходе» владыки Андрея к беглопоповцам. Съезд признал разрушительными для Церкви обновленчество

был выпущен на свободу, проживал в Москве. В апреле 1932 года арестован по делу ИПЦ, приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан и отправлен в Алма-Ату. В 1934 году вновь арестован и отправлен в Ярославский политизолятор. В марте 1937 года приговорен к 3 годам концлагеря без права переписки. При пересмотре дела в сентябре 1937 года «Тройкой» при УНКВД СССР по Ярославской области приговорен к высшей мере наказания. 4 сентября 1937 года расстрелян в Рыбинской тюрьме.

²⁹ Епископ Аввакум, в миру Григорий Антонович Боровков, родился в 1892 в Уфе. Преподаватель физики в коммерческом училище, потом в средней трудовой школе. В 1922 — пострижен в мантию, рукоположен в священнический сан. 18 ноября 1922 — рукоположен в епископский сан. 30 декабря 1922 — арестован. 16 мая 1923 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Коми-Зырянский край.

и полуобновленчество, как было названо течение, возглавляемое митрополитом Сергием и его Синодом, а в Уфимской епархии представленное епископом Иоанном (Поярковым)³⁰.

На съезде обсуждалась возможность объединения со старообрядцами Белокринницкой иерархии, которые обратились к сторонникам владыки Андрея с предложением о воссоединении. Был принят проект акта примирения, документ поистине исторический, наметивший пути к ликвидации раскола в Русской Церкви. В целом съезд староцерковников явился замечательным событием в жизни Уфимской епархии. Это была своего рода попытка искренних церковных людей устроить церковную жизнь и своим примером привлечь к этому делу всех сочувствующих.

Общий духовный настрой ярко выразил в своем обращении епископ Аввакум, председатель съезда и заместитель архиепископа Андрея на Уфимской кафедре:

«Братие, помните, что церковное устройство всей нашей жизни — это самое величайшее дело всякого верующего человека. Разрушаются общества, союзы, государства и царства, вспомните страшное разложение и падение Российского Царства и научитесь из этого, насколько важно построить жизнь нашу так, чтобы она оставалась несокрушимой от всяких толчков, — такое построение — это только построение церковное, построение, основанное на подлинных вечных законах св. Евангелия, которые непреложны для всех времен и народов.

Итак, отгоните всякую лень, оставьте все свои личные дела, отдайте ваши силы и самые души ваши на это святое дело, на дело построения жизни на основах апостольских, и этим вы исполните ваше назначение здесь на земле, этим вы исполните завет Спасителя и получите от Него радость вечного пребывания с Ним.

Ему слава во веки веков. Аминь»³¹.

³⁰ В 1927 году он стал активным сторонником митрополита Сергия (Страгородского) и его компромиссной политики.

³¹ *Зеленогорский М. Л.* Указ. соч. С. 270–271.

Вскоре епископ Аввакум был арестован. Были арестованы и несколько мирян, активнейших прихожан Симеоновской церкви. Однако, несмотря на начавшиеся аресты священства и мирян, церковная жизнь Симеоновского прихода продолжалась. Приходская община с каждым годом увеличивалась: в протоколе общего собрания прихода Симеоновской церкви от 26 мая 1929 года указывалось, что присутствовало 238 человек, а в списке прихожан на 29 марта 1931 года насчитывалось уже 663 человека³².

В годы усиливающихся гонений верующие продолжали активно отстаивать свой храм, и их смелость, когда они вносили свои имена в списки прихожан, поражает:

«В конце 1928 года в центральных газетах Башкирии появились сообщения о готовящемся закрытии Симеоновской церкви. Народ стихийно поднялся на защиту храма: в декабре 1928 года толпа до 150 человек собралась у церкви. Верующие заявили: “Грабители коммунисты насильно хотят закрыть и ограбить нашу церковь. Умрем, а закрыть не дадим!” В начале 1929 года толпа верующих до 500 человек двинулась к зданию Горсовета с требованием не закрывать церковь. В этих волнениях было обвинено духовенство. Однако епископ Вениамин, напротив, призывал использовать мирные, церковные методы отстаивания церкви: по свидетельствам очевидцев и участников событий, после призыва епископа Вениамина “в Симеоновской церкви происходило усердное моление верующих, подряд три дня сюда стекались массы людей”; вся церковь держала пост, как это было принято на Руси в дни общественных бедствий»³³.

³² Причем этот список был с подробной информацией о прихожанах, точными адресами и так далее.

³³ *Мохов Валерий, прот., Зимина Нина.* Мученический и исповеднический путь Церкви в Уфимской епархии // Уфимские епархиальные ведомости. 1996. № 4–5. С. 4–5.

Прихожанам удалось тогда отстоять свой храм. Более того, в 1930 году властям пришлось принять заявление о перерегистрации Симеоновской общины, которое прихожане подали в связи с новым законом о религиозных объединениях. Не было выполнено и на следующий год постановление Башкирского ЦИК от 3 сентября 1931 года «О ликвидации Симеоновской церкви». И только в 1932 году эта церковь была закрыта по постановлению уже Президиума ВЦИК от 10 июня 1932 года.

Духовный наставник Гурия, епископ Вениамин (Троицкий)

4 апреля 1928 года совет Симеоновской общины пригласил вернувшегося из Ташкента епископа Вениамина (Троицкого)³⁴ служить в их храме и принять в духовное руководство православные общины, признающие своими духовными руководителями архиепископа Андрея и епископа Аввакума. Епископ Вениамин был признан вторым заместителем архиепископа Андрея и управляющим Уфимской автокефальной епархией. На Уфимской кафедре владыка Вениамин продолжал дело своих предшественников, архиепископа Андрея и епископа Аввакума. Он пользовался большой любовью и уважением уфимской паствы.

Осенью 1928 года епископ Вениамин принял молодого послушника Симеона (Павлова), пришедшего в

³⁴ Епископ Вениамин, родом из Тверской губернии из семьи священника, принял монашеский постриг в Нило-Столобенской пустыни на озере Селигер в 1918 году. За активную борьбу с обновленчеством был арестован в 1922 году и выслан в Среднюю Азию. Там он познакомился с архиепископом Андреем и стал его духовным сыном. По благословию владыки Андрея архимандрит Вениамин был рукоположен во епископа уфимскими архиереями Иовом (Афанасьевым) и Петром (Ладыгиным).

храм, и стал его духовным наставником. 11 октября 1928 года он постриг Симеона в монашеский чин, на следующий день рукоположил его в диаконский, а 13 октября — в священнический сан. При постриге Симеону было дано имя св. Гурия, первого епископа Казанского. В скором времени епископ Вениамин (по просьбе владыки Андрея) направил отца Гурия на служение к чувашам в Казанскую губернию. Как рассказывал об этом сам отец Гурий в последние годы своей жизни:

«Не признавшие декларации митрополита Сергия 1927 года чуваша искали истинных пастырей. В Казани они познакомились с находящимся там в ссылке уфимским иереем Аркадием Волокитиным. Отец Аркадий дал адрес владыки Андрея, и они написали ему в ссылку письмо: “Владыка Святый! Как нам теперь жить? Мы перестали ходить в сергиевские раскольнические храмы. Ходить или не ходить?” Он им пишет в ответ: “Не ходить. Там не Богу служат, а антихристу. Молитесь, как молились в своем доме. Но найдите себе духовного отца”³⁵. В это время владыка Андрей узнал, что я свободный там иеромонах в Уфе, и пишет владыке Вениамину: “У Вас

³⁵ 3 августа 1928 года архиепископ Андрей писал к обратившимся к нему чувашам:

«Возлюбленные мои братья! Правду вы пишете, что тяжелое время мы все переживаем. И потому нам очень тяжело, что пастыри и епископы оставили свою паству и живут не по Христову закону, а по чужим незаконным приказаниям.

Вы пишете, что собираетесь для святой молитвы в одно место, так и молитесь. Это очень хорошо. Но вы все-таки должны избрать себе священника-пастыря, который хоть раз в месяц или раз в два месяца приезжал бы и служил бы у вас Божию службу.

Главное, изберите человека хорошей жизни и с чистой совестью. Его и слушайте, с ним и молитесь!

А назначенных священников не принимайте; все они назначены антихристом и служат антихристу».

Это письмо, изъятое при обыске у отца Гурия, находится в следственном деле 1932 года (Государственный исторический архив Чувашии. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 142–143.)

есть такой свободный священник, пошлите его к чувашам”. Владыка Вениамин вызывает меня к себе и говорит: “Отец Гурий! Отправляю Вас, как овцу посреди волков. Но будьте терпеливы, ибо претерпевший до конца — спасется”. Положил мне голову на плечо и заплакал. Он дал мне святой антиминос, святое миро. Благословил меня, и я пошел к чувашам».

Епископ Вениамин, направляя иеромонаха Гурия на служение в чувашскую деревню Хоруй Козловского уезда, передал с ним для верующих письмо следующего содержания:

«Возлюбленные братья о Христе Иисусе Господе нашем — деревни Хоруй! Милость и благословение Спасителя нашего да будет со всеми вами.

Господу угодно стало, чтобы избранный вами брат Симеон Павлов, а ныне честный отец иеромонах Гурий, являлся пастырем вашим и помогал вам во всех духовных нуждах ваших. Берегите его и сами помогайте ему, ибо он еще молод, хотя и наградил его Господь чистою душою и добрым сердцем. Благодарим вас за любовь и доверие к нашему Архипастырю владыке Андрею и ко всем нам — его ученикам. Владыка Андрей любил всегда чувашский народ и старался послужить ему, и мы также любим вас и готовы помогать вам во всех нуждах ваших»³⁶.

Всю свою жизнь отец Гурий хранил память об уфимских архиереях. О дальнейшей их судьбе у него не было точных сведений. С архиепископом Андреем ему так и не довелось познакомиться. В 1932 году, узнав, что владыка Андрей в Москве на свободе после многолетней ссылки и тюремных заключений, отец Гурий хотел поехать на встречу с ним. Однако по каким-то причинам до Москвы ему добраться не удалось, и с архиепископом Андреем он так и не встретился.

С епископом Вениамином, очевидно, отец Гурий также больше не виделся. В июле 1930 года владыка Ве-

³⁶ Полностью письмо дано в приложении. (Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 146–148.)

ниамин был арестован, приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в Вишерский лагерь Уральской области, а с 1933 года проживал в ссылке в Мелекесе³⁷. Не сохранилось ни письменных, ни устных свидетельств о том, чтобы отец Гурий посещал епископа Вениамина в ссылке. И лишь с епископом Аввакумом отец Гурий повидался несколько раз в 1930 году в Ульяновске, где тот отбывал ссылку после ареста в Уфе в 1928 году³⁸.

В 1937 году все эти архиереи были обвинены в «организации контрреволюционной деятельности против советской власти» и приговорены к расстрелу: 4 сентября 1937 года после нескольких лет заключения в Ярославском политизоляторе был расстрелян архиепископ Андрей; 15 октября расстрелян отбывавший срок в концлагере епископ Аввакум; 16 апреля 1938 года расстрелян арестованный вместе со своими близкими в 1937 году в Мелекесе епископ Вениамин.

Отец Гурий не знал об этом³⁹. Однако, справедливо предполагая, что эти архиереи замучены до смерти без-

³⁷ В Вишерском лагере Уральской области на непосильных работах владыка Вениамин заболел, и у него развился гнойный плеврит. После операции лагерные врачи признали его безнадежным. В феврале 1933 года владыка Вениамин был освобожден из лагеря благодаря ходатайству Е. П. Пешковой, возглавлявшей Политический Красный Крест (к ней обратился за помощью архиепископ Андрей, узнавший о критическом положении владыки Вениамина). Владыка Вениамин для отбытия оставшегося срока был выслан в Мелекес, где совершал тайные богослужения и поддерживал связь с уфимским духовенством (к нему приезжал и епископ Руфин). На жительство в Мелекес к владыке переехал его брат, иерей Михаил Троицкий, с семьей и некоторые его духовные чада.

³⁸ Вскоре владыка Аввакум был вновь арестован, 8 сентября 1931 года приговорен к 10 годам лагерей и отправлен на строительство Беломоро-Балтийского канала.

³⁹ На допросе в 1952 году отец Гурий показал, что в 1933 году в Свирском лагере он услышал о «кончине» епископа Вениамина от монаха Агафопуса, которому написал об этом брат, диакон Ананий. Вероятно, это был слух о смертельной болезни епископа в Вишерском лагере. (ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 40 об.)

божной властью, он почитал их святыми. В последние годы жизни отец Гурий не мог удержаться от слез, вспоминая архиереев-мучеников. На протяжении десятилетий он бережно хранил фотографии епископов Аввакума и Вениамина, которые они ему подарили и подписали, чудом уцелевшие во время десятилетий его постоянных скитаний. А когда ему сделали копию фотографии архиепископа Андрея из изданной книги, он заплакал. Отец Гурий говорил, что если бы все епископы в Русской Церкви были такие же, как владыки Андрей, Аввакум и Вениамин, то советский режим долго бы не продержался.

Начало катакомбного служения. Встречи с духовенством в Казани

В деревне Хоруй, куда был направлен на служение иеромонах Гурий, была группа истинно-православных христиан, не признававших «сергианские» церкви. Группу возглавлял Терентий Макаров, крестьянин-середняк, сын владельца мукомольной мельницы, лишенный в 1926 году избирательных прав. В доме Терентия уже с 1918 года собирались группы верующих, вели разговоры об антихристе, о непризнании советской власти, а с середины 1920-х годов уже приходили крестьяне и из других деревень. Очевидно, Терентий Макаров был связан и с другими группами истинно-православных христиан в Чувашии и в соседних областях.

Служение отца Гурия началось в период усиления гонений на Русскую Православную Церковь. В феврале 1929 года секретарем ЦК ВКП(б) Кагановичем было разослано директивное письмо «О мерах по усилению антирелигиозной работы»; в апреле вышло постановление ВЦИК СССР «О религиозных объедине-

ниях»⁴⁰; в мае в Конституцию РСФСР была внесена поправка в статью 4, исключившая положение о свободе религиозной пропаганды; тогда же на антирелигиозном совещании при ЦК ВКП(б) было заявлено о беспощадной борьбе с Церковью. Отметим, что в 1928 году на территории РСФСР было закрыто 354 храма, а в 1929-м — уже 1119.

В этих условиях отец Гурий с самого начала вынужден был перейти к тайному служению. Позднее он вспоминал о своем первом служении на Пасху 1929 года:

«У меня вся церковь была в котомке. Начинал служить на Пасху. Если есть дом “праздный” (несемейный), там служили обедню. В деревне был пятистенный свободный дом. Хозяева умерли, и домом пользовались родственники. В этом доме готовились начать Пасхальную службу. Вдруг пришел кто-то из знакомых и предупредил, что в деревню приехали милиционеры. И я говорю Терентию: “Собирай все вещи. Уходим”. Только мы вышли, как из-за сарая выходят милиционеры. Они нас не увидели, была ночь, темно. Мы вышли на огород, Терентий впереди, я сзади. А милиционеры в доме все обыскивали. А у меня там кадило было повешено на печке, но они кадила и не видели. Ушли. Что делать? Скоро двенадцать. Нужно начинать службу. На гумне был сруб какой-то, без окон, без дверей. Мы все закрыли снопами соломы и так служили»⁴¹.

Позднее, в 1932 году, свидетели-односельчане покажут, что в их деревню приезжал какой-то архиерей из Казани. Возможно, это был епископ Нектарий (Трезвинский)⁴², с которым Терентий Макаров позна-

⁴⁰ Все религиозные организации подлежали регистрации, в которой органы местной власти могли им отказать безо всяких объяснений. Богослужения могли проводиться только в стенах храмов, собрания верующих без разрешения властей были запрещены.

⁴¹ Из записи воспоминаний в 1993 году.

⁴² Епископ Нектарий, в миру Нестор Константинович Трезвинский, родился в селе Яцки Васильевского уезда Киевской губернии. В

комился через уфимского священника Аркадия Волокитина⁴³. Отец Аркадий был сторонником архиепископа Андрея, с 1928 года он находился в административной ссылке в Казани. Здесь в то время находились в ссылке и другие уфимские последователи епископа Андрея, бывшие прихожанки Симеоновской церкви: Евгения Антипина, ее дочь Ольга Антипина и Ангелина Соловьева. Терентию и его единомышленникам отец Аркадий помог установить связь с архиепископом Андреем и другими уфимскими архиереями, и с тех пор их постоянная переписка не прекращалась⁴⁴. Вероятно, и отец Гурий был направлен к верующим в деревню Хоруй через отца Аркадия.

В конце 1928 года отец Аркадий и другие «андреевцы» вошли в общение с епископом Нектарием (Трезвинским). Епископ Нектарий отделился от митрополи-

1911 — поступил в Киевскую духовную академию. В 1914 — в Киево-Печерской лавре принял монашеский постриг. Осенью 1915 — призван в действующую армию священником Туркестанского стрелкового полка. В 1917 — окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С декабря 1917 — иеромонах в Александро-Невской лавре, в 1920–1921 — настоятель собора в Ямбурге. В 1924 — рукоположен в епископский сан патриархом Тихоном с назначением в Витебск, куда не смог выехать из-за запрета властей. В декабре 1924 — направлен патриархом Тихоном в Яранск, где активно боролся с обновленчеством. 25 мая 1925 — арестован и приговорен к 3 годам концлагеря. Отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Не приняв декларации митр. Сергия, сблизился с епископами Виктором Глазовским и Иларионом Бельским, вместе с ними участвовал в тайных богослужениях и тайных хиротониях.

⁴³ Иерей Аркадий Волокитин, родился 14 февраля 1887 в селе Богородское Уфимской губернии. В 1914 — епископом Андреем рукоположен в священнический сан. Служил в храмах Уфимской епархии. В городе Бирске после захвата храмов обновленцами создал домашнюю церковь, не признавал митрополита Сергия и уфимского архиепископа Иоанна (Пояркова). 30 марта 1928 — приговорен к 3 годам ссылки. Более подробно о нем в главе II.

⁴⁴ В дальнейшем через Терентия отец Гурий будет получать письма уфимских епископов.

та Сергия и установил связь с петроградскими иосифлянами еще в начале 1928 года, будучи в заключении в Соловецком лагере особого назначения. В конце того же года, после освобождения из лагеря, он прибыл в Казань, надеясь найти там единомышленников среди духовенства и мирян. Однако большинство клириков казанских храмов оставались в общении с митрополитом Сергием. Епископ Нектарий стал служить тайно в доме, где он поселился, в районе Козьей слободы. В этом же районе проживал и отец Аркадий, с которым владыка Нектарий нашел взаимопонимание.

Вокруг владыки Нектария и отца Аркадия объединились не признавшие митрополита Сергия клирики и монашествующие закрытых к тому времени монастырей Казанской епархии. Владыка и отец Аркадий также поддерживали связь со ссыльным духовенством других епархий, к ним приезжали верующие из разных мест:

«Владыка Нектарий регулярно устраивал у себя дома тайные богослужения. Квартира его была уставлена иконами, перед коими был поставлен столик, освященный как престол, на котором во время литургии полагался антиминос и Св. Дары. Это были удивительно трогательные службы, когда все молящиеся осознавали себя малой частью той первоапостольской Церкви, что много веков назад была также гонима и преследуема. И никто из собиравшихся на тайные богослужения не знал, уйдет ли с этой службы свободным или будет схвачен выследившими верующих чекистами, так же как никто из собиравшихся на квартире у владыки не знал, что нашелся уже иуда, продавший своего учителя начальникам с Черного озера (так в Казани называли здание ГПУ)...»

Этот агент ГПУ докладывал, что епископ Нектарий на «богослужебных собраниях» рукополагает священников и дьяконов, которых направляет в Яранскую и Чувашскую епархию, что вместе с ним служит еще и священник Аркадий Волокитин, устроивший у себя дома тоже тайную церковь, что епископ Нектарий и священник Волокитин «с одной стороны... устанавливают связь с ссыльными людьми в Нарымском крае, Казахстане, Туруханском крае и т. д., а с другой

стороны, с Вятской, Уфимской губерниями и соседними культурно отсталыми нацменскими республиками”. От ссыльного духовенства и епископата к епископу Нектарию часто приходили письма, которые через монахов и монахинь закрытых монастырей рассылались в Вятскую и Уфимскую епархию, Чувашскую республику и Марию область»⁴⁵.

Отец Гурий часто бывал на тайных богослужениях у иерея Аркадия Волокитина и епископа Нектария (Трезвинского). Несколько раз он исповедовался у владыки Нектария. Однажды после исповеди епископ Нектарий положил земной поклон отцу Гурию, на что тот возразил, что это ему надлежит сделать поклон епископу. Но владыка ответил: «Так должно быть». В эту ночь епископ Нектарий отправил отца Гурия ночевать к отцу Аркадию, и об этом случае отец Гурий позднее вспоминал так:

«Была полночь. В спальном комнате, где я спал, я услышал стук. Говорю: “Отец Аркадий, вставай-ка, там стучат”. Он отвечает: “Отец Гурий, будь недвижим и не тревожься”. Он встал, спрятал письма, потом открыл дверь чекистам. Зашли пять-шесть человек и начали обыскивать... Я лежу на лежанке за печкой и постоянно читаю: “Живый в помощи Вышнего...” От страха, испуга забываю, начинаю опять. Они все обыскивают. Я лежал на кровати и так оставался лежать... Перед их приходом я читал вечернее правило, и у меня на столике остался каноник, а в канонике были архиерейские документы (о рукоположении). И они не увидели каноника. Если бы увидели... Но ни каноника не видели, ни меня. Я остался невидимкой. Вот это чудо. Отец Аркадий писал об этом владыке Андрею...»

Вскоре, летом 1930 года, отец Аркадий был арестован как «участник Казанского филиала Всесоюзного Центра церковно-монархической организации Истинно-Православная Церковь». Тогда же в Казани

⁴⁵ Православная жизнь. 1997. № 2. С. 10–11.

были арестованы епископ Нектарий и еще несколько клириков и мирян. К этому же делу привлекли и арестованного в Козмодемьянске епископа Иоасафа (Удалова). В «Обвинительном заключении», предъявленном арестованным, утверждалось, что Казанский «филиал» ИПЦ возглавляли епископы Нектарий (Трезвинский) и Иоасаф (Удалов). 5 января 1932 года были вынесены приговоры 32 обвиняемым: епископ Иоасаф, четверо священников и монахиня были приговорены к 3 годам концлагеря, остальные обвиняемые к 3 годам ссылки. 26 января 1932 года епископ Нектарий, как главный руководитель Казанского филиала организации ИПЦ, был приговорен к 10 годам концлагеря⁴⁶.

Отец Гурий избежал ареста по групповому делу ИПЦ в Казани, будучи в то время в Чувашии. Но вскоре и для него началась непрерывная череда арестов, тюрем и скитаний. Как-то между арестами отец Гурий разыскал матушку Анастасию Волокитину⁴⁷. Она жила с детьми в деревне Дятлино Козловского района, где ей помогали благочестивые чуваша, и некоторые из них были духовными детьми отца Гурия. Она рассказала, что вернувшийся к семье в 1935 году

⁴⁶ 8 сентября 1937 года «Тройкой» УНКВД Западно-Казахстанской области он был приговорен к расстрелу.

⁴⁷ Анастасия Константиновна Волокитина, родилась в селе Воздвиженка Белебеевского уезда Уфимской губернии в семье священнослужителя. Окончила Уфимское епархиальное женское училище. В 1913 — вышла замуж за псаломщика Волокитина Аркадия Ивановича. 30 августа 1930 — арестована в Бирске по обвинению в «сборе материальных средств на поддержку политссыльных Волокитина Аркадия и епископа Андрея (Ухтомского)». Приговорена к ссылке сроком на 3 года и отправлена на строительство канала имени Москвы. С 1935 — вместе с мужем проживала в Бирске. 21 апреля 1938 — арестована и заключена в Бирскую тюрьму № 2. 22 мая 1939 — освобождена в связи с прекращением дела. 12 сентября 1975 — реабилитирована по делу 1930 года. В 1983 — скончалась.

отец Аркадий был вновь арестован 23 июля 1937 года и с тех пор о нем ничего не известно⁴⁸. Сама матушка Анастасия, как жена *«организатора черной шайки контрреволюционно-настроенных попов»*, также была арестована и пробыла в тюрьме более года. Все заботы о младших детях взяла на себя в то время старшая дочь отца Аркадия, Мария Аркадьевна⁴⁹. Она и в дальнейшем помогла матери поставить на ноги и дать образование четверем младшим детям. Всю свою жизнь Мария Аркадьевна хранила память об отце, которого, так же как и матушка Анастасия, все надеялась увидеть живым.

Надеялась она увидеть и отца Гурия, о котором помнила. Однако хотя она постоянно поддерживала связь с катакомбными общинами, но найти его не могла. Как-то Мария Аркадьевна нашла катакомбного священника по имени Гурий, но другого — марийца. Об отце Гурии, чуваше, она уже стала молиться как об усопшем, думая, что он погиб. Какова же была ее радость, когда она узнала, что он жив, и когда ей наконец удалось с ним встретиться в Казани на квартире одной из верующих, где он совершал тайные богослужения. Отец Гурий тогда тоже очень обрадовался этой встрече. Несмотря на то что прошло шестьдесят лет, он помнил всю их семью и обо всех расспрашивал. Но это уже было по окончании гонений, когда отец Гурий практически вышел из катакомб. А до этого ему предстояли десятилетия труднейших испытаний.

⁴⁸ 15 октября 1937 — приговорен к ВМН с конфискацией лично ему принадлежащего имущества и 15 ноября расстрелян в Уфимской тюрьме.

⁴⁹ Более подробно о ней — в главе III.

Служение в Шутнеровской церкви. Первые аресты и осуждения

В течение нескольких месяцев, с 13 апреля до середины лета 1930 года и с осени 1931 года до 1 февраля 1932 года, отцу Гурию довелось служить в открытом храме (и это за 65 лет его священнослужения!). Храм, посвященный Рождеству Пресвятой Богородицы, находился в селе Шутнерово Урмарского района Чувашии (позднее был закрыт и разрушен). Староста прихода храма обратился к отцу Гурию и попросил служить у них. К тому времени отец Гурий получил удостоверение личности⁵⁰ в Чел-Кумагинском сельском исполкоме, в ведении которого находилась его родная деревня Средние Кибечи, поэтому он мог проживать в другой деревне легально.

Но для открытого служения в храме ему нужно было получить разрешение от местного правящего епископа, Митрофана Алатырского. И он получил его. Не совсем ясно, чем руководствовался отец Гурий при этом. Признавал ли он Митрофана в этот момент православным епископом? Понимал ли, что, обращаясь к архиерею, находившемуся в каноническом общении с митрополитом Сергием, он идет против воли уфимских архиереев? Или же он обращался лишь для получения формального разрешения (для властей) с тем, чтобы во время богослужений продолжать поминать рукоположившего его епископа Вениамина?

Как бы то ни было, но во время служения в Шутнеровской церкви отец Гурий стал поминать ссыльного уфимского епископа Аввакума (Боровкова). Вероятно, этому предшествовало знакомство отца Гурия с чуваш-

⁵⁰ Характерно, что и на обложке, и на первой странице этого удостоверения, сохранившегося в следственном деле 1932 года, отцом Гурием были тщательно выскоблены изображения звезд и на их месте нарисованы кресты (см. фотографии во вклейке).

скими священниками-«аввакумовцами», которые еще в 1929 году, заняв резко антисергианскую позицию, прервали общение с Митрофаном Алатырским и обратились к епископу Аввакуму, который в то время находился в ссылке в Ульяновске. Тогда же эти священнослужители и активные миряне задумали создать «Союз Православной Церкви» для защиты истинного православия от наступающего безбожия и обновленческих течений, разрушающих Церковь.

Инициатива создания Союза исходила от псаломщика села Новые Шимкусы Мало-Яльчикского района Александра Григорьева. Его поддержали благочинный округа священник Орлов⁵¹, настоятель храма в селе Байгычево, и его заместитель, священник церкви в деревне Ап-Темяши отец Андрей Хрисанфов. В марте 1929 года они созвали собрание благочинного округа, в который входило тринадцать приходов. На этом собрании было принято решение прервать общение с митрополитом Сергием, создать «Союз Православной Церкви» и присоединиться к епископу Аввакуму. Затем Александр Григорьев и священники Андрей Хрисанфов и Орлов составили программу Союза. Основными задачами Союза стало укрепление церковной дисциплины среди верующих, и особенно духовенства, объединение мирян и духовенства вокруг Союза, борьба со всеми церковными расколами.

Участники Союза развернули активную деятельность. В нескольких селах были созданы церковные группы, которыми руководили священники и ревностные миряне. Вскоре им удалось распространить свое влияние на весь Мало-Яльчикский и соседние с ним районы. «Аввакумовцы» препятствовали закрытию церквей и снятию колоколов, призывали крестьян не вступать в колхозы, являвшиеся, по их мнению, безбожными организациями. В результате ряд колхозов района оказался на грани развала, как об этом свиде-

⁵¹ Имени священника Орлова нет в материалах следственного дела.

тельствуют показания председателей колхозов и колхозников из разных сел⁵².

В июле 1929 года отец Андрей Хрисанфов и псаломщик Александр Григорьев встретились в Ульяновске с епископом Аввакумом. Он утвердил программу Союза и принял на себя архипастырское руководство им. В 1930 году он рукоположил нескольких священников по рекомендации и ходатайству Союза. После ареста в январе 1930 года священника Орлова благочинным и руководителем групп Союза стал отец Андрей Хрисанфов. О знакомстве с ним отец Гурий упоминает в своих показаниях на допросе в 1951 году. Был ли отец Гурий знаком с другими членами Союза — неизвестно. Но свое вступление в эту, по терминологии следствия, «контрреволюционную организацию» он подтвердил, а на следствии в 1952 году заявил: *«Программа «Союза Православной Церкви» была основана на канонических апостольских правилах. От апостольского учения о Церкви я никогда не отступал и не отступлю»*⁵³.

Отец Гурий, так же как и единомысленные ему клирики-«аввакумовцы», воспитывал своих прихожан в истинно христианском духе, призывая их духовно противостоять безбожию, вести христианский образ жизни и не вступать в колхозы как организации безбожные⁵⁴. В июне 1930 года в Урмарский администра-

⁵² Более подробно об «аввакумовцах» и «Союзе Православной Церкви» — в приложении.

⁵³ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 65.

⁵⁴ Свою позицию в отношении к колхозам четко сформулировал на допросах Игнатий Кононович Кононов, священник-«аввакумовец» из села Новочелны-Сюрбеево Батыревского района: *«Мое убеждение таково: в колхозы вступать я считаю непροстителъным грехом, потому что, вступая в колхоз, приходится принимать участие в делении чужого имущества, как это было во время раскулачивания кулаков; работая артелью, приходится соприкасаться с антирелигиозниками и входить во все грешные дела артели»*. (ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. С. 195 об. – 196.)

тивный отдел было подано заявление председателя кудемерского колхоза «Трудовик», в котором говорилось:

«По распространившимся слухам в дер. Кудемеры, а также по официальному сообщению колхозников дер. Кудемеры: поп шутнеровской церкви объявлял публично, что не будет причащать детей колхозников, также принимать покойников. Данное действие сильно повлияло на женскую массу колхозников, которые по убеждению еще близки к церкви, и главным тормозом коллективизации и женщин служит также отчуждение от внешнего мира, а поэтому за такие действия необходимо его изолировать»⁵⁵.

Тогда же в Урмары поступила записка и из Андреево-Базарского сельского исполкома, в которой предлагалось принять меры в отношении священника из села Шутнерово, который *«выявляет себя отцом Гурием, а фактически оказался Павловым Семеном Павловичем, происходящим из Средней Кибечи Челкумагинского сельисполкома»*⁵⁶, поскольку он отказался пойти с иконами в дома колхозников (очевидно, во время крестного хода), не причащает колхозников и отказывается крестить их детей, если кумом должен быть колхозник.

В начале Петровского поста в Шутнеровский храм пришли комсомольцы, учителя и милиция. Но арестовать отца Гурия не смогли, так как полюбивший батюшку народ этому воспрепятствовал. Прихожане сразу же написали прошение властям, чтобы они не трогали отца Гурия. Перед самым арестом отец Гурий произнес проповедь в храме, верующие плакали и не хотели расставаться с батюшкой. Но власти не оставили его в покое, и позднее он все-таки был арестован и отправлен в Урмарский арестный дом.

⁵⁵ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 113–114а.

⁵⁶ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 113.

На допросе в Урмарах отца Гурия жестоко избили, по его словам, «били со всей силы наганом в грудь и отбили легкие», требуя показать, кто составлял и написал прошение. Но отец Гурий терпел и повторял: «Не знаю, не знаю...» — так и не назвав ни одного имени. В камере с ним в арестном доме сидели двое малолеток, они ночью перепилили решетку и сбежали. Отец Гурий тоже решил уйти. Выбравшись через окно, он добрался до села Шутнерово, зашел в свой храм и оставил записку своим чадам, чтобы они его не искали. С той поры начались его постоянные скитания по деревням и селам. Теперь вся церковь была у него в котомке: облачение, книги, святые сосуды. Он служил тайно, в частных домах исповедовал и причащал, совершал крестины, венчания, отпевания.

Однажды отец Гурий совершал богослужение в одном доме. Об этом как-то прознали местные комсомольцы из так называемой «Красной метлы». Хотя в доме все было заперто, комсомольцы смогли залезть в сени через крышу. Во время утрени, когда отец Гурий читал Шестопсалмие, они ворвались в комнату и потребовали, чтобы он прекратил чтение. Но отец Гурий не обращал на них никакого внимания и продолжал чтение. Тогда они силой остановили его и потащили в милицию. Начальник милиции выслушал всех, а потом, выпроводив комсомольцев, сказал священнику: «Все твое с тобой? Забирай вещи и уходи». Батюшка собрал в котомку антиминс, книги, утварь и быстро ушел.

В селе Избахтино⁵⁷ отец Гурий крестил по просьбе матери младенца. Неожиданно пришел секретарь сельсовета, которому было поручено привести священника в сельсовет, что он и выполнил. Там отец Гурий был арестован и отправлен в тюрьму. Через несколько недель его в лютый буран и непогоду погнали в Симбирск, где просто оставили на морозе. Там батюшка нашел

⁵⁷ Возможно, Изамбаево.

верных христиан, которые спрятали его. Однако через некоторое время он вновь был арестован и отправлен в тюрьму в Елабуге. Позднее он сидел в тюрьмах в Чистополе и Казани и в общей сложности пробыл в заключении около одиннадцати месяцев.

Осенью 1931 года отца Гурия освободили в Казани, и он вновь отправился в село Шутнерово, где служил прежде. Через три месяца, 1 февраля 1932 года, он пришел в деревню Олмалуй Козловского района, где уже неоднократно проводил тайные богослужения по домам. На этот раз он был задержан председателем сельсовета и милицией. При обыске у него были обнаружены *«вещественные доказательства»* — письма епископов Аввакума, Вениамина и Андрея. Отца Гурия арестовали, обвинили *«в антисоветской пропаганде»* и отправили в Чебоксарский исправдом.

19 марта 1932 года ему было предъявлено *«Постановление об избрании меры пресечения»* как священнику-*«аввакумовцу»*, который изобличался в том, что *«на протяжении целого ряда лет вел антисоветскую работу, путем бродяжничества и агитации по деревням Чувашской АССР организовывал сектантские ячейки, обрабатывая последних в антисоветском духе. Имел тесную связь, путем переписки и личных свиданий с к.р. епископами Аввакумом, князем Андреем Ухтомским и епископом Вениамином»*⁵⁸. Отец Гурий проходил по одному делу с остальными священниками-*«аввакумовцами»* и рядом активных мирян. Часть из них была арестована раньше, а к лету 1932 года были арестованы и остальные, оставшиеся еще на свободе. Всем им были предъявлены подобные же обвинения.

Характерно, что на третьем допросе 31 июля 1932 года отец Гурий подтвердил данные им ранее показания о своей связи с уфимскими епископами Аввакумом и Вениамином. Более того, он заявил: *«Епископ*

⁵⁸ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 204.

*Вениамин и епископ Аввакум, по моему определению, являются настоящими православными епископами, они не признают митрополита Сергия, считают его изменником Православной Церкви и уклонившимся в обновленчество. Я с ними вполне согласен»*⁵⁹. Возможно, именно к этому времени относится рассказ отца Гурия о том, как однажды во время прогулки на тюремном дворе охрана с боковой вышки начала в него стрелять. Две пули просвистели над его головой, задев волосы. Один из охранников прибежал и позвал его: «О, так это вы, отец Гурий? Вам не больно?» — «Нет», — ответил тот. В тюрьме знали, что он священник, — у него были длинные волосы и борода. В то время в одной камере с ним сидели около двадцати священников, и катакомбных, и «сергианских».

28 октября 1932 года был вынесен приговор по делу «аввакумовцев»: пять священников, среди них и отец Гурий, были приговорены к 3 годам концлагеря. Остальные девять человек — к 3 годам ссылки.

Побег из лагеря.

Переход на нелегальное положение

Отец Гурий вместе с осужденными священниками был отправлен в Свирский лагерь. Там он познакомился со своими земляками, в том числе и с иеромонахом Агафопусом (Етрухиным), настоятелем Буртасинской церкви, который также был арестован и приговорен к 5 годам концлагеря почти одновременно с отцом Гурием как активный участник Истинно-Православной Церкви, но по другому делу. Приведем выдержки из материалов «Обвинительного заключения» по его делу от 5 декабря 1932 года:

⁵⁹ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 202 об.

«В конце марта 1932 года на территории Чувашской АССР ликвидирована церковно-монархическая организация, именовавшая себя «Истинно-православная церковь». Первыми инициаторами по созданию организации явились реакционно-настроенные попы — Етрухин Афанасий <...> участники организации вели злостную пораженческую пропаганду и распространяли всевозможные ложные слухи о войне и свержении Советской власти. <...> Етрухин А. С. (Агафобус)⁶⁰, 1908 г<ода> р<ождения>, ур<оженец> д<еревни> Б<ольшое> Яниково Урмарского района ЧАССР, с 1923—1925 г<ода> монах, затем иеромонах, теперь поп-нектариевец, образование получил в сельской школе и в монастыре, арестовывался в 1929, в 1930, в 1931 г<одах> каждый раз обвинялся по ст. 58-10 УК. В 1931 г<оду> осуждался на 2 года, но наказания не отбыл»⁶¹.

В мае 1933 года девять заключенных совершили побег из лагеря, в их числе были отец Гурий и иеромонах Агафобус⁶². Заключенные бежали через густой лес, ориентиром для них был мох, растущий на стволах деревьев. Когда беглецы вышли из леса, то увидели железную дорогу и пошли вдоль нее лесом. Наконец они нашли овраг и спрятались в нем, выжидая время, когда лучше будет перейти дорогу. И вот они уже решились переходить, как их заметила охрана и начала стрелять (видимо, это была охрана лагеря, которая преследовала их). Беглецы стали разбегаться в разные стороны.

⁶⁰ Таково написание этого имени в следственных делах. В святцах Русской Православной Церкви 23 декабря среди десяти Критских мучеников указан мученик Агафобус.

⁶¹ Архивная справка № 1641/143-р от 11 августа 2005 года. Государственный исторический архив Чувашской Республики.

⁶² О дальнейшей судьбе отца Агафобуса отец Гурий не знал. Вероятно, тот был вскоре пойман, так как из материалов следственного дела 1937 года известно, что он отбыл наказание и в 1936 году вернулся на родину. 28 марта 1937 года отец Агафобус был вновь арестован как «руководитель контрреволюционной организации» и 25 августа приговорен к расстрелу.

Отец Гурий попал в болото и пролежал в нем весь день до ночи. Он горячо молился святителю Николаю. Когда охранники пробежали мимо, отец Гурий целиком погружался в воду и дышал через тростниковую трубочку. Охранники так и не заметили его и вскоре ушли, но он еще долго оставался недвижимым, ни на секунду не переставая молиться. Когда стемнело, отец Гурий вылез из болота, наломал сучьев, постелил ветки и заночевал в лесу. В спрятанном мешке у него были спички, котелок и кое-какие продукты. Батюшка вскипятил воду, сварил кашу. Подкрепившись, он пошел куда глаза глядят. Вдруг он услышал стук топора. Пойдя на этот стук, он вышел и увидел дровосека. «Бог в помощь! — обратился отец Гурий к незнакомцу. — Я бежал из лагеря. Как мне перебраться через реку Свирь?» Дровосек указал на дорогу.

Батюшка вышел к тому месту, где стояла лодка, и в ней уже сидели люди. Переправившись через реку, батюшка взял билет на пароход и доехал до ближайшего города. На вокзале он встал в очередь в кассу за билетом на поезд. Неожиданно подошел милиционер и потребовал предъявить документы. Отец Гурий сказал, что забыл их. Милиционер рванул его за рубашку и, заметив на ней лагерную метку, повел батюшку в милицию. Там его обыскали, отобрали иконки, фотографии епископов и хотели снять нательный крест, но отец Гурий сам снял его и положил в рот. Милиционер ударил отца Гурия, и тот упал. Его подняли и стали грозить, что сейчас расстреляют. На что отец Гурий ответил: «Стреляйте. Крест не отдам». Тогда его отвели к начальнику, у которого уже лежали конфискованные вещи арестованного. Неожиданно начальник сказал ему: «Забирай все и уходи. А к билетной кассе больше не подходи, иди пешком».

Около года отец Гурий странствовал по Ленинградской области, затем — по Московской и Нижегородской. До окончания срока заключения он не хотел появляться в Чувашии. У него в чемодане с двойным дном

были спрятаны крест, подрясник, епитрахиль и молитвослов, которые он получил еще в 1932 году в Чебоксарской тюрьме от кого-то из родственников с передачей. Переходя из одной деревни в другую, на ночлег он останавливался у верующих и совершал там же богослужения. В 1935 году отец Гурий пришел в свою родную деревню Средние Кибечи и здесь узнал от своей родственницы, монахини Анисии Максимовой, что его разыскивают.

Отец Гурий понимал, что теперь ему годами предстоит скрываться и служить тайно, так что стал серьезно готовиться к этому: вместо старой и изношенной сшил себе новую епитрахиль, поручи, несколько церковных платков, сделал крест для богослужения. В Казани он купил книгу об исповеди, чашу для причастия и лжицу, а монахиня Анисия дала ему требник, каноник, сборник церковных песнопений. Жил отец Гурий теперь скрытно в конюшне, а из сарайчика сделал тайную церковь и там служил. Когда его вызывали на требы, ходил обычно только ночью или в непогоду.

В то время начался новый этап гонений на Церковь. Еще в мае 1932 года, вслед за принятым на конференции ВКП(б) планом второй пятилетки, «Союз воинствующих безбожников» утвердил свой план «безбожной» пятилетки. В нем по годам были распланы следующие мероприятия: закрыть все духовные школы; провести массовое закрытие храмов, запретить издание религиозных сочинений и изготовление предметов культа; окончательно выслать всех служителей культа «за границу»; закрыть оставшиеся храмы всех религий. Завершалось все это главным лозунгом «Союза воинствующих безбожников» — *«К 1 мая 1937 года имя Бога должно быть забыто на всей территории СССР»*.

Однако, несмотря на жесточайшие гонения, разрушение храмов, аресты, ссылки и расстрелы духовенства и мирян, церковная жизнь не прекращалась. По всей

стране совершались тайные богослужения. И советская печать того времени не могла умолчать об этом явлении:

«Даже закрытие церкви далеко не всегда означает ликвидацию религии. Мы знаем много случаев, когда колхозники, закрыв церковь у себя, ездят в соседние церкви, когда они молятся у себя на дому, когда они, сняв иконы со стен, держат их у себя в сундуках. Вошло в моду странствование. Поп-передвижка стал теперь довольно обычной фигурой в ряде районов. Предприимчивый батя захватывает в узелочек все необходимое культовое имущество и — от села к селу, от базара к базару, переезжая на лошади, выполняет по заказу требы, не давая верующим забывать о Боге. Верующие трудящиеся, если они верят в Бога и желают совершать богослужения, имеют для этой цели официально зарегистрированные храмы. Но религиозные организации уходят в подполье, за последнее время в целом ряде мест, например, в Западной Сибири, Центрально-Черноземной области, на Урале, Северном Кавказе и др., причем организовывается молитвенный дом где-нибудь в частном помещении, в подполье, куда вход доступен только ограниченному числу лиц, да и контроль со стороны власти отсутствует»⁶³;

«Емельян Ярославский в брошюре “Задачи антирелигиозной пропаганды” (1937) пишет: “Глупо думать, что если поп лишился своего прихода, то он перестал быть попом. Мы знаем сотни случаев, когда после закрытия церквей их священнослужители превращались в попов-передвижек и вместе со своим немудреным инвентарем путешествовали по деревням, рабочим поселкам, совершая религиозные обряды, читая молитвы, Библию, Псалтырь. Такой поп-передвижка порой опаснее того, который служит открыто”»⁶⁴.

27 августа 1937 года корреспондент газеты «Труд» в своей статье о рабочих Донецкого бассейна писал об уси-

⁶³ Плещук Ф. Борьба против религии на новом этапе. М., 1933.

⁶⁴ Польский М., *протопресв.* Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1957. Ч. 2. С. XVI–XVII.

лении религиозных настроений среди шахтеров и заводских рабочих и указывал, что их потребность в религиозных книжках удовлетворяют *«странники»*, которые им доставляют *«поповскую литературу»*. А в статье спецкора «Комсомольской правды» от 15 сентября 1937 года отмечалось увлечение молодежи Воронежской области религиозными учениями и утверждалось, что *«женская молодежь недавно основала “тайный монастырь” — в монахини ушли сразу 15 девушек из двух соседних колхозных сел»*.

Порой и сторонники митрополита Сергия переходили к тайному катакомбному служению после закрытия храмов, например, как сообщала газета «Труд» от 20 декабря 1937 года:

«Митрополит Нижегородский Феофан (Туляков) не ограничивался теми рамками деятельности, которые разрешены православным иерархам соответствующими органами надзора, но благословлял организацию тайных монастырей. Несколько таких монастырей возникли в Нижнем Новгороде и в Муроме. Настоятельница одного из нелегальных нижегородских монастырей свое тайное иночество сочетала со службой в крупном нижегородском советском учреждении!»⁶⁵

Эти факты наглядно показывают, что легализация управления митрополита Сергия была бессмысленна, декларация и основанная на ней политика не остановила гонений и не «спасла Церковь». В богоборческом государстве, поставившем себе целью искоренение самого имени Божьего, Церковь не могла существовать спокойно и легально. Как и в первые века христианства, Церкви приходилось уходить в катакомбы и претерпевать мучения за Христа.

⁶⁵ Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1957. Ч. 2. С. XVII–XVIII.

Два десятилетия катакомбного служения

Во время следствия 1951–1952 годов на настойчивые вопросы, где он был после побега из лагеря, отец Гурий отвечал, что он постоянно странствовал: сначала по Ленинградской, Московской, Горьковской областям, потом по Чувашии, Башкирии, Татарии, Марийской республике, затем опять по Ленинградской и другим областям. И так — на протяжении почти девятнадцати лет. 9 января 1952 года отец Гурий показал на допросе:

«Вопрос: Показывайте, где вы бывали, странствуя по территории Татарской АССР?»

Ответ: Я в разное время 1934–1951 годов бывал в городах: Казани, Чистополе, Елабуге и во многих районах Татарии, но длительное время, до 3-х недель, проживал только в Казани. В остальных деревнях и городах я никогда не задерживался, боялся ареста. В деревнях, в которых попадались хорошие верующие, я останавливался на 2–3 дня. Названия этих деревень не знаю. В большинстве же случаев я проходил деревнями и ночевал в тех деревнях, в которых меня постигала ночь.

Вопрос: У вас были постоянные квартиры?

Ответ: Постоянных квартир не было.

Вопрос: Не было даже и в тех деревнях, в которых вы неоднократно бывали?

Ответ: Такие деревни, в которых я неоднократно бывал за время своего странствования, у меня были, но я не знаю их наименований. И в этих деревнях постоянных квартир не было»⁶⁶.

14 января 1952 года он давал показания о своих странствованиях по Марийской АССР, вновь утверждая: *«Ни одной деревни, ни одного религиозного человека, у*

⁶⁶ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 47–46.

которого останавливался, я назвать не могу, потому что я не спрашивал ни названий этих селений, ни фамилий этих людей»⁶⁷. По его словам, обычно он просто спрашивал у местных, где живут верующие, и последние его всегда хорошо принимали. Переночевав и отслужив в доме, где его просили, он уходил, не задерживаясь долго в одном месте. Так, вероятно, нередко и бывало. Однако у отца Гурия была, конечно же, постоянная паства, но карательные органы ничего не узнали о ней благодаря его стойкости на допросах.

На требования назвать своих единомышленников в Чувашской, Татарской и Марийской АССР отец Гурий назвал только монахиню Евфросинию, арестованную еще в 1947 году. И на вопросы о единомышленниках в других областях он называл либо умерших, либо известных следствию и уже арестованных лиц. Об остальной пастве отец Гурий так ничего и не сказал. А ведь его паства была немалой! В некоторых деревнях он служил постоянно, верующие тайно собирались в каком-нибудь доме или сарае, где был специально приготовлен стол и все необходимое, и отец Гурий совершал Божественную литургию.

Иногда ему удавалось устраивать тайные церкви под землей. Настоящие катакомбные церкви! Первая такая церковь была маленькой, на пять-десять человек, а последняя — уже на пятьдесят-шестьдесят. Она была выкопана под домом одного из христиан в селе Хурамал⁶⁸. Отец Гурий вместе с хозяином, помогавшим ему, выкопанную землю по ночам вывозили за село и сбрасывали в канаву, закрывая сверху слоем чернозема. Церковь была глубиной 30–35 ступеней вниз; у нее были настоящие своды, то есть она была как бы под куполом благодаря хорошей крепкой глине; в церкви был устроен алтарь. Отец Гурий несколько лет прослужил в этой церкви, но

⁶⁷ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 53 об.

⁶⁸ Или Картлуево.

потом пришлось уйти, так как сын хозяев женился на девушке, которой нельзя было доверять.

Опять начались скитания. Дважды отец Гурий едва избежал ареста. Так, он скрывался в доме одного благочестивого христианина Афанасия. В какой-то момент вдруг решил уходить, и, несмотря на уговоры хозяев, опасавшихся, что его арестуют по дороге, он все же уехал в Казань. «Сердце как бы подтолкнуло уйти», — вспоминал он позднее. На другой день он вернулся туда на пароходе и на пристани встретил сына Афанасия, который предупредил, что в их дом идти нельзя, так как вскоре после отъезда отца Гурия к ним пришли милиционеры. Они произвели обыск, истыкали всю солому штыками, приговаривая, что там «должен быть поп». Самого Афанасия арестовали и дали ему шесть лет лагерей.

В другой раз отец Гурий пришел в соседнюю деревню причащать больную женщину. На выходе за ним погнался какой-то человек, догнал и стал выспрашивать, кто он и откуда, наконец вцепился в него и стал звать кого-то. Отец Гурий вырвался и побежал к берегу реки. Там он спрятался среди бревен. Преследователи искали его, но так и не нашли. После войны отец Гурий попытался оформить себе хоть какой-то документ, и ему удалось за определенную плату сделать в Казани подложную справку о том, что он в Севжелдорлаге пробыл с 1941 по 1945 год. С этой справкой летом 1946 года он прибыл в свою родную деревню Средние Кибечи и прожил там около трех месяцев. По предъявлении справки председатель сельсовета в Чел-Кумагине выписал отцу Гурию бумаги на получение паспорта, с ними он обратился в Шихазанское отделение милиции.

Но там отец Гурий был арестован. В ноябре 1946 года состоялся суд, на котором отец Гурий за побег из лагеря был приговорен к 3 годам лишения свободы. Одновременно суд признал меру наказания отбытой, и, согласно амнистии 1945 года, отец Гурий из-под стражи

был освобожден в зале заседаний. Однако прокурор опротестовал этот приговор. И отец Гурий, не ожидая для себя ничего хорошего, особенно в случае выяснения подложности справки о пребывании в лагере, сразу же скрылся. По-прежнему он продолжал странствовать по селам и деревням и совершать по домам тайные богослужения.

Приходил он тайно и в свою родную деревню: в 1947 году служил панихиды на кладбище в Нижних Кибечах, отпевал ребенка односельчанина Ерофея Спиридонова, затем — свою мать, Варвару Михайловну Павлову. В зависимости от обстоятельств отец Гурий странствовал под видом плотника или нищего, иногда занимался и сапожным ремеслом, а для того чтобы менее походило на священника, по его словам, ездил на велосипеде и носил с собой трубку для курения.

Однако в то время органы уже серьезно занялись его розыском. В сентябре 1947 года из паствы отца Гурия была арестована престарелая монахиня Евфросиния (Батеева)⁶⁹, работавшая просвирней в церкви в Канашах. Мать Евфросиния, с девятнадцати лет оставившая мир, более трех десятилетий прожила в монастырях, сначала в Вурнарском, а потом в Мамадышском. После их закрытия она странствовала по деревням, не имея никаких документов, не вступала в колхозы, не участвовала в выборах и ни в каких других мероприятиях советской власти.

На допросе 24 ноября 1947 года она подтвердила, что, будучи воспитана в строго религиозном духе, после закрытия властями всех монастырей осталась верна «тихоновской» ориентации, и не скрывала своего отношения к советской власти и «сергианской» Церкви:

⁶⁹ Батеева Евфросиния Кузьминична, родилась в 1882 в деревне Суринское Подберезинского уезда (Татария). В 1899 — поступила в Вурнарский монастырь. Пострижена в мантию с именем Евфросиния.

«Да, я, Батеева, как последователь религиозного учения “истинно-православных христиан единой святой апостольской соборной церкви”, враждебно настроена к Советской власти, и ее, как власть антихриста, я не признаю и законам Советской власти не подчиняюсь»;

«Действующую Церковь я не признаю, так как она целиком предана Советской власти, и также духовенство, нарушившее истинно-православную веру и ставшее на услужение антихристовой Советской власти»⁷⁰.

Отметим, что, объясняя свою позицию, мать Евфросиния, ссылалась на архиепископа Андрея (Ухтомского):

«Когда происходил раскол в православной церкви на тихоновские и обновленческие ориентации, архиепископ Андрей Мамадышенский⁷¹ распространял воззвания, написанные им против обновленческой “сергиевской” церкви. В одном из его воззваний было написано следующее: “Истинно верующие и священство! Не верьте патриарху Сергию, он обманул вас и соединил православную церковь с Советской властью, продал окончательно нашу православную веру безбожной Советской власти. Кто из вас хочет спасти свою душу и веру нашего патриарха Тихона, тот не должен признавать обновленческую церковь и ходить в нее”. С такими воззваниями я была полностью согласна и строго придерживалась их в своей антисоветской религиозной деятельности»⁷².

Мать Евфросиния знала многих истинно-православных. В 1930–1931 годах она ездила в Казань к епископу Нектарию (Трезвинскому) и поддерживала связь с его последователями. С отцом Гурием мать Ев-

⁷⁰ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. Л. 171.

⁷¹ Мать Евфросиния называет архиепископа Андрея по первой его архиерейской кафедре. В 1907 году он был рукоположен третьим викарием Казанской епархии с титулом епископа Мамадышского. Очевидно, мать Евфросиния знала владыку Андрея именно с того времени.

⁷² ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. Л. 172.

фросиния познакомилась через монахиню Нонну, которую знала с начала 1930-х годов, и та позднее приезжала в ее родную деревню Ян-Суринское Подберезинского района. Мать Нонна знала отца Гурия еще по Уфимской епархии, будучи монахиней женского монастыря, соседнего с Одигитриевским мужским, а в 1928 году она встречалась с отцом Гурием у епископа Вениамина в Уфе. Вернувшись на родину в чувашскую деревню Тегенеши Урмарского района, мать Нонна сохраняла связи с истинно-православными христианами, встречалась она и с матушкой Евфросинией и в 1940 году познакомила ее вместе с подругой Анной Смоловой с отцом Гурием. С тех пор они стали у него исповедоваться и причащаться.

В последний раз мать Евфросиния видела отца Гурия за неделю до своего ареста⁷³. Он заходил к ней в церковную сторожку в Канаше, но куда он ушел и где находится, что особенно интересовало следствие, она не знала. Не могли помочь следствию и другие упомянутые ею истинно-православные: одни — Анна Смолова и мать Нонна — к тому времени уже умерли, другие были в заключении, как, например, Яковлева Фекла из Казани, или скрывались, как иеромонах Дорофей.

В 1949 году отец Гурий пришел в родное село и обосновался в доме у знакомых. Отец этого семейства сра-

⁷³ Мать Евфросиния была арестована 29 сентября 1947 года, обвинялась в принадлежности «к нелегальной антисоветской организации «Истинно-Православных Христиан единой святой апостольской соборной церкви», существовавшей на территории Татарской, Марийской и Чувашской автономных республик». 22 декабря 1947 года на судебном заседании была обвинена в том, что, «являясь активной участницей нелегальной антисоветской организации в течение 1946–1947 гг., в церковной сторожке в г. Канаш неоднократно высказывала враждебные настроения к Советской власти и клеветнические измышления о материальном положении трудящихся и одновременно восхваляла царский строй в России». 23 декабря приговорена к 7 годам лагерей. (Из архивной справки от 11 августа 2005 года. Государственный архив Чувашской Республики.)

зу же пошел в сельсовет и донес на отца Гурия (за предательство он хотел получить деньги). Но его дочь успела предупредить батюшку. Отец Гурий попытался скрыться, однако на выходе из села его перехватил человек с ружьем и арестовал. Его посадили в телегу и отвезли в район. Там в милиции его так сильно избили, что он почти не мог дышать. Потом пришел начальник милиции, увидел отца Гурия и спросил: «Что с ним?» Отец Гурий, еле дыша, ответил: «Вот твои работники мне немного дали...» Начальник сразу же вызвал врача, закричав, что арестованный умирает. Отца Гурия тут же отправили в больницу. Его сестра, узнав, что он в больнице, смогла подобраться к окну, хотя на входе больницы стояла охрана. Отец Гурий передал сестре, что в полночь он сбежит, и попросил принести ему в определенное место одежду.

Ровно в двенадцать он выпрыгнул в окно и побегал по улице в одном исподнем. Солдаты, увидев, что движется нечто белое, испугались, подумав, что это привидение, и не задержали его. Так отец Гурий благополучно добегал до места встречи с сестрой, которая принесла ему одежду, но ни шапки, ни пальто не было. Всю ночь он просидел в легкой одежде на кладбище, а утром отправился в Цивильск. В этом городе у него были верные прихожане, у них он и скрывался какое-то время. Затем опять отправился странствовать, а в то время его продолжали усиленно разыскивать.

Летом 1950 года был арестован духовный отец Гурия — иеромонах Митрофан (Васильев). В сентябре он был допрошен в Чебоксарах и на следствии прямо заявил, что не признает патриарха Алексия (Симанского) и его сторонников, *«поскольку они изменили заветам патриарха Тихона»*⁷⁴, признает лишь Истинно-Православную Церковь, действующую по старым рели-

⁷⁴ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. Л. 31.

гиозным порядкам, существовавшим при Тихоне. На следующем допросе иеромонах Митрофан пояснил, что стал последователем Истинно-Православной Церкви после выхода декларации митрополита Сергия, которую расценил как «*передачу Церкви в руки антихристовой власти*», и в этой позиции его укрепили уфимские архиереи: архиепископ Андрей, который его рукополагал во иеромонаха, и его заместитель епископ Аввакум.

О своем отношении к советской власти он откровенно заявил: «*Я по убеждению монархист, признаю законной только власть царя как помазанника Божьего, советскую власть я считаю незаконной, не признаю ее как безбожную власть*». На вопрос о своих единомышленниках отец Митрофан ответил, что «*своих единомышленников я вам не назову и их предавать антихристовой власти не буду*»⁷⁵. Но отца Гурия, однако, он назвал, возможно, что имя Гурия прозвучало от самого следователя, и Митрофан лишь подтвердил свое знакомство с ним. Так как Гурий скрывался, отец Митрофан, вероятно, полагал, что не повредит ему этими показаниями, поскольку не знал его точного местонахождения. Несмотря на откровенные антисоветские заявления, иеромонах Митрофан был отпущен⁷⁶ — следя за ним, чекисты, очевидно, рассчитывали найти Гурия.

⁷⁵ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. Л. 34 об.

⁷⁶ В марте 1951 — вновь арестован, об этом подробнее — в главе II.

Последний арест иеромонаха Гурия

23 декабря 1951 года отец Гурий был арестован в Цивильске. В этом городе было немало истинно-православных христиан, которые поддерживали связь друг с другом через монахиню Анастасию Федотову. Монахиня Анастасия, глубокая старица⁷⁷, прежде была насельницей Тихвинского женского монастыря в Цивильске⁷⁸. После закрытия монастыря ей удалось остаться в своем домике-келье. Во всех остальных зданиях бывшего монастыря был устроен детский дом.

В начале 1930-х годов монахиня Анастасия, вероятно, была судима «за антисоветскую деятельность» и после освобождения вернулась в Цивильск. Так и проживала она тихонько на территории детдома, а в ее домике тайно собирались на моления истинно-православные христиане. Ее духовником был отец Алексей Корнилов, чувашский тайный священник⁷⁹. Мать Анастасия, по словам отца Гурия, являлась сторонницей «ки-

⁷⁷ На допросе обвиняемые показали, что ей к началу 1950-х было около 90 лет.

⁷⁸ Основан в 1675 году и являлся древнейшим в Чувашии. Через полтора столетия пришел в упадок, был восстановлен в 70-х годах XIX века.

⁷⁹ Корнилов Алексей Корнилович, родился в 1881 в селе Сотниково Марпосадского уезда (Чувашия). В 1947 — арестован по обвинению, как ранее судимый за антисоветскую деятельность «в установлении связи с участниками нелегальной антисоветской организации “Истинно православные христиане единой святой соборной апостольской церкви”. Принимая у себя на квартире участников антисоветской нелегальной организации, совершал религиозные обряды и среди отдельных граждан Сотниково возводил клевету по адресу коммунистического общества. Хранил и использовал в антисоветских целях реакционную “Богословскую энциклопедию”, том 12, изд. 1911 года”. В 1947 — приговорен к 5 годам лагерей. (Из архивной справки от 11 августа 2005 года. Государственный архив Чувашской Республики.)

рилло-нектариевского» течения⁸⁰, его самого она не признавала своим духовником, так как с недоверием относилась к рукоположившему его епископу Вениамину (Троицкому), которого подозревала в том, что *«он держался Москвы, то есть колебался»*⁸¹. Тем не менее мать Анастасия принимала отца Гурия, и в ее доме он встречался с другими «катакомбниками».

Там же в Цивильском детдоме работали уборщицами прихожанки отца Гурия. В 1947 году к ним присоединилась фельдшер детдома, Матрена Федотовна Рыбкина⁸². У нее была отдельная комната на втором этаже бывшего игуменского корпуса. Именно здесь отец Гурий стал проводить богослужения по большим праздникам. Как вспоминала впоследствии Матрена, отец Гурий служил ночью, при свечах, почти всю службу читал и пел сам, всегда на чувашском языке, а они только подпевали, поскольку мало что знали. В комнате за печкой отец Гурий сделал себе тайничок: печь была большая, отапливала две комнаты, Матренину и соседнюю, и у стены, где было небольшое пространство, он выпилил в полу доски в рост человека и как-то устроил так, что в случае необходимости мог там прятаться.

Сотрудники детдома обратили внимание на изменение поведения Матрены. До 1947 года она была обыкновенной советской девушкой, о религии не думала, и у нее даже не было креста. А тут она вдруг перестала ходить на танцы, в клуб и кино, пестрым нарядам стала предпочитать темные. А главное, не стала голосовать на выборах, однажды в бюллетене так зачеркнула фами-

⁸⁰ Очевидно, имеются в виду последователи митрополита Кирилла (Смирнова) и епископа Нектария (Трезвинского).

⁸¹ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 70.

⁸² Матрена Рыбкина окончила в 1942 году фельдшерскую школу, работала в Семеновском фельдшерском пункте Порецкого района, с 1945 года стала работать в Цивильском детдоме. После встречи с истинно-православными христианами из паствы отца Гурия и с ним самой обратилась к вере.

лию кандидата, что не видно было даже букв. На следующих выборах, когда получила два бюллетеня, синий и красный, она вместо красного бюллетеня опустила красную промокательную бумагу из ученической тетрадки, а сам бюллетень принесла в детдом и сожгла в печи в своей комнате. Позднее, уже перед арестом, она вообще на выборы не ходила.

Матрена не скрывала, что стала верующей, она даже стала беседовать о Боге с воспитанниками детдома, что особенно беспокоило руководство. Ее предупредили об увольнении с работы, однако Матрена оставалась непреклонной. На собрании педагогического коллектива на вопрос: «Верит ли она в Бога?» — она ответила: «Верю и буду веровать!»⁸³ Матрену выгнали с работы, и жить ей стало нигде. С тех пор она скиталась по домам верующих, в основном духовных чад отца Гурия. Матрена очень хорошо и аккуратно писала, так что переписала для отца Гурия весь служебник (его старый к тому времени совсем истрепался и рассыпался). Однажды с отцом Гурием они пришли в отдаленное село на Волге, где в то время в большой семье умер дед. Там они молились сорок дней, и Матрена вычитывала псалтырь в течение сорока ночей. Каждую ночь, когда все укладывались спать, она читала в чуланчике при коптилочке и, по ее словам, «к четырем часам утра заканчивала всю псалтырь».

⁸³ Во время следствия в свидетельских показаниях работников детдома упоминался такой любопытный факт: «В ночное время в январе 1950 года в изолятор входила женщина в белом чувашском платье с длинными распущенными волосами, лицо у нее было завязано, в руках палка, и она пугала детей. Было время святок. Если больные воспитанники детдома хотели встать, то эта женщина залезала под кровати и царапала доски кровати. После этого у воспитанников детдома возник вопрос о том, есть ли Бог». Кто-то из свидетелей указывал на Матрену как виновницу, однако другие подвергали сомнению причастность Матрены к этому, поскольку у нее не было кос, да и воспитанники сразу бы ее узнали. (ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. Л. 65.)

В 1949 году в Цивильске поселились Игнатьевы, сестры Татьяна⁸⁴ и Мария⁸⁵, и их мать Анна Михайловна, пятидесяти трех лет, — они тоже были духовными чадами отца Гурия. Сестры Игнатьевы с детства были воспитаны родителями в строго христианском духе. Их отец и мать, будучи крестьянами-середняками, не вступили в колхоз и не признавали безбожную советскую власть. Татьяна знала отца Гурия еще с начала 1930-х годов, со времени его служения в Шутнеровской церкви, находившейся в двенадцати километрах от их родной деревни Ой-Кассы Чурачинского района. По-видимому, после его побега из лагеря она поддерживала с ним связь (хотя впоследствии на допросах она это и отрицала)⁸⁶.

Игнатьевы в Цивильске купили небольшую избушку, и отец Гурий часто останавливался у них, совершая там богослужения. Вечером 22 декабря 1951 года он также пришел к ним. Отслужил всенощную, исповедал и причастил собравшихся верующих. Кроме самих Игнатьевых на службе были Матрена Рыбкина, Елена из деревни Вурман-Кассы Чурачинского района, слепая Анастасия Михайлова, родственница Игнатьевых, Анна Майорова, воспитанница детдома семнадцати лет, и старый знакомый отца Гурия — Иван. Когда-то Иван был близким его другом и несколько лет служил с ним как псаломщик. Потом Ивана арестовали и предложи-

⁸⁴ Игнатьева Татьяна Игнатьевна, родилась в 1911 в деревне Ой-Кассы Чурачинского района. Получила среднее образование. С 1949 по 1950 — работала техничкой в Цивильском детдоме.

⁸⁵ Игнатьева Мария Игнатьевна, родилась в 1924 в деревне Ой-Кассы Чурачинского района. В 1947 — окончила Цивильскую фельдшерскую школу, работала медсестрой в городской больнице, с 1950 — в туберкулезной больнице.

⁸⁶ Известно, что в 1946 году Татьяна приносила передачу отцу Гурию, когда он сидел в Цивильской тюрьме после ареста в Шихазанском отделении милиции. По ее показаниям на допросе, она узнала, что отец Гурий в тюрьме, от своего знакомого, работника тюрьмы Трофимова Алексея (покончил жизнь самоубийством в 1951 году).

ли свободу при условии — «найди отца Гурия». Иван согласился. Его освободили, дали денег и велосипед, чтобы он искал отца Гурия. И вот он нашел... Как вспоминал потом отец Гурий:

«Иван сидит, плачет: “Отец Гурий, отец Гурий, я Вас целый год ищу. И никак не могу найти. Вот теперь нашел, и вот благодарю, что сюда пришел”. Утром Иван сказал, что пойдет за хлебом в магазин. Жду, жду. Ивана нет. Что такое? Иван не идет. И вот какой-то мужчина приходит. Я лег под кровать. Он зашел, сел, спрашивает: “Курить можно?” Ему отвечают, что здесь все женщины, курящих нет, не годится. Он сказал: “Ладно, не курю”. А я лежу под кроватью. Другой мужчина приходит и говорит: “Вот ордер. Читать умеете?” Татьяна отвечает: “Умеем”. Начали обыскивать везде-везде, в печи, всё-всё... Под кровать — с фонарем. Меня вытащили. А Иван так и не пришел»⁸⁷.

В Акте от 23 декабря 1951 года, составленном сотрудниками МГБ Чувашии, отмечалось, что перед началом обыска у Татьяны Игнатьевой спросили, *«кто еще есть и находится у них в доме»*, и она ответила, что в доме больше никого нет. Далее там сообщалось, что во время обыска *«под кроватью был обнаружен, а затем извлечен гр-нин, назвавшийся сначала Игнатьевым, а затем Павловым Семеном Павловичем»*, что и подтвердилось изъятыми у него документами и фотокарточкой. Когда же Татьяну спросили, что это за человек, она ответила, что *«этого человека, извлеченного из-под кровати, она не знает»*⁸⁸. От подписи под Актом она отказалась, причем *«мотивов никаких на это не выставила»*⁸⁹.

⁸⁷ Запись воспоминаний 1993 года.

⁸⁸ Во время следствия Татьяна с такой же наивной простотой будет стараться защитить отца Гурия. На вопрос, почему он оказался под кроватью, она скажет, что отец Гурий *«прилег там отдохнуть после службы, пока готовилась трапеза, поскольку в их маленьком доме было тесно»*.

⁸⁹ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 18–18 об.

Как вспоминал позднее отец Гурий, начальник милиции вытащил его фотографию из своего нагрудного кармана и сказал ему: «Вот как я вас люблю, столько лет ношу с собой вашу фотокарточку». О предательстве Ивана отец Гурий узнал только во время следствия. После того как на неоднократные вопросы: «Был ли этот человек с вами?» — отец Гурий не выдавал Ивана, следователь сказал ему: «Вот его жалеешь, а он тебя не пожалел»⁹⁰. Позднее отец Гурий видел сон: «Иван стоял в зловонном потоке навоза и нечистот и не мог пошевелинуться, а только кричал: “Отец Гурий, прости меня! Отец Гурий, прости меня!”».

Отца Гурия отвезли в тюрьму в Чебоксарах. 28 декабря 1951 года он был допрошен, а 5 января 1952 года ему уже было предъявлено первое обвинение:

«Павлов Семен Павлович достаточно изобличается в том, что он, как один из руководителей контрреволюционной организации, носившей название “Союз православной церкви”, 28 октября 1932 года Особым Совещанием при коллегии ОГПУ был осужден к 3 годам заключения и для отбытия наказания направлен в Свирский ИТЛ.

В мае месяце 1933 года Павлов бежал из места заключения и по 23 декабря 1951 года находился на нелегальном положении. После побега он восстановил связи с антисоветским церковно-монархическим подпольем “ИПЦ” — “истинно православных христиан единой святой апостольской церкви”⁹¹; насаждал на территории Чувашской АССР группы “ИПЦ” и руководил их антисоветской деятельностью, направленной против мероприятий партии и Советского правительства»⁹².

⁹⁰ Иван вскоре был убит. После предательства отца Гурия, как рассказывала М. Ф. Рыбкина, он бросил жену, связался с молодой, стал пить. В очередной раз напившись, они поскадалили, и новая жена ударила его по голове бутылкой.

⁹¹ Сокращенно — ИПХАЦ.

⁹² ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 34.

Но следствие по групповому делу продолжалось. На допросе 31 января отец Гурий подтвердил: *«По нашему учению, по убеждению истинно-православных христиан, законной властью на земле являлась власть царя, помазанника Божьего, защитника истинного православия. Советская власть же по нашему убеждению — есть наказание Божье, ниспосланное на людей»*. Поэтому и все организации, созданные этой властью, по его убеждению, также безбожные организации. Когда его спросили об отношении к профсоюзам, то он заметил, что на первой странице профбилета есть надпись: *«Профсоюзы — школа коммунизма»*. Далее отец Гурий утверждал, что *«коммунизм — это безбожие, поэтому истинно-православные христиане должны избегать вступления в безбожные профсоюзы»*.

Относительно участия в выборах он не отрицал, что своих верующих *«наставлял лучше не участвовать в выборах, но если истинно-православному христианину приходится по неволе участвовать в выборах, то он должен зачеркнуть бюллетень»*⁹³. О своем отношении к советской власти говорил твердо и определенно: *«Я не признаю Советской власти и всех ее безбожных организаций, в том числе и колхозов, где заставляют крестьян работать в религиозные праздники и тем самым заставляют отказываться от Бога. Я не признаю легально действующие церкви, где славят безбожную власть. Но я не распространял этих своих убеждений среди других»*⁹⁴.

Когда отцу Гурию предъявили обвинение как участнику *«подпольной организации ИПХАЦ»*, он удивился, заявив, что до сего времени не знал такого названия, хотя термины *«истинно-православные»* и *«истинное православие»* им употреблялись. На вопрос, признает ли он предъявленные обвинения, отец Гурий

⁹³ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 66.

⁹⁴ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 62.

ответил, что признает свое нелегальное положение, странствование и служение, общение с монахинями, истинно-православными христианами, не признающими советской власти. Но не признал себя виновным в том, что создавал антисоветские группы и руководил их деятельностью. Истинно-православные собирались сами и обращались к нему как к священнику за духовным окормлением, что он и делал. Поэтому, кроме совершения богослужений, исповеди, причастия и духовных наставлений своей паствы, он не занимался никакой деятельностью.

Очевидно, он не признавал, как того хотелось бы следствию, и наличие некоего контрреволюционного подполья с разветвленной сетью конспиративных квартир, тайников и какой-то активной практической деятельностью против советской власти. Следователи добивались от отца Гурия назвать имена всех последователей, но он никого не назвал, кроме уже известных следствию или умерших. За отказ подписать нужные следствию обвинения он был переведен в подвальной камеру и там вместе с приговоренными к смерти просидел полгода.

О непризнании советской власти говорили и его пасомые, арестованные вслед за ним сестры Игнатьевы и Матрена Рыбкина, заключенные в Чебоксарскую тюрьму. Как вспоминала позднее Матрена: «Нас сначала посадили в КПЗ, причем всех отдельно. Со мной беседовали, уговаривали, мол, “все простим, только откажись от Бога”. В час ночи повезли в Чебоксары. Там тоже все допытывались, стращали, уговаривали. Но не били. Господь не попускал. Держали в тюрьме строго, ни писем, ни передач»⁹⁵. На допросе 29 февраля 1952 года она подтвердила: *«Отец Гурий — мой духовный отец, а я его воспитанница, его духовная дочь. До знакомства с отцом Гурием я знала об учении истин-*

⁹⁵ Запись бесед в 2000 и 2003 годах.

но-православных христиан, но окончательно укрепи-
лась в этом учении только благодаря отцу Гурию. В
своих беседах он наставлял, как спасти свою душу от
вечной муки — ада, от сатаны; говорил, что путь спа-
сения лежит через отказ от мирской жизни; что ос-
талось мало времени для покаяния»⁹⁶.

Татьяна Игнатьева подтвердила на допросе
4 февраля 1952 года: «Отец Гурий говорил, что в ныне
действующие церкви нельзя ходить, ибо они служат
Советской власти. Хотя у меня и до этого были враж-
дебные настроения по отношению к Советской вла-
сти, но слова отца Гурия еще более укрепили во мне
мои настроения против Советской власти, и я убеди-
лась, что на нашей стороне истинно-православных
христиан стоит и священник, отец Гурий»⁹⁷.

27 марта 1952 года было утверждено «Обвинитель-
ное заключение», в котором отец Гурий как руководи-
тель, а Татьяна и Мария Игнатьевы, Матрена Рыбкина
как участники «церковно-монархического подполья
“ИПХАЦ”» обвинялись в ведении антисоветской дея-
тельности «под прикрытием непризнания легально
действующей церкви». В Чебоксарах были также аре-
стованы и другие пасомые отца Гурия — Михаил Са-
пожников, Василий Гурьев и еще около десяти человек.
Их дело было выделено в отдельное производство, но
обвинялись они в том же самом.

10–11 апреля 1952 года в Чебоксарах состоялся за-
крытый суд, куда обвиняемые были доставлены под
конвоем. На суде отец Гурий повторил свои показания:
«Я призывал молиться и не признавать легально дей-
ствующие церкви, не признавать Советскую власть,
как власть безбожную, не вступать в колхозы, как в
организации, расшатывающие истинное православие.
Не принимать никакого участия в общественно-

⁹⁶ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 318 об.

⁹⁷ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 139.

политической жизни. Я распространял рукопись “Дивное видение Иоанна Кронштадтского”»⁹⁸.

В том же духе выступили и остальные подсудимые. Татьяна Игнатьева подтвердила, что по своим религиозным убеждениям не участвовала в выборах в Верховные и местные Советы депутатов трудящихся, не подписывалась под обращениями Всемирного совета мира, не расписывалась на советских документах, в кино и театры не ходила. В конце своего выступления заявила: *«Советскую власть, как антихристову власть, не признаю и ее законам не подчиняюсь. Советская власть — это власть безбожников, которая уничтожает наших истинно-православных христиан»*⁹⁹.

Мария Игнатьева подтвердила на суде, что она еще со школы была истинно-православной христианкой, что *«Советскую власть, ее законы и руководителей Советского правительства не признаю»*, так как *«выбрала себе Бога и от него никогда не откажусь»*¹⁰⁰. Мария Игнатьева не отрицала, что *«активно участвовала в нелегальных сборищах антисоветской группы, читала среди участников антисоветские рукописи “Дивное видение” и “Святое письмо”»* и что демонстративно сожгла свой профсоюзный билет *«в знак полного непризнания Советской власти»*. Матрена Рыбкина подтвердила, что истинно-православной христианкой стала четыре года тому назад, не отрицала она также, что с того времени в комнате техничек часто проводились тайные богослужения истинно-православных хри-

⁹⁸ Такая же рукопись была изъята у иеромонаха Митрофана (см. главу II) и у христиан из паствы отца Гурия в Чебоксарах. Ее хранение и распространение вменялось как стремление к подрыву устоев социалистического строя. Заключение специальной экспертной комиссии о данной рукописи и других подобных сочинениях приведено в приложении.

⁹⁹ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. Л. 249 об. — 250.

¹⁰⁰ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. Л. 251 об. — 252 об.

стиан, которые убеждали ее, что *«нужно твердо стоять в истинно-православной вере»*. Именно в силу своих убеждений она *«отказалась признавать Советскую власть, отказалась от всякого участия в общественной жизни»*¹⁰¹.

После опроса свидетелей был объявлен перерыв в судебном заседании, после чего слово было предоставлено прокурору. Он отметил, что считает обвинение вполне доказанным, и потребовал применить строгое наказание к обвиняемым: двадцать пять лет исправительных лагерей в отношении Павлова и по десять лет в отношении Рыбкиной и Игнатьевых. Адвокаты подсудимых не отрицали факта предъявленного обвинения, просили суд вынести справедливый приговор, особенно в отношении женщин, прося суд применить к ним минимальный срок наказания. Затем суд предоставил последнее слово подсудимым. Все они от него отказались.

На следующий день, 11 апреля, был вынесен приговор. Отец Гурий был приговорен к 25 годам лагерей, Игнатьевы и Рыбкина — к 10 годам с конфискацией лично принадлежащего им имущества¹⁰². Через два месяца, в начале июня, начальником тюрьмы была направлена докладная записка с грифом «секретно» с требованием ускорить высылку наряды на отправку осужденных на этап. Первыми в ней были названы отец Гурий, сестры Игнатьевы, Матрена Рыбкина и еще несколько человек, очевидно из паствы отца Гурия, но осужденные по другому делу. Вскоре наряды были высланы. 10 июня 1952 года осужденные были отправлены в особые лагеря почти с курортными названиями — Озерный (отец Гурий), Минеральный (Игнатьева Татьяна), Горный (Игнатьева Мария), Степной (Рыбкина Матрена).

¹⁰¹ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. Л. 252 об. – 253.

¹⁰² Полностью текст приговора дан в приложении.

Пребывание в Озерлаге

Через месяц, 7 июля 1952 года, отца Гурия привезли в печально известный Озерлаг под Иркутском. Заключенные работали на прокладке железной дороги в районе Тайшета — валили лес, расчищали дорогу, укладывали рельсы. В Озерлаге, как лагере особого режима, помимо обычной охраны, на окнах в бараках были решетки, на ночь до подъема бараки закрывались. Условия в лагере были настолько ужасны, что, по словам отца Гурия, за каждую положенную шпалу была положена жизнь заключенного, погибшего от непомерного труда и лишений.

Отец Гурий работал на лесоповале, но в дни церковных праздников отказывался выходить на работу. За это его постоянно сажали в карцер — холодную сырую камеру, где раз в двое суток выдавалась одна кружка воды и кусок хлеба. Но отец Гурий был непреклонен и никогда не работал в воскресенье и церковные праздники, так что получалось, что он чаще сидел в карцере, чем работал. Один врач, который был верующим человеком, всячески старался помочь ему, облегчая жизнь. Он же настоятельно рекомендовал все-таки есть мясо, так как опасался, что отец Гурий, отказавшийся от мяса еще в раннем детстве, не протянет долго на скудной лагерной пище.

Тем не менее отец Гурий остался верен себе. Как и на свободе, он в тюрьмах и лагере строго соблюдал все посты. В первую неделю Великого поста он вообще ничего не ел, и весь хлеб за неделю оставался нетронутым. В конце недели врач, узнав об этом, вызвал его и, надев на него наручники, насильно сделал ему укол (по-видимому, витамины или какое-то укрепляющее средство). Отец Гурий долго переживал, опасаясь, что в лекарстве было что-то скоромное, и корил себя, что лучше было бы съесть кусочек черствого хлеба в день.

В лагере он не давал обрить себе голову и бороду. Однажды его решили остричь насильно: на него накинули жакет, сбили с ног и прижали к полу. Однако его правая рука, видимо, не была достаточно хорошо закреплена, и едва машинка коснулась его лба, как он выхватил ее и швырнул через всю камеру что есть силы. Ударившись о металлическую дверь, машинка разбилась. В наказание отца Гурия в одной рубашке бросили в одиночную камеру в подвале. Пол ее был на несколько сантиметров покрыт водой, в ней лежала железная решетка. Отцу Гурию пришлось скрючиваться на этой решетке, так как ни встать, ни вытянуться на ней было невозможно. Целую неделю он провел в этой камере, в результате потом всю жизнь он болел хроническим бронхитом, страдая от постоянного мучительного кашля.

5 марта 1953 года заключенные вдруг услышали скорбное гудение. Никто ничего не понимал, но потом шепотом передавали новость. Немцы-заключенные подтверждали друг другу: «Капут!» Верующие крестились — это был праздник. Позднее режим в лагере постепенно стал меняться: рабочий день уменьшился, были сняты решетки с окон, двери оставляли на ночь незапертыми, питание было улучшено — вдоволь стало хлеба и соленой рыбы.

Через полтора года, 3 августа 1954 года, в отношении приговора отца Гурия был подан прокурорский протест в судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР. Хотя в отношении отца Гурия прокурор считал приговор обоснованным, поскольку Павлов С. П. «в созданных им группах во время молитвенных сборищ и в частных беседах с верующими проводил антисоветскую агитацию, распространял клеветнические измышления о скорой гибели Советской власти и возводил клевету на Советскую действительность»¹⁰³, однако меру наказания он считал слишком суровой и просил снизить срок до 10 лет.

¹⁰³ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. Л. 292

В отношении сестер Игнатьевых и Матрены Рыбкиной прокурор считал приговор необоснованным и предлагал его отменить, поскольку из материалов дела видно, что они, хотя и *«не признавали Советскую власть, ее законы и не участвовали в мероприятиях, проводимых ею, но никаких конкретных действий, направленных против Советской власти, с их стороны допущено не было»*¹⁰⁴.

9 сентября 1955 года дело было пересмотрено и срок приговора отцу Гурию снижен до 10 лет, а в отношении сестер Игнатьевых и Матрены Рыбкиной приговор был отменен и принято решение об освобождении их из-под стражи. Однако освобождены они были лишь через год¹⁰⁵.

Весной 1956 года в Озерлаг прибыла комиссия из Москвы для пересмотра дел. Отец Гурий был вызван, и ему задали вопрос: «За что Вы осуждены?» Он ответил: «За непризнание Московской патриархии и тайное служение в подполье». Позднее ему было объявлено, что он свободен. Отец Гурий перекрестился, сказав: «Спасибо». Позднее пришел официальный указ об освобождении. В справке, выданной ему 29 июня 1956 года, указывалось, что он содержался в местах заключения с 25 декабря 1951 года по 18 июня 1956 года.

¹⁰⁴ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. Л. 292–293.

¹⁰⁵ Игнатьевы вернулись в Цивильск, но вскоре при невыясненных обстоятельствах они погибли, якобы угорели в своем доме. Матрена Рыбкина в лагере познакомилась с верующими, так называемыми «федоровцами». Как истинно-православные христиане они подвергались гонениям и претерпевали чудовищные мучения в лагерях и тюрьмах за отказ от работ и т. п. Однако к их твердому исповедничеству, к сожалению, примешались различные вымыслы и заблуждения о втором пришествии, о личности самого Федора Рыбалкина и так далее. Когда отец Гурий вернулся из лагеря, Матрена его разыскала и поспешила рассказать о «федоровцах», о втором пришествии, о брате Арсении. Однако отец Гурий крайне отрицательно отнесся к этим рассказам, назвав все это глубоким заблуждением. Матрена его не послушала и, оставшись при своем убеждении, вернулась к «федоровцам» и переехала к ним в Воронежскую область.

Три десятилетия тайного служения

Отец Гурий вернулся в Чувашию. Его с нетерпением ждали его духовные чада. Антонина Кучерова¹⁰⁶, одна из первых прихожанок отца Гурия, спустя почти полвека вспоминала, как они все горячо молились о его освобождении. Они переписывались с ним и посылали посылки, за что Антонину не раз вызывали и допрашивали: откуда она его знает, где познакомились и т. д. Она отвечала, что отец Гурий был настоятелем их храма в селе Шутнерово, когда она еще девочкой вместе с родителями, очень благочестивыми христианами, ходила на службы. Ее отец, Алексей Павлович Павлов, навещал отца Гурия в тюрьме в Чебоксарах и носил ему передачи, за что вскоре был посажен в тюрьму, также пострадав за веру. Мать, Анастасия Павлова, одно время вынуждена была нищенствовать, «прося ради Христа, чтобы кормить детей». Она еще долгое время сушила хлеб и носила мужу в тюрьму. Из тюрьмы он так и не вышел, там умер.

Сама Антонина посещала тайные богослужения отца Гурия в домашних церквях в Козловском районе — в селах Карамышево, Картлуево, в их деревне Дятлино. Когда отца Гурия забрали, его прихожане не ходили в храмы, а ждали его возвращения. Потом Антонина получила его письмо об амнистии, и вскоре, к их великой радости, отец Гурий вернулся из лагеря и стал вновь тайно служить по домам. Как и прежде, он ходил из села в село, обычно всегда с инструментом под видом печника или плотника, его так и называли для конспирации «плотником». Отец Гурий действи-

¹⁰⁶ Кучерова (урожд. Павлова) Антонина Алексеевна, родилась в 1919. Скончалась в ноябре 2001 в селе Дятлино Козловского района (Чувашия).

тельно умел хорошо класть печи и отлично знал плотницкое дело, так что кроме священнического служения он исполнял разные плотницкие работы, вплоть до строительства домов.

В начале 1960-х годов отцу Гурию удалось наконец приобрести собственный домик. Еще до ареста он пытался купить дом, а поскольку паспорта у него не было, то он предполагал оформить документы на Матрену Рыбкину. Но их арест помешал осуществлению планов¹⁰⁷. Теперь, после возврата конфискованных при аресте денег, отец Гурий приобрел дом на станции Тюрлема¹⁰⁸ у одного благочестивого крестьянина Порфирия, который стал его духовным чадом. Этот дом отец Гурий полностью отремонтировал и устроил в нем церковь — были сделаны алтарь, алтарная преграда, престол, жертвенник, аналой. Христиане из близлежащих деревень приезжали туда на ночные службы, как и прежде, соблюдая все меры предосторожности, чтобы власти не обнаружили катакомбную церковь.

Божественную литургию отец Гурий служил также еще в трех селах. У него было четыре антиминсы, которые и хранились в этих селах. В остальных местах он причащал Запасными Святыми Дарами, которые сам готовил. Отец Гурий постоянно посещал свою паству, особенно стареньких и немощных в отдаленных деревнях, стараясь не допустить, чтобы кто-либо из его ду-

¹⁰⁷ Они присмотрели дом и оставили 13 000 рублей у одного верующего (8000 рублей — отца Гурия с пожертвований от верующих за время его служения и 5000 рублей — Матренины). После ареста эти деньги у верующего были конфискованы (12 500 рублей были переданы в доход государства и 500 рублей — в юридическую консультацию за выслушивание адвокатов на суде). После освобождения из лагеря в августе 1956 года отец Гурий обратился с заявлением в Верховный суд Чувашии с просьбой вернуть конфискованные у него деньги. Осенью 1956 года было принято решение о возврате 12 500 рублей.

¹⁰⁸ Станция Тюрлема — место мученической кончины одного из первых новомучеников Казанских, архиепископа Сарапульского Амвросия (см. выше).

ховных чад умер без исповеди и причастия. Пастырский долг заставлял его преодолевать собственные болезни и идти к своей пастве, даже когда сам он был уже немощным восьмидесятилетним старцем.

В 1980 году, во время Рождественского поста, отец Гурий тяжело заболел. Он был тогда один в своем домике в Тюрлеме, едва дополз до двери и, выглянув на улицу, позвал: «Есть кто-нибудь?» Проходившая мимо женщина подняла отца Гурия и отнесла в свой дом. Два месяца он не только не мог подняться с постели, но даже головы не мог оторвать от подушки. Но пост, несмотря на уговоры, отказался нарушать. Во время болезни у него было видение: «Будто он находится где-то в подземелье или в туннеле и старается оттуда выйти. Было страшно, но он продолжал идти. Позади вдруг услышал голос: “Не бойся, я здесь”. Был ли это ангел-хранитель или святой, он не знал. Потом впереди увидел яркий свет — дорога вела в сияющий белый город вдаль. Он очень хотел попасть туда, но в то же время понимал, что это будет означать, что он умрет. И он вернулся назад, в сей мир». Позднее отец Гурий постепенно поправился.

В 1985 или 1986 году, во время Великого поста, отец Гурий опять тяжело заболел. К машине «скорой помощи» его несли на носилках через всю деревню — машина не смогла проехать из-за весенней распутицы. Две недели он невыносимо страдал, при этом грубая медсестра постоянно орала на него. В апреле отца Гурия отправили домой, но после Пасхи у него вновь случился приступ, и началось сильное кровотечение. Его вновь забрали в больницу. Открытые палаты, шум, беспорядок, ходячие больные приносили вино, напивались, горланили песни. Отец Гурий попробовал им сказать, что это больница, а не пивная, но они пригрозили его избить. «Боже сохрани меня опять туда попасть», — вспоминал потом отец Гурий.

Через год, во время Петровского поста, он должен был лечь на операцию, но верующая медсестра в Чебоксарах посоветовала ему не делать ее, так как врачи не были уверены в благополучном исходе¹⁰⁹. В последние годы отец Гурий особенно страдал от изнурительного кашля. Он как-то с улыбкой сказал: «Кашель нападает на меня как собака, не соблюдая ни расписания, ни праздников», — а однажды посетовал: «Раньше я даже не мог предположить, что буду таким немощным и больным». Однако, считая, что Господь посылает ему недуги в наказание за грехи, принимал все смиренно.

Теперь отцу Гурию трудно было самому вести хозяйство, и он жил постоянно в доме у инокини Филониллы, в миру Зинаиды Ф. С самого раннего детства жизнь у нее была многотрудной, полной лишений и скорбей. Об иеромонахе Гурии Зинаида с подругой, певчей Татьяной, узнали после войны от сторожихи Зои из Батеевской церкви¹¹⁰. Там в притворе церкви они впервые и встретились с отцом Гурием, и с тех пор сама Зинаида, ее мать и сестра постоянно исповедовались и причащались у него. Духовными чадами отца Гурия стали еще многие их односельчане, в том числе и подруга Зинаиды — Александра, будущая инокиня Анна¹¹¹, и ее родители¹¹². В их доме отец Гурий стал проводить тайные богослужения, когда приходил в село. Зинаида приняла иноческий постриг, отец Гурий постриг ее с именем Филонилла.

Сам он продолжал свое катакомбное служение — служил и в своей домово́й церкви в Тюрлеме, и в церкви Казанской иконы Божией Матери, которую обо-

¹⁰⁹ Так, более десяти лет до самой кончины отец Гурий ходил с трубкой и бутылочкой на поясе и претерпевал порой помимо неудобств мучительные боли.

¹¹⁰ Она хоть и работала там, но не причащалась у местного священника.

¹¹¹ Родилась в 1912, скончалась в 2001.

¹¹² Они тоже были единоличниками и в колхоз не вступали.

рудовал в сарайчике у матери Филониллы. Эта церковка была совсем крошечной, всего несколько квадратных метров. Но в ней был алтарь с алтарной преградой и даже царскими вратами. В алтаре, как и полагалось, были св. престол и жертвенник. Все отец Гурий сделал своими руками — сам выложил в церковке и печку, которая обогревала зимой, в ней он пек и просфоры. Каким искусным печником он был, можно было почувствовать во время служб: в маленькой церковке, где едва умещалось до десяти человек, никогда не было никакого дыма от разгоревшегося угля в кадиле. Когда кадило с углем вешали на специальный крючок у печи, дым моментально из него улетучивался через тягу в печной трубе.

Церковка не была подземной, но была потайной, скрытой от постороннего взгляда. Сарайчик, в котором она располагалась, находился в глубине двора. Маленькие оконца выходили во двор, но через них трудно было что-либо разглядеть внутри. В сарайчике была сделана потайная дверка. Когда начиналась служба, то основную дверь в сарайчик закрывали на висячий замок снаружи, а в церковку проходили через эту потайную дверку рядом, которая была неприметной, как часть стенки сарайчика. Поэтому посторонний, проникший во двор, увидев замок на двери, думал, что сарайчик закрыт.

Продолжал свое служение отец Гурий и в других местах. Несмотря на свой недуг, он по-прежнему совершал утомительные поездки, не оставляя свою паству. Не прекращал отец Гурий и поисков истинно-православных архиереев.

Поиски архиереев

Искать истинно-православных архиереев отец Гурий начал сразу же после освобождения из лагеря. Не имея точных сведений об уфимских архиереях — архиепископе Андрее, епископах Вениамине и Аввакуме, которых отец Гурий прежде поминал на богослужениях, — он полагал, что они были замучены безбожной властью. Поэтому, не имея правящего архиерея, он стал поминать в общей форме «православные патриархи, митрополиты, архиепископы и епископы», при этом не теряя надежды найти истинных архиереев. Два раза в год отец Гурий ездил в Троице-Сергиеву лавру. Повидимому, там, у мощей преподобного Сергия Радонежского, встречались многие катакомбные христиане.

В лавре отец Гурий часто виделся с юродивым Василием, который жил где-то неподалеку и постоянно бывал в лавре, однако никогда не участвовал в службах и не причащался в храмах. Последний раз отец Гурий виделся с Василием в 1988 году, во время празднования тысячелетия Крещения Руси. Он услышал возглас: «Христос Воскресе!» Оглянулся, но никого не увидел. Потом еще раз, и так трижды. Наконец увидел, что это его приветствует юродивый Василий, который сказал тогда, что Гурий станет епископом и перед кончиной будет знаменитым человеком. Гурий не поверил его словам, об этом он не мог и помыслить — его единственным желанием было найти истинных епископов. Он понимал, что положение, в котором он находится без правящего архиерея, ненормальное, но в условиях жестоких гонений допустимое как временное, и потому все же надеялся его изменить.

Проблема с истинными архиереями была в то время одной из основных проблем всей Русской Церкви. В результате жесточайших гонений за два десятилетия боготорческого владычества Русская Церковь была лишена почти всего своего епископата. Власти целенаправленно уничтожали самых лучших пастырей и архипастырей.

Печально известная декларация митрополита Сергия 1927 года, которой он якобы хотел «спасти» Церковь, не спасла никого (даже его сторонников)¹¹³. К концу 1930-х годов на своих кафедрах вместе с митрополитом Сергием уцелело всего четыре архиерея. Буквально единицы оставались живыми в лагерях или вели нищенское существование на свободе. Все остальные архиереи были расстреляны или замучены в тюрьмах и ссылках.

Созданную во время Второй мировой войны иерархию Московской патриархии во главе с патриархами Сергием и с 1945 года Алексием I отец Гурий не мог признать каноничной и законной. Хотя сначала у него было искушение: когда в конце войны стали открываться храмы и было восстановлено патриаршество, он тоже поверил в возрождение Русской Церкви, как многие русские эмигранты и даже катакомбные священнослужители¹¹⁴. На следствии 1951 года отец Гу-

¹¹³ Как пишет нынешний официальный историк Московской патриархии, протоиерей Владислав Цыпин: «В 1937–1939 гг. был истреблен почти весь российский православный епископат... На огромных просторах РСФСР осталось около 100 открытых храмов, почти все в больших городах, в основном в тех, куда пускали иностранцев. Эти храмы так и называли — “показательными”». (*Владислав Цыпин, протоиер.* История Русской Церкви 1917–1997 гг. М., 1997. С. 251, 254.)

¹¹⁴ В 1945 году в юрисдикцию Московской патриархии перешли сразу 75 «евлогийских» приходов во Франции. Присоединился также глава Западно-Европейской епархии РПЦЗ, митрополит Серафим (Лукиянов). В «возрождение Русской Церкви» поверили почти все архиереи и клирики РПЦЗ в Китае, среди них выдающиеся иерархи св. Иоанн (Максимович), Нестор (Анисимов), Димитрий (Вознесенский). В 1945 году они признали патриарха Алексия и перешли в юрисдикцию Московской патриархии. Лишь святитель Иоанн (Максимович) возвратился в РПЦЗ в 1946 году. Многие из русских эмигрантов поехали в СССР, где на своем горьком опыте убедились, как их жестоко обманули. В то время колебались и катакомбные исповедники из антисергианской оппозиции, не поминавшие митрополита Сергия. Например, епископ Афанасий (Сахаров) признал в 1945 году патриарха Алексия и призвал катакомбные общины последовать его примеру.

рий подтвердил, что имел намерение устроиться священником в открываемых церквях в 1945 году. Так, в Горьком он обсуждал это с епископом Зиновием, а будучи в Киеве, выяснял возможность поступления в Киево-Печерскую лавру, но получил отказ из-за отсутствия паспорта.

Однако сомнения у отца Гурия все же были. А после встречи в Чувашии с настоятелем Карамышевской церкви Зороастровым, знакомым ему по служению в Шутнеровской церкви, все стало ясно. Отец Гурий позднее вспоминал: *«Благочинный Зороастров потребовал от меня, чтобы я покаялся перед верующими в расколе. Каяться мне не в чем, они, я считаю, сами раскольники, и я от этого намерения отказался»*¹¹⁵. Отец Гурий понял, что богоборческая власть нисколько не изменилась, в дальнейшем же он окончательно убедился и в отступничестве иерархов Московской патриархии, эту власть поддерживающих и «покрывающих ее своими омофорами»¹¹⁶. В последние годы жизни он

¹¹⁵ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 78 об.

¹¹⁶ Из речи патриарха Алексия I перед молебном 21 декабря 1949 года: *«Всякий, кто лично знаком с нашим вождем, поражается его личностью; он покоряет собеседника своим внимательным отношением ко всякому делу, ласковостью, своей необыкновенной осведомленностью во всяком деле, силой и мудростью слова, быстрым и благоприятным решением каждого представляемого ему дела и вопроса. Мы собрались сегодня в великом множестве в храмах наших, чтобы, как это свойственно нам, верующим и церковным людям, молитвенно принять участие в праздновании этого знаменательного для него и для всех нас дня и испросить у Господа ему и в дальнейшем благословения на его великий подвиг служения родному Отечеству и народу и успех во всех его благих начинаниях».* (Журнал Московской Патриархии. 1950. № 1.)

Из речи патриарха Алексия I на Всесоюзной конференции сторонников мира: *«Наша Церковь, пользующаяся неограниченной свободой в своей внутренней жизни и деятельности, согласно Сталинской Конституции, которой через несколько дней исполняется 15 лет, считает своим долгом помочь укреплению мира воспитанием верующих в духе верности гражданскому долгу и вменяет в за-*

как-то сказал об официальной Церкви: «Она действительно красная: красная патриархия, красные епископы, красные священники, которые молятся за красное правительство и красную армию».

По указанию богоборческих властей архиереи Московской патриархии разъезжали по всему миру и разглашествовали о благоденствии народа и Церкви в СССР, в то время как народ продолжал влачить жалкое существование, а в лагерях томились миллионы узников. В конце 1940-х годов последовала новая волна гонений¹¹⁷, были арестованы тысячи священнослужителей, в том числе и признававших патриарха Алексия. Например, были отправлены в концлагеря столь незаурядные архиереи, как архиепископ Мануил (Лемешевский) и митрополит Нестор (Анисимов). Гонения же на тех, кто не признал «восстановления» Московской патриархии и «возрождения» Русской Церкви, не прекращались никогда, причем и после войны священников и верующих обвиняли как участников «контрреволюционной церковно-монархической организации “Истинно-Православная Церковь”». После отмены смертной казни в 1947 году священнослужители,

служу мирный труд на пользу ближних и Родины. Церковь учит, что благословенного мира, прочного благополучия и истинного спокойствия для труда можно достигать не иначе как путем правды, что с делами правды народов незримым, но действенным союзом связаны дела правды Божией и что таким образом с Правдой Божией связано и стремление современных миролюбивых народов жить в мире и справедливости. Мы счастливы, что эту правду осуществляет наш народ под твердым водительством всем миром признанного Вождя и вдохновителя миролюбивых народов Иосифа Виссарионовича Сталина». (Журнал Московской патриархии. 1951. № 12.)

¹¹⁷ При этом Сталин понимал, что открытые гонения невыгодны. В 1948 году он советовал «не выпячивать данный вопрос, осуществлять подрыв влияния Церкви “полуконспиративно”, не обнаруживая широко соответствующие решения ЦК КПСС, чтобы не провоцировать кампании протеста на Западе и внутри страны». (Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 391.)

не признававшие Московской патриархии, получали, как отец Гурий, до 25 лет заключения. «Разве мы бандиты?» — спросил отец Гурий на допросе. «Вы хуже, чем бандиты», — ответил ему следователь.

После смерти Сталина, во второй половине 1950-х годов, те немногие из священнослужителей, кто выжил в лагерях, вышли на свободу и продолжили свое тайное служение. Они оставались без правящих архиереев, но не признавали «сергианскую» иерархию, как и отец Гурий, надеясь найти истинных православных архиереев. Случалось, что некоторые катакомбные общины, не признавая Московскую патриархию, долгое время существовали даже без священников, которые либо умерли, либо находились в заключении. Иногда отсутствие пастыря оборачивалось печальными последствиями — остававшиеся без пастырского руководства верующие склонялись к беспоповщине крайних старообрядческих толков или принимали какие-нибудь ложные сектантские учения. Однако это были единичные случаи, а в большинстве своем катакомбные христиане продолжали держаться учения и традиций Святой Православной Церкви и главной своей заботой, как православные христиане, считали покаяние во грехах и причащение Святых Тайн Христовых. Поэтому они держались своих духовных отцов, тайных священников «тихоновского» рукоположения, а в случае их кончины старались установить связь с другими катакомбными общинами и искали священников.

В условиях гонений это сделать было трудно. Катакомбные общины редко имели контакты между собой, ведь им приходилось скрываться и хранить в глубокой тайне свою жизнь и особенно своих пастырей. Трудно сказать, сколько их, катакомбных пастырей и общин, было на территории прежней православной России, превращенной в безбожный СССР. Их жизнь была скрыта от внешнего мира и не меняла своего потаенного характера даже при ослаблении гонений. Катакомбни-

ки не доверяли никаким заявлениям о «либерализации» коммунистического режима, которому они всегда были неуютны. Они подвергались постоянным преследованиям, если и не так явно и жестоко, как в 1930–1940-е годы, то более изощренно — при помощи Закона о тунеядстве в 1960-е годы или путем принудительного психиатрического «лечения» в 1970–1980-е годы.

Не приходится говорить о какой-то административной организации Катакомбной Церкви. Если в первые годы после отделения от митрополита Сергия епископы-«иосифляне» могли в какой-то мере объединить часть несогласных с «сергианским» курсом — они были связаны между собой, проводили соборы и совещания, принимали в общение духовенство в разных областях. Но после разгрома в 1930-х годах уже невозможно было сохранить организационного единства, тем более что почти все эти архиереи тогда же были безжалостно уничтожены. Возможно, где-то в глубоком подполье оставались тайно рукоположенные архиереи и между ними могла быть связь, но все это тщательно скрывалось и не было известно большинству катакомбных христиан. И до сих пор остается тайной.

Как бы то ни было, никакого централизованного руководства Катакомбной Церкви не было. При том жесточайшем терроре, который был в СССР, Истинная Православная Церковь могла существовать только децентрализованно, именно так, как определял пророческий указ № 362 патриарха Тихона, согласно которому в случае отсутствия связи с высшим церковным управлением (или ликвидацией оногo) и соседними епархиями отдельный архиерей принимал всю полноту церковной власти на себя. В дальнейшем, в условиях нарастающих гонений, приходилось порой передавать это церковное управление даже иереям, конечно, «без сугубо архиерейских полномочий».

Так, воронежский исповедник, протоиерей Иоанн Андриевский (в постриге иеромонах Иларион), получил

еще в 1930-х годах полномочие от архиереев хранить православие и принимать из расколов священников. В 1961 году, будучи на смертном одре, он вручил «ключи церковного управления» своему сподвижнику, схииеромонаху Амвросию (Капинусу)¹¹⁸, и со словами: «“Со дня раскола Церкви каноническое Православие не было прервано, эта золотая ниточка жива, все церковные дела передаю Вам до появления православного епископа. А искать такого надо!” — надел на отца Амвросия свой крест»¹¹⁹. До своей кончины 1/14 октября 1966 года отец Амвросий окормлял воронежские и другие катакомбные общины и старался найти архиереев. Скончался он, не успев никому передать церковных дел.

Как вспоминала монахиня Маргарита, «с того времени в Воронеже православных катакомбных священников уже не было. С требами приходилось ездить по всем сторонам. Бывало, попадали и на неканонических, сомнительных, самозванцев». В последнее время воронежские катакомбники окормлялись у петербургского иерея — отца Михаила Рождественского¹²⁰, «иосифля-

¹¹⁸ Анувий, в схиме Амвросий (Капинус Андрей Антонович), иеромонах. Родился в 1887. С 1906 — служил в лейб-гвардии Семеновском полку. В начале 1920-х — пострижен в мантию с именем Анувий. Иеродиакон в Киеве, с 1928 — служил в Покровской церкви Серпухова. В 1929 — посвящен в иеромонаха. В начале 1931 — арестован, в феврале приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1930-х — освобожден и выслан. В 1937 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1943 — освобожден, служил тайно. В 1951 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1955 — освобожден, вернулся в Воронеж. Принял постриг в схиму с именем Амвросий. 14 октября 1966 — скончался.

¹¹⁹ *Маргарита (Чеботарева), монахиня. Катакомбные исповедники // Возвращение. 1993. № 2. С. 26.*

¹²⁰ Рождественский Михаил Васильевич, родился в 1901. В 1926 — рукоположен во иерея митр. Иосифом (Петровых). Служил в Преображенском соборе в Стрельне. Посвящен в протоиереи. В декабре 1927 — последовал за митрополитом Иосифом и его викариями епископами Димитрием Гдовским и Сергеем Нарвским, отделившимися от митрополита Сергия. В 1930 — арестован, приговорен к 3 годам

нина», рукоположенного еще в 1920-е годы. Неизвестно, знали ли в то время они об отце Гурии. Но в конце 1980-х годов, после кончины отца Михаила Рождественского, у которого окормлялись многие катакомбные общины, монахиня Маргарита советовала монахиням из казанской паствы отца Амвросия найти в Чувашии отца Гурия.

Хотя катакомбные общины существовали независимо друг от друга, иногда их пути пересекались. Так, например, в Казани еще в конце 1920-х годов отец Гурий и другие «андреевцы» вошли в общение с «иосифлянами» через епископа Нектария (Трезвинского)¹²¹. После побега из лагеря в 1933 году во время своих странствований отец Гурий встречался со многими группами истинно-православных христиан. Таких групп было много в Башкирии, руководил ими иеромонах Феоктист¹²², он же окормлял многие катакомбные общины в Сибири и умер в Иркутске в 1978 году. Однако ни его, ни других знакомых отец Гурий ни в Уфе, ни в Бирске в то время не нашел. Монах Симеон, бывший

ИТЛ и отправлен в лагерь. С 1938 — после освобождения служил тайно в Ленинграде. 19 января 1943 — вновь арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Воркутлаг, где срок приговора был увеличен. В 1955 — освобожден на поруки, поселился в Брянской области. Служил тайно, окормлял множество катакомбных общин. 26 сентября 1988 — скончался в Луге.

¹²¹ Епископ Нектарий (Трезвинский) имел связь с петербургскими «иосифлянами». *«В Казань, как только туда прибыл епископ Нектарий, в посылке ленинградской почитательницы владыки, Матрены Кунцевич, пришло письмо от архиепископа Дмитрия Гдовского с вопросом: не отошел ли преосвященный Нектарий от того церковного течения, которое возглавляет митрополит Иосиф? Владыка ответил телеграммой, в которой сообщил о твердом единении с ними. То же исповедовали и все, окружавшие его».* (Православная жизнь. 1997. № 2. С. 10.) И в дальнейшем владыка Нектарий поддерживал связь, посылая гонцов с письмами к архиепископу Димитрию.

¹²² По-видимому, это именно тот иеромонах, о котором упоминается в публикации о катакомбных священнослужителях в журнале «Русское Возрождение», 1982, № 19.

его восприемником при монашеском постриге, умер. Симеоновская церковь была закрыта.

Один из последних «андреевских» епископов Уфимской епархии, Руфин (Брехов), о котором отец Гурий узнал еще в Свирлаге от иеромонаха Агафопуса, был уже арестован. Не нашел никого отец Гурий и в Казани. Гораздо позднее он познакомился там с двумя тайными священниками Стефаном и Алексеем Корниловым, уроженцами Чувашии. Встречался отец Гурий со священниками, по его словам, сторонниками «кирилловско-нектариевского» направления. Очевидно, что все эти катакомбные группы истинно-православных христиан существовали без архиереев. Вскоре после выхода из лагеря отец Гурий узнал о некоем катакомбном епископе Антонии (Гальнском), у которого была довольно большая паства и много священников. Отец Гурий специально поехал к нему на встречу в Киев. Однако после долгой беседы он понял, что не может признать того каноническим епископом¹²⁸. В 1970-е годы в катакомбах появился целый ряд новых епископов, возглавляемых митрополитом Геннадием (Секачóm), бывшим клириком Московской патриархии. Однако их хиротонии, как и получение хиротонии самим Геннадием от некоего Серафима (Поздеева), вызывали немало сомнений у всех катакомбников. Личная встреча отца Гурия с Геннадием (Секачóm) не только не рассеяла эти сомнения, но, напротив, убедила отца Гурия в полной несостоятельности «архиерейства» Геннадия, и в дальнейшем отец Гурий о нем серьезно не отзывался.

Не имея правящего епископа и не находя православных канонических епископов, отец Гурий, как и многие катакомбники, тем не менее знал, что, поминная «православное епископство, право правящее слово Истины», он поминает в их числе не только неизвестных ему православных архиереев в России, но и рус-

¹²⁸ Воронежские катакомбники также не признали епископа Антония.

ских архиереев, находящихся за границей. С какого-то времени отец Гурий стал возносить на богослужениях имя первоиерарха РПЦЗ, митрополита Анастасия (Грибановского), затем, после его кончины, митрополита Филарета (Вознесенского). Только в 1988 году он узнал, что митрополит Филарет почил о Господе¹²⁴, после чего стал поминать нового первоиерарха РПЦЗ — митрополита Виталия (Устинова). Как и другие катакомбные священнослужители Русской Церкви, отец Гурий знал, что Русская Православная Церковь За границей не преклонила пред богоборческой властью и что она хранит неповрежденное православие и исповедует свое единство со страждущей Матерью-Церковью на родине, разоблачая ложь Московской патриархии. Отец Гурий, так же как и другие катакомбники, надеялся, что со временем, если будет на то Божья Воля, зарубежные русские архиереи вернуться на родину и помогут восстановить иерархию Русской Церкви.

Обманутые надежды.

Катакомбные христиане и РПЦЗ

Отец Гурий действительно надеялся, что может дожить до того времени, когда восторжествует церковная правда на Русской земле. На допросе 1952 года этот вопрос особенно интересовал следствие:

«Вопрос: Вы также сказали Ф., что доживете до того времени, когда будете служить в церкви свободно. Что это значит?

Ответ: Разговаривая с Ф., я высказал такую мысль, что, может быть, придет время, когда я буду служить свободно, а не подпольно. Всего до конца я не договорил Ф., но я имел в

¹²⁴ 8/21 ноября 1985 года.

виду следующее: возможно, придет, наступит такое время, когда церковники-“тихоновцы” будут главенствовать. Сейчас их называют раскольниками. Церковники-“тихоновцы” называют легально действующих церковников тоже раскольниками, а себя считают истинно православными. В надежде на перемену я высказал такую мысль.

Вопрос: Вы сказали Ф. буквально так: “Пойти на служение в эти церкви — значит, нужно признать советскую власть. А он (т. е. вы) ее не признает и признавать не хочет”. Так на какие перемены вы надеялись?

Ответ: Я надеялся на то, что собор осудит легально действующих церковников и признает нас, церковников апостольской церкви, правыми, правыми и в том, что нельзя почитать в церкви безбожную власть.

Вопрос: Еще на что вы надеялись?

Ответ: Больше ни на что не надеялся»¹²⁵.

Конечно же, было понятно, на что надеялся отец Гурий. Настоящий церковный собор свободных от внешнего давления архиереев Русской Церкви мог собраться только после падения безбожной власти.

К концу 1980-х годов, казалось, что это время вот-вот наступит. В СССР началась перестройка. Антирелигиозные гонения окончились. В 1989 году Президиумом Верховного суда РСФСР был отменен приговор 1952 года в отношении отца Гурия и его дело прекращено за отсутствием состава преступления. В 1990 году было принято новое законодательство о культурах и религиозным организациям предоставлена полная свобода. В обществе пробуждался интерес к религии, советские люди второго и третьего поколения потянулись к Церкви.

Открылись границы, в СССР могли уже свободно приезжать иностранцы, в том числе и зарубежные клирики. РПЦЗ начала открывать свои приходы на территории СССР. Почти каждую неделю в ее юрисдикцию

¹²⁵ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 87–87 об.

переходили приходы из Московской патриархии. Авторитет Зарубежной Церкви и духовно с ней единой (как тогда казалось) Катакомбной Церкви был неизмеримо высок. В то же время авторитет Московской патриархии падал с каждым днем, особенно после публикации разоблачительных документов о сотрудничестве ее высших иерархов с безбожными властями.

Это был уникальный исторический момент, когда сохранившая чистоту православия и преемственную православную иерархию РПЦЗ действительно могла помочь подлинному возрождению Русской Церкви. Но, увы, этот момент был безвозвратно упущен. И архиереи Синода РПЦЗ, возглавляемого с 1986 года митрополитом Виталием (Устиновым), не смогли осуществить заветные чаяния, которыми жила на протяжении семи десятилетий Русская Церковь и в зарубежье, и на родине.

Зарубежные архиереи не только не помогли страждущей Матери-Церкви, но и сами оказались на апостасийном пути, введя в соблазн сотни тысяч душ православных христиан.

Что же произошло?

Прежде всего, в еклезиологической позиции Синода РПЦЗ, не без помощи сил, заинтересованных в разрушении Русской Церкви, была осуществлена подмена понятий: «Московская патриархия» и «Русская Церковь». До недавнего времени архиереи РПЦЗ проводили четкое различие между этими понятиями и во всех своих соборных заявлениях подчеркивали, что «Московская патриархия», созданная в 1943 году по указанию Сталина, — это небольшая группа духовенства, незаконно именующая себя священноначалием Русской Церкви, получившая легализацию от безбожной власти и пребывающая у нее в полном подчинении. В этом контексте «Московская патриархия» всегда противопоставлялась мученице Русской Церкви, как ушедшей в катакомбы, так и тому церковному народу,

который обманывался этой отступнической иерархией. РПЦЗ не делала окончательных заявлений, предоставляя Московскую патриархию суду будущего Поместного Собора и надеясь на раскаяние иерархов после падения безбожной власти.

Пользуясь этим, «либеральные», вернее, «промосковски» настроенные круги в РПЦЗ в течение последних десятилетий, особенно после кончины старейших «консервативных» зарубежных иерархов¹²⁶, стали внедрять в церковное сознание идеи о том, что Московская патриархия — это и есть Русская Православная Церковь. Постепенно распространив понятие «Московская патриархия» на всю Русскую Церковь, эту «небольшую группу духовенства, легализованного безбожной властью», стали представлять законной иерархией Русской Церкви. Конечно, ее признавали «погрешающей», «плененной» и так далее, но тем не менее законной иерархией Матери-Церкви. С ней повели диалог, сначала якобы для того, чтобы помочь «исправиться» и «очиститься», а затем уже стали искать пути сближения.

В результате РПЦЗ не только не смогла помочь восстановлению православной иерархии Русской Церкви на родине, но, напротив, способствовала укреплению отступнической иерархии Московской патриархии. А в начале двадцать первого века зарубежные архиереи уже открыто повели с ней официальные переговоры об объединении как с законным священноначалием Русской Церкви. В конце 1980-х и начале 1990-х годов этот процесс еще только начинался и велся подспудно. Архиереи Синода митрополита Виталия (Устинова) громогласно обличали Московскую патриархию в «сергианстве» и экуменизме и твердили о своей верности традициям За-

¹²⁶ Таких иерархов, непоколебимых столпов истинного православия, как архиепископы Аверкий (Таушев), Андрей (Рымаренко), Никон (Рклицкий), епископ Нектарий (Концевич), митрополит Филарет (Вознесенский).

рубежной Церкви. Катакомбные христиане поначалу им верили и с радостью переходили под их омофор, полагая, что в лице зарубежных архиереев они нашли наконец истинных архипастырей, которые сохранили истинное исповедание и помогут возродить Православную Церковь в России. Однако на деле, сталкиваясь с церковной политикой зарубежных иерархов, катакомбники вскоре убедились, что все их надежды тщетны.

Такое же горькое разочарование пришлось пережить и отцу Гурию. В конце 1980-х годов он фактически вышел из катакомб. В 1988 году через казанскую паству он познакомился с протоиереем РПЦЗ Виктором Потаповым, приехавшим в СССР. Тот сообщил митрополиту Виталию (Устинову), и митрополит пригласил отца Гурия в Синод. Отцу Гурию пришлось обращаться в милицию, чтобы сделать паспорт. Времена изменились, и паспорт он получил без особых проблем в 1990 году. Правда, при получении его он категорически отказался где-либо расписываться и даже в сердцах вышел из кабинета, но сопровождавшая его прихожанка уговорила начальство выдать «дедушке» паспорт и без его подписи.

И вот весной 1990 года отец Гурий полетел в Америку. Старец восьмидесяти четырех лет! Изнуренный болезнями... Его паства составила прошение о том, чтобы отец Гурий был рукоположен в епископа и смог бы посвящать клириков для многих катакомбных общин. Поначалу в Синоде отец Гурий был принят доброжелательно. На праздник Вознесения его возвели в сан архимандрита, стали готовиться к рукоположению его в епископский сан. Планировали это осуществить после его поездки в Джорданвилль. Однако после возвращения отца Гурия оттуда все изменилось. Митрополит Виталий, даже не справившись о его здоровье, сухо заявил ему, чтобы он отправлялся в Россию, где его рукополагат находящиеся там зарубежные архиереи. На робкую просьбу отца Гурия, желавшего побыть на всенощной и воскресной службах, отложить вылет хотя бы на

несколько дней последовал категорический отказ. И к его вящему огорчению он был посажен в субботу на самолет, проведя в полете все время воскресного богослужения.

В Москве в аэропорту он случайно встретился с улетавшим епископом Марком (Арндтом), который предупредил его, что епископы Иларион (Капрал) и Лазарь (Журбенко) находятся сейчас в Москве и обо всем позаботятся. Отец Гурий встретился с ними на квартире, и они долго уговаривали его принять архиерейскую хиротонию. Но отец Гурий отказался, сославшись на непризнание Лазаря его паствой. Еще ранее в Америке отец Гурий говорил зарубежным архиереям, что он не может признать епископа Лазаря в качестве священноначалия, поскольку его паства Лазаря не принимает. Многие катакомбники знали, что тот с детских лет был в Катакомбной Церкви, но потом ушел в Московскую патриархию и там был рукоположен в священнический сан, после чего вернулся в катакомбы.

С тех пор ему мало кто доверял. Доверия не прибавилось и после того, как Лазарь объявил себя епископом. Сам факт его тайной хиротонии, совершенной в 1982 году епископом Варнавой (Прокофьевым), причем единолично, также вызывал смущение¹²⁷. Во время пребывания отца Гурия в Америке епископ Лазарь написал митрополиту Виталию, чтобы тот не рукополагал отца Гурия. Вероятно, Лазарь опасался, что к рукоположенному митрополитом и архиереями Синода владыке Гурию перейдут все катакомбники и признают его своим главой. Поэтому-то он и хотел сам непосредственно участвовать в рукоположении, чтобы таким образом добиться признания от отца Гурия и закрепить свой авторитет. Этим объяснялась та поспешность, с которой

¹²⁷ Тайное принятие Лазаря в юрисдикцию РПЦЗ в 1981 году и его архиерейская хиротония были подтверждены официально в «Заявлении Архиерейского Синода РПЦЗ» от 1/14 августа 1990 года.

отец Гурий был отправлен назад в Россию. Именно епископ Лазарь вместе с находившимися тогда в Москве епископами Марком и Иларионом должны были его рукоположить.

Отметим, что они прибыли тогда для участия в первой открытой, да еще и архиерейской, службе РПЦЗ в России (вернее, в СССР). Происходило это знаменательное событие в Суздале в Цареконстантиновском храме архимандрита Валентина (Русанцова), принятого в РПЦЗ из Московской патриархии за три месяца до этого. Литургия была отслужена в Суздале 8/21 июня 1990 года. Отец Гурий узнал об этом позднее, и это событие его, как и многих катакомбников, не обрадовало, а опечалило. Слишком много сомнений вызывала сама личность архимандрита Валентина, почти тридцать лет прослужившего в Московской патриархии, из них более семнадцати лет в посещаемом иностранцами Суздале, и вдруг «вспомнившего» о Зарубежной Церкви во время банального конфликта со своим новым епархиальным начальством¹²⁸. Удивляла поспешность, с которой архимандрит Валентин был принят в РПЦЗ, да еще в сущем сане. К тому же он являлся депутатом местного совета, и это в то время, когда даже внешне власть не изменилась, по-прежнему существовала коммунистическая партия, а ее генеральный секретарь М. С. Горбачев являлся президентом безбожного СССР.

Для катакомбников все это было неприемлемо. На все недоумения и вопросы они не получали вразумительных ответов из Синода. Еще больше недоумений вызвало послание Архиерейского Собора от 3/16 мая 1990 года, опубликованное в журнале «Православная Русь», в котором говорилось: *«Верим и исповедуем, что в храмах Московской патриархии, в тех из них, в которых священник горячо верит и искренне молится, являясь не только служителем культа, но и добрым пастырем, любящим*

¹²⁸ И отнюдь не по вероисповедным вопросам.

своих овец, по вере приступающим подается в Таинствах спасительная благодать». Это странное заявление, в котором наличие спасительной благодати ставилось в зависимость даже не от веры отдельного священника, а от его моральных качеств, вызвало справедливую критику со всех сторон. Впоследствии оно было отменено, однако эту отмену некоторые поняли не в отрицательном, а в положительном смысле — как то, что Собор признал, что благодать подается во всех без исключения храмах Московской патриархии¹²⁹.

Дальнейшее изучение различных материалов Зарубежной Церкви последних лет принесло еще больше недоумения и огорчений отцу Гурию и его пастве. Зарубежные архиереи сослужили с экуменическими юрисдикциями, называли Московскую патриархию Матерью-Церковью, с которой, несмотря на критику, старались искать сближения. В то время как нужды Катакомбной Церкви игнорировали и не только не способствовали решению ее проблем, но во многом их усугубили. Для многих становилось очевидным, что архиереи Синода РПЦЗ, вопреки всем своим словесным заявлениям, отступили от истинного исповедания и традиций прежних иерархов РПЦЗ и действительно неуклонно движутся на соединение с Московской патриархией.

Катакомбники пытались обращаться в Синод РПЦЗ, писали письма и заявления. Но, не обладая ни полнотой информации, ни достаточным богословским образованием, они не всегда могли обоснованно выразить свои тревоги и печали. Они скорее сердцем, чем рассудком чувствовали и понимали, что зарубежные архиереи идут куда-то не туда, и пытались воззвать к их архиерейской совести. Но тщетно... Что было делать? В этих условиях многим катакомбникам, так же как и отцу Гурию, пришлось вновь искать истинных архиереев.

¹²⁹ Докладная записка протоиерея В. Потапова Архиерейскому Синоду РПЦЗ от 1/14 марта 1993 года.

Истинно-Православная Церковь Греции. Архиерейская хиротония¹³⁰

В сентябре 1990 года отец Гурий узнал об Истинно-Православной Церкви Греции и встретился в Москве с ее представителем, чтецом Владимиром Моссом, православным англичанином. Был ненастный осенний день. Под холодным дождем и пронизывающим ветром мы пробирались через непролазную грязь в новостройках Новокосино, отыскивая нужный подъезд в безликом многоэтажном панельном доме. Запомнилось, как на мгновение преобразился унылый городской пейзаж, когда сквозь низкие тучи блеснул ослепительно золотой луч солнца, озаривший радостным светом развороченную беспорядочными стройками равнину.

В скромной комнате, служащей молельной в квартире многодетной семьи Петровых, мы увидели отца Гурия. С первого взгляда он поразил нас до глубины души. Согбенный старец, маленький и хрупкий, но в то же время исполненный внутреннего величия и достоинства. Даже у далеких от Церкви людей он невольно вызывал чувство благоговения. Казалось, что он не принадлежит настоящему времени, настолько все в нем было чуждо окружающей советской действительности. Словно он жил совсем в другом времени и просто перешагнул к нам в бетонные московские пещеры конца двадцатого столетия из давно ушедшей дореволюционной России.

Во время беседы с Владимиром Моссом отец Гурий больше хранил молчание. Вопросы задавал один из присутствовавших катакомбников. Но решение должен

¹³⁰ Содержание данного и последующего, заключительного, разделов о кончине владыки Гурия является воспоминаниями очевидца, которые в сокращенном варианте были опубликованы в альманахе «Воздвижение», № 14 (34), 2000.

был принимать отец Гурий. Он внимательно слушал рассказ об истории Истинно-Православной Церкви Греции и нынешнем ее положении. Он знал о том, что официальная церковь Греции перешла на новый стиль, но о том, что существует немалое число православных греков, следующих старому церковному календарю, да еще сохранивших церковную иерархию, он, по всей видимости, слышал впервые. В каноничности греческой старостильной иерархии убеждал тот факт, что в 1960-х годах она была восстановлена Русской Зарубежной Церковью. Более того, в 1969 году Архиерейский Синод РПЦЗ митрополита Филарета официально подтвердил законность этого восстановления и назвал в своем послании старостильный Синод ИПЦ Греции братской во Христе иерархией.

Именно на этой встрече отец Гурий и принял решение обратиться с прошением к архиепископу ИПЦ Греции Хризостому (Жиусису) с изложением скорбей и нужд Катакомбной Церкви в связи с изменением курса РПЦЗ. Отец Владимир брался лично передать прошение владыке Хризостому в течение ближайшего месяца. В тот момент все присутствовавшие были воодушевлены, надеясь, что эта миссия возымеет успех: греческие архиереи рукоположат отца Гурия и помогут восстановить истинную церковную иерархию в России. Тогда совершится поистине историческое событие — русский народ, как и тысячу лет назад, через своих старших братьев обретет полноту истинного православия.

Прошло несколько месяцев. Прощение было передано, но никакого ответа не последовало. За это время паства отца Гурия узнала, что ситуация в Греческой старостильной Церкви не так проста и однозначна, как им представлялось поначалу. Оказалось, что помимо Синода архиепископа Хризостома в Греции существует еще три старостильных Синода и первоиерархи двух из них также носят титул «архиепископ Афинский». По поводу Синода, возглавляемого митрополитом Киприа-

ном (Куцумбасом), особых вопросов не возникало, когда стало известно, что он в общении с новостильниками. Но как было разобраться с тремя остальными и какого из архиепископов признать каноническим? Вероисповедание у них было православное, они не имели общения с новостильниками и экуменическими юрисдикциями, сохраняли традиции Церкви. Однако в то же время они не признавали законность друг друга и не имели общения между собой.

Трудный вопрос встал тогда перед отцом Гурием. В июне 1991 года произошла наша вторая встреча. В Москве тогда стояла мучительная жара. Отец Гурий встретил нас в той же самой комнате. Он страдал от хронического кашля, который особенно усугублялся в пыли бетонной городской квартиры во время удушливой жары. Тем не менее батюшка более двух часов беседовал с нами. Он искренне поделился своими раздумьями. Долго не получая никакого ответа из Синода Хризостома, отец Гурий и его паства стали усиленно молиться о том, чтобы Господь вразумил их и наставил, что им делать. В то время кто-то сообщил им, что из РПЦЗ незадолго до этого уже был исход по вероисповедным причинам — в 1986–1987 годах два монастыря и более двадцати приходо́в в Северной Америке вышли из юрисдикции Синода. Отцу Гурию посоветовали узнать, куда пошли эти клирики. Тогда же его паства получила список прежнего Бостонского благочиния, и на имя бывшего благочинного, протоиерея Георгия Кочергина, было послано письмо. Отец Георгий передал его другому русскому священнику, отцу Виктору Мелехову. Так начались переговоры и переписка.

«Бостонцы» представили массу документов, часть из которых перевели на русский язык, и подробно рассказали свою историю: как в 1986 году, сразу же после кончины митрополита Филарета, они столкнулись с резким изменением церковного курса Синода РПЦЗ и как на протяжении почти целого года безуспешно пытались

убедить митрополита Виталия остановить отступнические тенденции. Сначала митрополит внимательно их выслушивал, полностью разделяя их беспокойство, и уверял, что наведет порядок (речь шла о неоднократных фактах сослужения клириков и архиереев Синода с новостильными и экуменическими юрисдикциями). Однако по прошествии месяцев ничего сделано не было, а на дальнейшие запросы духовенства митрополит Виталий не реагировал или досадно отмахивался.

Кроме того, именно в это же самое время Синод РПЦЗ затеял против бостонского монастыря дело морального характера, которое перекрыло все протесты по вероисповедным вопросам. Речь шла об обвинениях, выдвинутых против игумена сбежавшими из монастыря бывшими монахами. Однако Синод очень странно повел это дело и вместо проведения канонического исследования и суда оттягивал расследование, всячески способствуя усилению слухов и сплетен. Многочисленные прошения не только монастырской братии, но и приходского духовенства Бостонского благочиния и других мест о проведении законного расследования и суда не возымели никакого действия. На протяжении всего года ни один архиерей не приехал и даже не позвонил в монастырь. Было очевидно, что монастырь и поддерживающее его духовенство были неуютны новому Синоду РПЦЗ.

Похоже, с ними поступали так же, как с семьей епископа Григория (Граббе)¹³¹. Епископ Григорий, прослуживший секретарем Синода пятьдесят лет (50!), пользовался уважением и авторитетом всех трех прежних первоиерархов РПЦЗ (митрополитов Антония, Анастасия и Филарета), но оказался не нужен митрополиту Виталию и его новой администрации. И

¹³¹ После вступления митрополита Виталия в должность первоиерарха РПЦЗ все Граббе — сам епископ Григорий, его сын архимандрит Антоний, дочери и их мужья-священники — сразу же были буквально изгнаны из Синода, просто *«уволены со службы и выставлены, как провинившаяся горничная»*, по словам епископа Григория.

дело заключалось не столько в личной неприязни и сведении счетов. Причина была глубже, а именно в изменении курса церковной политики Синода, которому препятствовали епископ Григорий и единомысленное с ним духовенство. И если епископ Григорий (Граббе) согласился со своей отставкой и ушел на покой, продолжая посылать в Синод доклады и надеясь на вразумление митрополита Виталия, то бостонские, а также и другие американские клирики должны были продолжать служение и окормлять свою паству. Поскольку они не могли с чистой совестью возносить имя митрополита Виталия и других архиереев как право правящих слово Христовой Истины, им, как позднее и катакомбным христианам в России, пришлось искать православных архиереев¹³².

¹³² Сейчас трудно сказать, насколько правы они были тогда. Не слишком ли поспешно действовали? Не должны ли были еще бороться «изнутри» и уходить только после открытого исповедания ереси архиереями РПЦЗ? Не сыграли ли они, в конце концов, на руку тем разрушительным силам, которые изменяли курс РПЦЗ и старались избавиться от них, препятствующих этому изменению? Не должны ли были повременить и, оставаясь в РПЦЗ, постараться сплотить всех ревнителей православия? Все эти вопросы на протяжении последующих лет будут не раз подниматься в связи с бостонской историей 1986–1987 годов, которая, к сожалению, весьма осложнялась обвинениями морального характера против игумена бостонского монастыря. Эти обвинения Синод РПЦЗ удачно использовал в своей пропаганде против «бостонского раскола», представляя все дело так, что монастыри и все, кто за ними последовал, «убежали» из Зарубежной Церкви, опасаясь духовного суда. Однако существует немало документов, которые свидетельствуют о том, что о проведении канонического духовного суда как раз и просили клирики Бостонского благочиния. Не говоря уже о личных встречах и беседах на протяжении года, они неоднократно обращались к архиереям Синода в официальных письмах.

Оставим вопросы морального характера на совести обвиняемых и обвинителей. Господь рассудит! Он знает сердца и ведает помышления. Одно ясно, что около двадцати североамериканских приходов, в число которых входили не только приходы Бостонского благочиния РПЦЗ, но также приходы и на Западном побережье, и в

Североамериканские клирики, зная о проблемах Греческой старостильной Церкви и не желая принять участие в спорах между Синодами, первоначально присоединились к двум независимым архиереям — Гавриилу Кикладонскому и Акакию Диавлийскому. Однако вскоре они убедились в канонической правоте Синода архиепископа Авксентия и были им приняты летом 1987 года. Получив информацию об отце Гурии, американцы с пониманием отнеслись к проблемам каталомбных христиан. И хотя они и опасались какой-нибудь провокации, «советского» влияния и проникновения, но, внимательно изучив присланные документы, ответили, что готовы ходатайствовать в Синоде архиепископа Авксентия о рукоположении отца Гурия в архиерейский сан. Позднее все их сомнения и подозрения окончательно рассеялись, при личной встрече с отцом Гурием; с первой же минуты, когда они его увидели в аэропорту, им стали не нужны никакие слова и доказательства.

Узнав об этом, представитель Синода Хризостома назвал Синод Авксентия «ловушкой» и в своих посланиях горячо убеждал отца Гурия и его паству ни в коем случае не ходить «к лишенному сана» Авксентию и «аморальному» бостонскому монастырю. Он умолял подождать ответа от «канонического и законного» архиепископа Хризостома. Однако ответ, переданный наконец спустя почти полгода, разочаровал каталомбную паству. Архиепископ Хризостом вежливо отказался вмешиваться в дела Русской Церкви и предлагал отцу Гурию просто приехать в Грецию погостить. Из Бостона отец Гурий получил при-

Канаде, уходили из Русской Зарубежной Церкви, очевидно, не только из-за бостонских монахов, но ради сохранения чистоты веры. И если в тот момент священнослужители этих приходов не находили в Русской Зарубежной Церкви архиерея, который отстаивал бы эту чистоту, то их действия, даже при всей их поспешности, можно понять, особенно если проследить дальнейшее развитие событий в Синоде РПЦЗ.

глашение и различные документы, обосновывающие каноническую правоту архиепископа Авксентия.

Вот обо всем этом отец Гурий и поведал нам во время нашей второй встречи в июне 1991 года. Было до слез жаль этого глубокого старца, поставленного перед нелегким выбором. Он не скрывал своей растерянности и искренне недоумевал, почему же произошло такое разделение между Хризостомом и Авксентием. Именно разделение, ибо назвать ту или иную сторону «расколом» он не мог (не изменил он своего мнения и позднее, даже после рукоположения). Помнится также, что он выразил недоумение по поводу имени «Хризостом», которое ему не доводилось слышать раньше. После объяснения, что по-гречески это значит «Златоуст», отец Гурий сказал, что тогда следует правильно называть имя, и дальше в разговоре именовал архиепископа не иначе как «владыка Иоанн». В ответ на наше предложение еще раз попытаться изложить наши нужды отец Гурий благословил написать письмо по-гречески на имя «владыки Иоанна» (Хризостома). Сам же он продолжал усиленно молиться, и, по свидетельству близких ему людей, он почти не спал и не ел на протяжении нескольких недель.

Тогда же летом 1991 года в Россию приехал представитель третьего старостильного Синода, так называемого «матфеевского», — монах Антоний Чернов (позднее в различных публикациях появлялась информация о том, что он был тайным епископом Епифанием)¹³³. Он настойчиво искал встречи с отцом Гурием и

¹³³ Антоний Чернов — довольно загадочная личность. По его рассказам, до Второй мировой войны он проживал в эмиграции в Болгарии, был келейником епископа Зарубежной Церкви Феофана Полтавского. После оккупации Болгарии Красной армией он был арестован и отправлен в СССР в концлагерь. Там познакомился с катакомбными христианами и после выхода на свободу находился на нелегальном положении среди катакомбных общин. В конце 1970-х годов эмигрировал в Западную Европу, сначала вошел в общение с РПЦЗ, но, столкнувшись с либеральной позицией архиепископа Антония Же-

готов был немедленно устроить его архиерейскую хиротонию. Однако эта встреча не состоялась: ни паства отца Гурия не желала встречи, ни сам отец Гурий не проявлял особого интереса к «матфеевскому» Синоду, узнав о неканоническом его основании — единоличной архиерейской хиротонии, совершенной в 1948 году основателем Синода епископом Матфеем Бресфенским.

В конце концов, отец Гурий все же принял решение ехать в Бостон. Ответ от архиепископа Хризостома на наше письмо пришел месяцем позже и явился повторением первого. К тому времени отец Гурий был уже рукоположен в архиерейский сан. Хиротонию над ним совершили по благословению архиепископа Авксентия три архиерея его Синода — Максим Кефалонийский, Ефрем Бостонский и Макарий Торонтский — 15 (28) июля 1991 года в русском Свято-Воскресенском храме города Вустера (США)¹³⁴.

1/14 сентября 1991 года епископ Гурий возвратился в Москву. Нам довелось присутствовать на той знаменательной встрече владыки. В аэропорту Шереметьево-2 было шумно и душно. В облаках табачного дыма повсюду сновали люди. Холеные бизнесмены и разодетые дамы сосредоточенно тянули свои огромные чемоданы, над стеклянной таможенной перегородкой подпрыгивали проворные китайцы, что-то громко кричавшие на своем квакающем наречии, рядом слонялись оборванные цыгане. Но вот вдалеке наконец мы увидели отца, вернее, епископа Гурия. Он был в рясе и камилавке,

невского, вышел из РПЦЗ и перешел в «матфеевский» синод ИПЦ Греции, посвятив всю дальнейшую жизнь «разоблачению отступничества» РПЦЗ. Наряду со справедливой критикой его работы подчас содержали явно клеветническую информацию. Кроме того, А. Чернов во многом способствовал нагнетанию истерии вокруг богословских воззрений митрополита Антония Храповицкого, возводя на него, да и на всю РПЦЗ, обвинение в «крестоборческой ереси».

¹³⁴ О пребывании отца Гурия в США подробно записано там монахом Николаем — см. в приложении 2.

впервые открыто после шестидесяти с лишним лет, с панагией на груди и епископским посохом в руке. Он терпеливо стоял в длинной очереди на таможенном контроле с тележкой, нагруженной чемоданами, собранными монастырями для его паствы. Как обычно, строгий, спокойный, смиренный...

Как только он вышел, встречавшие окружили его и прямо посреди аэропорта в гвалте и шуме нестройно пропели «Достойно есть». Потом вместе с чемоданами загрузились в рейсовый автобус и доехали до метро «Войковская». Там кое-как загрузили чемоданы в такси, посадили владыку и одного сопровождавшего. Багажник не закрывался, машина так и отъехала с распахнутым багажником, осеняемая крестными знаменьями оставшихся на остановке. На следующий день мы еще раз увиделись с владыкой — разговор не очень получился, он торопился на поезд к своей пастве в Чувашию. На наши вопросы относительно наших сомнений в каноничности Синода архиепископа Авксентия мы тогда не получили удовлетворительных ответов. Нам предстояли еще томительные месяцы колебаний, сомнений, исследований, пока мы наконец удостоверились и летом следующего года со спокойной совестью воцерковились.

Накануне праздника Петра и Павла 1992 года мы вновь встретились с владыкой Гурием. Он благословил нас и сказал, что собирается поехать в Грецию, где обязательно хочет встретиться с владыками Авксентием и Хризостомом (Иоанном). «Их поссорил дьявол, и надо постараться их примирить», — сказал он. В Москве владыка тогда служил почти целую неделю, в той самой комнате, где мы встретились с ним впервые, в ней была устроена настоящая домовая церковь с алтарем и иконостасом. После праздника св. апостолов Петра и Павла мы проводили приехавшего впервые в Россию отца Виктора Мелехова с его матушкой и детьми, после чего остались совершенно беспомощными на богослужении,

не зная толком ни распевов, ни последовательности службы. Владыка подсказывал нам из алтаря через мальчика-алтарника, который также порой давал ему знать об окончании нашего робкого, едва слышного пения, которое он не всегда мог расслышать из-за своего ослабевшего слуха. Со стороны это могло вызвать улыбку, но для нас эти службы в той немощи и беспомощности были чудесными, исполненными несравненной духовной радости, и такими навсегда остались в памяти.

Последние годы и кончина владыки Гурия

Мы несколько раз посещали владыку Гурия в Чувашии, привозили письма от духовенства и монашествующих из Америки. Он также приезжал и служил у нас в Москве. Летом 1995 года, в свой последний приезд, он вместе с духовенством и нашими прихожанами ездил в паломничество в Троице-Сергиеву лавру и в Оптину пустынь, причем был в облачении и с панагией. Все, кто видел его, — и народ, и клирики — устремлялись к нему с благоговением, низко кланялись и просили благословения. В лавре без всяких расспросов открывали ему святые мощи, готовы были повсюду водить, приглашали в ризницу и трапезную.

Во время пребывания у нас владыка разболелся и, не желая никого обременять, засобирался домой (в районной больнице у него был знакомый врач, который обыкновенно оказывал ему помощь в его недуге). Мы едва его уговорили показаться врачу-специалисту в Москве. Помнится, как мы привезли владыку в институт и какое впечатление он там произвел. Немолодая, суровая и, очевидно, совершенно далекая от Церкви женщина врач-уролог после осмотра и перевязки не смогла

сдержаться и сказала нам: «В наше время — такие мучения терпит! Да, много всего я повидала за свою жизнь и врачебную практику, и меня при моем врачебном цинизме давно уже ничего не трогает. Я считала, что меня вообще никогда и ничего больше не может удивить... Но здесь — я потрясена! Скажите, кто он?» Да, порой одного взгляда на владыку было достаточно, чтобы умягчилось самое огрубелое и бесчувственное сердце. Весь его облик вызывал трепет и чувство благоговения.

В октябре 1995 года мы видели владыку последний раз. В то время, очевидно, предчувствуя близкую кончину, он разбирал свою церковь в Тюрлеме, оставляя свой домик соседям, родственникам покойного Порфирия, у которого он когда-то его приобрел. Церковь, увы, ему оставить было некому. Иконы и наиболее ценную церковную утварь они с матушкой Филониллой и двумя старушками грузили на деревянную тележку и перевозили в их деревню. Все остальное сжигали. Как мы жалели, что не имели тогда машины, чтобы увезти и сохранить все вещи владыки из его дома, вплоть до кухонных шкафов и досок, вырезанных и сколоченных его руками! И как великое благословение мы получили от владыки деревянные аналойчики, сделанные им, и незатейливую утварь, которую выбрали из хлама, вызвав улыбки у владыки и старушек (коромысло, крынку, стаканчик).

В тот последний приезд нам даже удалось снять владыку на видеокамеру. Когда мы приехали, он молча благословил нас и также молча повел в соседний дом. Мы следовали за ним с включенной видеокамерой, зашли в дом, где нас приветливо встретила хозяйка, не сразу увидевшая камеру. Потом она высказала возмущение нашей бесцеремонностью. Мы, смутившись, извинились и не сразу поняли, в чем дело, а она пояснила, что для съемки не так одета. Владыка молча вышел. Хозяйка же стала усаживать нас за стол и уже радушно напоила чаем. Она уважительно отзывалась о владыке,

но называла его «дедушкой», очевидно, не имея понятия ни о его церковном звании, ни о Церкви в целом.

А мы все удивлялись тому, как она без всяких слов сразу же поняла владыку, — он ведь первым делом озаботился тем, чтобы мы были накормлены с дороги, но не имел возможности для этого (в его разобранном домике сесть уже было не на что). Провожать нас владыка вышел на улицу. Мы сфотографировали его на пороге дома, взяли у него благословение, звали его приехать в Москву. По дороге к станции мы все оглядывались — какое-то время владыка стоял, глядя нам вслед, благословил нас архиерейским благословением, затем повернулся и медленно пошел к своему домику. Так и осталась в памяти и на видео его удаляющаяся одинокая маленькая фигура...

Потом мы все собирались опять поехать к владыке — хотелось еще раз его увидеть. Да к тому же мы вдруг осознали, что так и не расспросили его более подробно о его жизни и не уточнили биографию, которая была составлена довольно кратко. И вот мы все собирались и собирались и по каким-то причинам неоднократно откладывали свою поездку. Наконец уже решили выехать вечером на Рождество 1996 года и даже позвонили в Чебоксары Марии, одной из прихожанок чувашской паствы, чтобы предупредить о своем выезде. Но почему-то опять отложили и купили билеты только на 10 января. Накануне, вечером 9 января, еще раз позвонили в Чебоксары, чтобы узнать, сможет ли Мария нас встретить. И вдруг услышали от нее простые слова, которые потрясли до глубины души: «Все. Сегодня попрощались с владыкой. Похоронили его». Мария сама узнала о кончине владыки только вечером 8 января и, думая, что мы уже в Чувашии, не догадалась позвонить в Москву.

Как же мы горевали!.. Как же так? Мы так и не успели его повидать, не успели столько у него спросить... Почему мы не выехали раньше? Хотя бы вечером на

Рождество, как предполагали сначала? Почему не успели хотя бы попрощаться? Все это только усугубляло скорбь от осознания потери нашего дорогого владыки. Вечером 10 января мы выехали поездом Москва — Казань и рано утром уже были в Чувашии. Первая электричка из Канаша в село владыки отправлялась через два часа, и мы зашли к бабушке Марусе, жившей рядом с вокзалом в квартире пятиэтажки. Как и большинство из паствы владыки Гурия, жила она очень бедно, пенсии не получала, зарабатывала раньше перепиской псалтыря и молитвослова на чувашском языке¹⁸⁵ — до последних лет бабушка Маруся сохраняла очень красивый почерк.

Она забеспокоилась, встретив нас, стала собирать на стол, извиняясь за бедность. Сама она за стол не садилась — слишком рано, еще не вычитан псалтырь. Когда мы стали прощаться, бабушка Маруся вдруг засобиралась, решив поехать с нами. До станции пришлось почти бежать, чтобы не опоздать на электричку. Всего по расписанию до села, где жил владыка в последние годы, идет три-четыре электрички в сутки. Мы ехали по затитым розоватым зимним солнцем заснеженным равнинам, окаймленным темными полосами лесов. Село владыки встретило нас тишиной и покоем. Казались пустыми занесенные снегом деревянные дома с высокими, свойственными для Чувашии заборами и воротами, наглухо закрывающими внутренние дворы и ограждающими всю личную жизнь обитателей дома от посторонних глаз. Зимой в деревне особенно спокойно. Кое-где ворчали сонные псы, осторожно пробирался по высокому сугробу пушистый кот. Было безлюдно и тихо на заметенной снегом улице.

Мы постучали в ворота дома Нины, одной из прихожанок владыки. Она обрадовалась, встретив нас,

¹⁸⁵ В советское время церковные книги на чувашском языке не издавались.

сразу же засобиралась и пошла с нами к дому матушки Филониллы. Когда громко заскрипели отворяемые ворота¹³⁶, маленький дворик и домик матушки Филониллы показались до боли родными. И вспомнилось наше замечательное сидение прошлой осенью — мы приехали посетить владыку и увидели, что на двери висит замок, но остались ждать на дворе рядом с испуганными козами. Мария из Чебоксар была тогда нашей провожатой, и она тщательно соблюдала конспирацию: сначала вела нас окольными путями к дому, через огороды и овраги, в какой-то момент даже сама заблудилась, а потом, уже во дворе, не позволяла нам даже высовываться за ворота. Сама ходила с коромыслом за водой, стараясь скрыть наше присутствие от любопытных соседей. Однако одна маленькая, юркая, ветхая, словно из сказки, старушка все же проникла во двор, и Мария долго что-то объясняла ей на чувашском языке, выдавая нас за студентов-этнографов, собирающих народные песни.

И сейчас нам казалось, как и осенью, что владыки в доме просто нет, что он в своем домике в соседней деревне и поутру мы опять поедем туда и увидим его в катакомбной церкви. Увы, теперь нас встречала плачущая матушка Филонилла. Она была такая же просветленная, с детским, ангельским лицом, но совершенно ослабевшая и больная. Голос ее, севший от изматывающего кашля, едва можно было услышать. Много лет она была прихожанкой владыки Гурия и приняла тайный иноческий постриг от него. Владыка часто служил в устроенной в ее доме маленькой церкви. В последние годы матушка Филонилла заботилась о тяжелобольном владыке, хотя сама была нездорова.

¹³⁶ Ворота открывались с таким громким скрипом или, вернее, грохотом, чтобы сообщить хозяевам о посетителях. Такая система была сделана специально, чтобы предупреждать катакомбников о незваных гостях.

Владыка, по ее рассказам, плохо себя чувствовал до Филипповского поста и переживал, что не сможет выдержать его. Но во время поста он неожиданно почувствовал себя лучше и на праздник св. Николая, которого владыка всегда особо почитал, был бодр, легко клал земные поклоны, а после службы прочитал проникновенную проповедь. За четыре дня до окончания поста владыка вдруг заболел гриппом и, забираясь на деревянные полаты, сказал, что сам с них уже не слезет. Полаты представляли собой несколько досок, укрепленных над русской печкой, разделявшей две комнаты: келью владыки, в которой уместались лишь кровать и столик, и комнатку матушки Филониллы, которая служила также молельной, трапезной, кухней, гостиной и приемной. Тусклый свет от оконца совсем не проникал сюда, в темное, тесное, но зато обычно самое теплое и уютное место в крестьянских избах.

Когда владыка заболел, ему трудно было говорить, и он, лежа на полатах, стуком в деревянный потолок звал матушку, если ему что-то требовалось, благо низкий потолок этой маленькой избы можно было достать, почти не поднимая руки. В Рождественский сочельник владыка почувствовал себя совсем плохо. Вечером собралось несколько человек из его паствы. Они по очереди поднимались на приставленную к печке лестницу, чтобы получить благословение. Владыка благословил каждого из них и благословил начинать службу. Ночью, когда справляли Рождественскую службу мирянским чином, больной несколько раз призывал своих чад стуком. Он просил пить, потом просил открыть дверь, ему было душно, спрашивал, зачем они покрывают его белым платом (это ему казалось). Наконец часа в три утра он успокоился, и после службы прихожане разошлись и разъехались.

На вечернюю службу часам к четырем вновь пришли прихожанки из села. Владыка просил их помочь ему спуститься, но сил у него уже не было. Они отслу-

жили праздничную вечерню, владыка тем временем как будто успокоился, и они ушли. Матушка Филонилла, утомленная бессонными ночами и болезнью, прилегла отдохнуть и проснулась от стука поздно вечером. По ее словам, она не сразу поняла, что стучит владыка. По лесенке она поднялась на печку. Владыка сказал просто: «Я умираю». Матушка сразу дала ему антидор. Он лежал молча с закрытыми глазами, также молча принял просфору, долго-долго перекачивал ее во рту, стараясь размять (ему и раньше было трудно глотать даже жидкую пищу, тем более сухой хлеб).

Матушка Филонилла, увидев, что владыка все же проглотил просфору, дала ему святой воды, и он также молча, не открывая глаз, ее выпил. Матушка зажгла свечу и, сидя рядом, начала читать канон на исход души. Она читала и читала, потом подняла голову и поняла, что владыка почил. Когда, в какой момент это произошло, матушка Филонилла так и не поняла. Она с изумлением говорит сейчас, что была все время рядом, но не заметила, как владыка предал дух Богу — настолько это было тихо и мирно. Он словно заснул. Матушка, убедившись, что владыка почил, спустилась с печки и посмотрела на часы — было 10:15 вечера 7 января. Она взяла Св. Евангелие, снова поднялась к полатам, вложила свечу в руку почившего владыки, села рядом и всю ночь читала Св. Евангелие.

Наутро пришли Нина и Александра, прихожанки и помощницы владыки, приехали также люди и из других деревень. Они сняли тело владыки, оно было теплым и мягким. Тело владыки облачили в рясу, камиллавку, омофор и положили во гроб с крестом, панагией и посохом¹³⁷. Владыка лежал во гробе, как спящий, ли-

¹³⁷ Гроб, который был в доме у матушки Филониллы, оказался мал (его владыка сделал для нее раньше, во время ее болезни, а после того, как она выздоровела, сказал, что гроб будет для него самого). Тогда принесли гроб, который тоже сделал сам владыка для другой прихожанки, Александры.

до его было спокойное, светлое-светлое, как младенческое. Хоронили его очень просто, как он и просил: «Похоронить скромно и тихо, чтобы вокруг никто не знал». Так и сделали. И даже лошадь с санями, нанятую в соседней деревне, завели во двор. Там же простились и закрыли крышку гроба. И повезли гроб в санях к кладбищу.

* * *

На кладбище мы шли с Ниной и бабушкой Марусей через всю деревню, потом по дороге через белое, ледяное поле, продуваемое колючим пронизывающим ветром. У небольшого пролеска свернули и вошли в ограду кладбища. Несколько заброшенных, занесенных сугробами могил с покосившимися крестами, и у ограды — огромный холм свежей земли. Простой деревянный крест, аккуратно сбитый и очищенный. Владыка сделал его своими руками. Никакой надписи, ничего... Скромная, как все с ним связанное, могила.

Потом вернулись к матушке Филонилле и зашли в их церковь. До болезни владыка на Рождество собирался служить литургию и причастить прихожан, и в маленькой церковке матушка все приготовила к службе. «Как здесь хорошо было во время службы, тепло и мирно, очень благодатно», — проговорила одна из катакомбных прихожанок, когда мы стояли с ней и матушкой Филониллой в пустой, осиротевшей холодной церковке, где владыке уже не довелось отслужить на праздник Рождества. Вернувшись в избу, мы прошли в комнатку владыки и поднялись на полати, где он умер. Казалось, тряпочки, старенькие подушечки на этом последнем ложе епископа Гурия хранили еще его будто младенческий запах...

Мы спросили матушку, говорил ли ей владыка перед кончиной что-нибудь как завещание или назидание. Она ответила, что ничего не говорил. Он и при

жизни всегда мало говорил, однако его молчаливое свидетельство всегда было сильнее любых слов, и пример его исповеднической жизни являлся самым лучшим наставлением, укрепляя в стоянии за Истину. На прощание матушка Филонилла, Нина и Александра пели церковные песнопения на чувашском языке. Потом мы вместе с ними пели «Христос Воскресе» по-славянски и по-гречески. Оказывается, и владыка знал этот пасхальный тропарь по-гречески. Удивительно он звучал в чувашской убогой избушке при мерцающем свете свечей. В те минуты мы представляли, что за нашего дорогого владыку сейчас молятся в разных концах света на славянском, греческом, английском, чувашском языках. Да, его нет рядом с нами. Он и при жизни (сколь недолго мы его знали) был большую часть времени отделен расстоянием от нас и от других, но в молитвах он всегда был с нами. И верится, что теперь он молится о нас у самого Престола Божьего.

Епископы-новомученики благословили его на служение чувашской пастве, и он смиренно почти семьдесят лет духовно окормлял чувашей и окончил свой путь рядом с ними. И вот здесь, в сумерках наступающей холодной зимней ночи и еще более холодной ночи злого безбожия и лжеверия, торжествующих свои новые победы в несчастной России, мы вместе с православными катакомбными чадами владыки Гурия, охваченные единым духовным чувством, воспели: «Величаем, величаем тя, Святителю, Отче Гурие, и чтим святую память твою, ты бо молиши за нас, Христа Бога нашего».

«Святителю, Отче Гурие, моли Бога о нас!»

1996–2000

ГЛАВА II

Новомученики и исповедники Уфимской и Казанской епархий

Иерей Аркадий Волокитин

Мой отец. Штрихи к портрету¹

Отца своего я не помню. Мне было два года, когда его по приговору «Тройки» НКВД расстреляли. Но он присутствовал в моей жизни всегда. Дело в том, что мама не знала о его гибели. Она ждала его возвращения из заточения почти всю жизнь. И вспоминала при мне о нем вслух так часто, как это позволяло ей время, до краев заполненное заботой о пятерых детях. Рассказывая об отце, она никогда не употребляла эпитетов — великодушный, мужественный, добрый, бескорыстный. Она приводила только факты, дающие четкое представление о его характере и нелегкой судьбе. Некоторыми из них мне и хотелось бы поделиться.

¹ Впервые опубликовано: Воздвижение. Исторический альманах Московского подворья ИПЦ Греции. 2000. № 13 (33). С. 46–65.

* * *

У отца были незаурядные организаторские способности и дар убеждать людей. В детстве, обладая живым и даже озорным характером, он был признанным лидером среди сверстников. Школьные учителя знали о его способностях. Если во время занятий им необходимо было отлучиться из класса, они оставляли его вместо себя, так как класс беспрекословно ему подчинялся. Однажды учитель неожиданно вернулся. Подходя к классу, он услышал за дверью странные дикие звуки. Приоткрыв дверь, преподаватель увидел стоящего у стола Аркадия. Тот командовал:

— Смейтесь, дети!

Класс взрывался смехом.

— Плачьте, дети!

— А-а-а! — дружно рыдали дети.

Команды следовали поочередно одна за другой до тех пор, пока учитель не вошел в класс.

В юности свою способность убеждать он использовал в более строгих целях. Так, узнав о том, что младший брат пристрастился к курению табака, он добился, чтобы тот раз и навсегда оставил папиросы.

Много лет спустя о его даре убеждать говорил моей маме следователь Кузнецов:

«Волокитина Анастасия Константиновна?! — поднял он красные от бессонницы глаза на подследственную. — Да, — протянул он, — ваш муж умеет убеждать. Он и меня чуть не обратил в свою веру...»

По небрежности или умышленно следователь, отправляя ее в другой кабинет, дал маме в руки ее «дело». Она заглянула в него и узнала, что она является женой «организатора черной шайки». Это «открытие» позволило ей быть начеку во время допроса.

— Вы участвовали в делах мужа? — вкрадчиво спрашивал следователь.

— Нет, — отвечала она.

— Но вы же молились с ним!

— Да, молились. Но в его делах не участвовала.

Доказать, что она была соучастницей, им не удалось. Тем не менее «Тройка» направила ее на строительство канала имени Москвы².

* * *

Отец был заядлым рыболовом. Именно этой страсти он обязан тем, что в юности стал носить очки: однажды в голову ему пришла фантазия попробовать порыбачить в дядиных очках, чтобы лучше видеть поплавок. Очки были слабые, и он привык к ним.

А вот охотника из него не получилось. Первый же выстрел для него оказался удачным, но роковым. Пуля попала в зайца. Заяц кувыркнулся в снег, потом вскочил и заплакал. Он бежал и плакал, как ребенок. Отец бросил ружье и закрыл ладонями уши. Больше к ружью он не притрагивался никогда в жизни...

* * *

Мои будущие родители познакомились в 1912 году. Мама (Анастасия Тимофеевна) училась тогда в Уфимском пансионе для детей-сирот духовенства.

Однажды они катались на лодке по небольшому озеру в садике, носящем ныне имя Луначарского. Мама чувствовала себя ужасно неловко, потому что туфельки на ней были худыми. Отец, казалось, не замечал проглядывающих сквозь дырочки пальцев и рассказывал о себе. Слово между прочим он сказал, что у него была

² Здесь, очевидно, ошибка. Согласно архивным данным, матушка Анастасия содержалась в тюрьме города Бирска с апреля 1938 года по май 1939 года, когда была освобождена в связи с прекращением дела. Возможно, на строительство канала она была отправлена в конце 1930 года, когда также подвергалась аресту и была приговорена к 3 годам ссылки.

невеста из очень богатой аристократической семьи, но они расстались после того, как она, прощаясь с ним на перроне вокзала, подала ему руку в перчатке...

Ни богатство, ни слава, ни карьера отца никогда не волновали.

* * *

Отец был мастером на все руки: большая часть мебели в доме была сделана его руками; он плел корзины, рыбацкие сети, переплетал книги...

Плоды своего труда часто дарил. Даря, он испытывал радость и был благодарен людям, принявшим дар. Они тоже были благодарны. Весной 1922 года к нему пришел крестьянин-татарин из близлежащего села. Он решил, что у батюшки есть зерно, каждая горсть которого после страшной засухи была дороже золота. Татарин долго мял в руках шапку, не решаясь заговорить. Потом высказал свою просьбу. Он просил зерно в долг и клялся, что осенью возвратит в двойном размере. У отца было два мешка. Один из них он отдал крестьянину, категорически попросив его не беспокоиться о возвращении долга. Потом в течение нескольких лет благодарный крестьянин каждую весну и осень приезжал к отцу, чтобы помочь ему в сельскохозяйственных работах.

Семья тогда жила натуральным хозяйством, имела пасеку, заботы о которой целиком и полностью лежали на плечах мамы. Отец отказался от «поборов», что вызвало (к великому огорчению отца) раздражение его «коллег».

* * *

Лето 1921 года. Ни одного дождя за все время. Иногда на горизонте появлялись тучи. Крестьяне радовались: в Никольском (название вымышлено. — И. В.) прошел дождь. Приезжали из Никольского: никакого

дождя не было. В один из таких дней отец служил молебен в поле. Над головами людей висело выпцветшее от беспощадного солнца небо. Служба шла долго. Люди страстно молились. Неожиданно набежали тучи. И... хлынул дождь. Люди рыдали, падали на мокрую землю, целовали ее.

* * *

Шла Гражданская война. К селу приближался отряд красных. Среди сельчан началась паника. Побросав дома и скот, крестьяне бросились к ближайшему лесу. Отец остановил обезумевших людей на околице. Он разъяснил им печальные последствия, к которым приведет это опрометчивое решение, призвал их предаться воле Бога. Люди вернулись в дома. А когда отряд уже покинул село, отца вызвали в вышестоящую инстанцию:

«Это правда, что вы с крестом встречали красных?» — сурово спросили его.

«Да — ответил отец. — Я никогда не снимаю с себя нательного креста».

* * *

Начальник красногвардейского отряда, вошедшего в село, часто приходил к дому отца. Он садился у ворот на лавочке и слушал льющуюся из окна музыку. Отец играл на фисгармонии Баха, Бетховена, Моцарта. Потом он попросил разрешения заходить в дом.

Однажды в порыве чувств он сказал отцу:

— Хотите, я подарю вам коня?

Отец грустно улыбнулся.

— Нет, — сказал он. — Своих коней у тебя нет, а чужое я принять не могу.

* * *

В селе Сюнеево бушевала холера. И днем, и среди ночи отец причащал больных. Однажды, причастив очередного умирающего, он подходил к своему дому. Неожиданно с крыльца сбежал пятилетний Феденька и с радостным криком бросился к нему. Отец не успел отпрянуть: Феденька обхватил колени отца и прижался к рясе. Утром у Феденьки начались судороги, а на следующий день он скончался.

Отец тяжело переживал эту смерть. Это была утрата уже третьего ребенка.

* * *

Прихожане доверяли отцу безраздельно. Как-то в Бирске к нему зашла нищая старушка и попросила его принять на хранение мешочек, содержимое которого состояло из золотых монет. Отец взял мешочек. После этого визиты старушки к отцу стали регулярными. Раз, а то и два в неделю она приходила и просила дать ей мешочек. Старушка расстилала платок, высыпала на него золото и подолгу любовалась им. После этой процедуры она уходила счастливой и просветленной.

Через несколько месяцев отец вернул ей мешочек, объяснив, что поскольку она не может жить без золота, то лучше для ее здоровья держать его при себе.

* * *

Отец не любил пустых разглагольствований, громких фраз и модных словечек. К своим словам он относился очень бережно, предъявляя к ним самые высокие требования. Как-то раз после только что произведенного обыска к нему нагрянули с новым обыском.

— Ну, опять не слава Богу! — вырвалось у отца.

Подписав составленный протокол, он сделал крупным почерком приписку: «Слава Богу!» Он не мог простить себе, что употребил имя Господа всеу.

* * *

Впервые отца арестовали в 1927 году в городе Бирске. Повод был весомым: дом № 31 по улице Интернациональной, где проживала наша семья, превратился в молельню. Молиться приходили люди различных возрастов. Среди них было много молодежи. Отцу было предъявлено обвинение в ведении религиозной пропаганды среди несовершеннолетних.

28 января 1928 года состоялся суд. Один за другим в зал входили несовершеннолетние свидетели. К удивлению суда, они вели себя не по-детски уверенно, не поддаваясь на провокационные вопросы. Некоторые из них (например, Евстолия Носкова, Евдокия Колесникова) заняли активную позицию защиты подсудимого. Суд зашел в тупик. Обвинение рассыпалось.

Домой отец возвращался в сопровождении ликующей группы молодежи. Приговор суда — 11 месяцев принудительных работ — по тем временам не выглядел серьезным.

Однако уже через два месяца отца снова арестовали. На этот раз ему было предъявлено обвинение в антисоветской агитации и пропаганде. Теперь суд осуществляло Особое совещание при Коллегии ОГПУ. 30 марта 1928 года оно вынесло приговор — три года ссылки. Местом ссылки стала Казань.

В Казанской ссылке отец пробыл три года. 30 августа 1930 года в квартиру № 1 дома 28 по улице Сибирский тракт, где тогда проживала наша семья, нагрянули сотрудники ОГПУ с обыском. Как явствует из протокола, составленного в присутствии понятых Романовой Ольги Ивановны и домохозяина П. И. Иванова, в ходе него из квартиры Волокитиных *«для доставки в ОГПУ ТАССР были взяты разная переписка, 10 штук открыток-писем, 2 фотокарточки и 3 иконы маленькие бумажные»*.

А на следующий день, то есть 31 августа, отец был арестован. Тогда же в Казани были арестованы епископ Нектарий и священники Андрей Боголюбов, Иаков Галахов, Николай Петров, Николай Троицкий, профессора Духовной академии Васильевский М. Н., Несмелов В. И., Покровский И. М. и Полянский Е. Я. и еще ряд монахинь и мирян Антипина Е. А., Антипина О. М., Боголюбов А. И., Соловьева А. Ф., Терсинская В. Д., Терсинская К. Д.

Всем было предъявлено обвинение: *«принимал деятельное участие в Казанской контрреволюционной организации церковников, участвуя затем в деятельности Казанского “филиала” Всесоюзного Центра церковно-монархической организации Истинно-Православная Церковь, и в том числе в распространении контрреволюционного воззвания митрополита Кирилла и в обсуждении методов в борьбе с Советской властью»*³.

В тот же день состоялся допрос. Как показывают материалы следствия, отец держался на нем очень спокойно и независимо. Он сказал:

«В моем доме я устраиваю моления, бывают верующие из области, кто они и сколько их бывало, сказать отказываюсь, не желая их выдавать. Вообще, о посещении меня молящимися я не намерен говорить властям. Разрешения на богослужения у меня не имеется, я не нахожу нужным и считаю необязательным доводить до сведения ГПУ и получать разрешение».

Владыка Нектарий не скрывал на допросах своего отрицательного отношения к советской власти:

«Мое отношение к Соввласти, как к царству сатаны, неприязненное, враждебное. Обязанность духовен-

³ Здесь и далее выдержки из: Следственное дело Д2-18199 // Архив Комитета безопасности Республики Татарстан (Архив КГБ РТ).

ства и верующих молиться об изменении отношений власти к Церкви или же об избавлении от нее, что вернее, так как не может измениться отношение к Церкви со стороны власти в лучшую сторону. Поэтому в беседах с верующими я высказывался за необходимость избавления от Соввласти».

О митрополите Сергии отзывался всегда очень резко:

«Митр. Сергия считаю отступником и узурпатором, виновником церковного раскола»; «Митр. Сергей и Синод при нем продался советской власти, предал внутреннюю свободу Православной Церкви. Больше того, я лично считаю митр. Сергия и его Синод — отделением 6-го отдела Московского ОГПУ».

Об отношении к патриарху Тихону и о нынешнем положении Русской Церкви говорил откровенно, проведения тайных богослужений в своем доме не отрицал:

«Я истинный сторонник Патриарха Тихона и готов за него умереть и стремлюсь быть таковым»;

«Нынешнее положение Церкви при соввласти может быть только в подполье, быть верующим при существующей власти есть подвиг. Я рекомендовал верующим относиться к власти по-христиански, то есть терпеливо: “Над нами Бог, который сильнее всего”»;

«Я хорошо понимаю, что тайное от властей богослужение и устраивание совещаний и бесед — это с моей стороны преступление, и за это я должен <быть> судим властью»;

«Сказать, кто является молящимся и фамилии их — я этого не скажу, так как считаю это предательством».

Спокойно и даже дерзко вела себя на допросах и двадцатидвухлетняя Ольга Михайловна Антипина, уже до этого 5 лет проведшая в тюрьмах за распространение воззваний епископа Андрея. Вот показания Ольги Ми-

хайловны, написанные ею собственноручно в кабинете следователя 15 октября 1930 года:

«На вопрос о том, кто мой духовник и исповедовалась ли я у епископа Андрея, отвечать не могу, так как считаю — область моей интимной жизни не подлежит ведению ОГПУ. К существующему строю, следовательно, к “социалистической стройке” отношение мое еще не установилось, так как я интересуюсь сейчас вопросами религии, а не политики. У Волокитиных я бывала и бывала именно на богослужениях, обычных для Православной Церкви. Причем категорически объявляю, что никаких собраний, кроме молитвенных, я лично в указанном доме не знаю.

Проповедь христианского учения, как и все установленное в Евангелии, считаю для себя обязательным, кроме случая, предусмотренного словами: “Не мечите бисер перед свиньями”».

В общем, обвиняемые рассказывали о себе очень скупо. За них это делали свидетели обвинения. Они утверждали, что в 1928 году в Казани появились два представителя антисергиевского течения: ссыльный епископ Н. К. Трезвинский и священник «андреевского» толка А. И. Волокитин, которые создали свои церковные общины, объединившиеся затем в антисоветский и антисергиевский блок.

Показания некоторых свидетелей дают возможность представить образ жизни и характер деятельности отца в тот период. Вот, например, одно из них. После заявления о том, что Н. К. Трезвинский и А. И. Волокитин проводили в своих домах моления, свидетель показывает:

«Но этого Нектарию и Волокитину было мало. Они составляли воззвания. Эти воззвания они читали после службы, засим рассылали по соседним республикам и даже за границы соседних республик с приглашением объединиться около них и не признавать главу митропо-

лита Сергия, работающего вместе с большевиками-безбожниками.

Волокитин, в свою очередь, старался объединить людей “андреевского” толка. В этом направлении на них работала монашка Антипина и другие. Волокитин распространял среди своих почитателей дело епископа Андрея и идею его объединения со старообрядцами, проповеди епископа Андрея Ухтомского, надо сказать, что проповеди славянофильского духа — “духа русского”, читались письма епископа Андрея к духовной общественности, о смысле христианских догматов и другие. Письма, пропитанные таким же “русским духом”.

Кроме того, Волокитину мало было такой работы. Он имел корову, он ходил по базарам в присвоенном сану костюме, ряске и сукфье⁴. Предлагая молоко, он занимался пропагандой. Он внушал покупателям, что в Казани нет православных церквей, что казанское духовенство отступило от православия, что не надо ходить по казанским церквям, там поминают отступники, продавцы православия, представители митрополита Сергия и коммунистов-безбожников. Своим костюмом он, конечно, вызывал жалость в народе, вот до чего доводят коммунисты духовенство, что заставляют торговать молоком и прочее...»

Шли дни, месяцы, а следствию, казалось, не будет конца. ОГПУ раз за разом продлевало сроки содержания обвиняемых под стражей. Почти полтора года ни в чем не повинные люди томились в заключении. Следствие, по существу, и не велось. Так, за полтора года заключения отец был допрошен всего лишь один раз — в день своего ареста 31 августа 1930 года.

А тем временем ОГПУ разрабатывало дело о «Все-союзном Центре контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ» с центром в Ленинграде, возглавляемой иосифлянскими епископами. По этому делу в Ленинграде, Москве, центральных областях России, по всей Украине и на Кавказе производились мно-

⁴ Стиль и орфография свидетеля сохранены полностью. — И. В.

гочисленные аресты духовенства и активных мирян, не признавших митрополита Сергия.

1 декабря в Козьмодемьянске был арестован епископ Иоасаф (Удалов), с 21 по 27 июня и 30–31 августа 1931 года были произведены новые аресты в Казани (15 человек)⁵, среди них священники: Сергей Воронцов, Александр Гаврилов, Николай Дягилев и Евлампий Едемский-Своеземцев, диакон Петр Титков.

В «Обвинительном заключении», предъявленном обвиняемым, утверждалось, что Казанский «филиал» ИПЦ возглавляли епископы Нектарий (Трезвинский) и Иоасаф (Удалов), священник Николай Троицкий и профессора Несмелов В. И. и Петров Н. В. Они руководили также «филиалами» ИПЦ в Чистополе, Мензелинске, Бугульме и Елабуге, а через иерея Иоанна Фокина — и группами истинно-православных христиан в Советском, Шарангском, Кикнурском, Санчурском районах и группами в Марийской АССР.

В Казанский «филиал» ИПЦ, по версии следствия, входило семь групп: Союз христианской молодежи из участников церковных хоров Вознесенской, Варваринской, Петропавловской и Грузинской церквей, прежде всего детей священнослужителей, под руководством отца Сергея Воронцова; группа ссыльных «андреевцев» во главе с отцом Андреем Волокитиным⁶; группа из академической слободы во главе с отцом Евлампием Едемским-Своеземцевым; политический салон профессора Несмелова В. И.; группа монахинь, выполняющих роль связных; конспиративная квартира заведующего Арским кладбищем Николая Галахова; явочная квартира отца Николая Троицкого.

⁵ Алексеева А. С., Воронцов С. Н., Гаврилов А. С., Гирбасов С. Ф., Дягилев Н. А., Едемский-Своеземцев Е. И., Кукарникова А. А., Люткин А. С., Мануйлова Л. Е., Соколов И. Н., Соколова Г. Н., Стахеева Ю. В., Степанова Е. Н., Сурина М. П., Титков П. В.

⁶ В следственном деле неправильно указано имя отца Аркадия. Почему-то он именуется «Андреем».

В квартире епископа Нектария в Козьей слободе Казани ежедневно устраивались регулярные богослужения общины монахинь, певчих и ссыльных «андреевцев». На этих богослужениях владыка *«рукополагал священников и диаконов, которых рассылал по Яранской и Чувашской республиканской епархии как своих агентов»*. Подобная же домашняя церковь была организована и у отца Андрея (Аркадия) Волокитина.

Монахини бывших монастырей (Казанского и Федоровского) собирали по селениям под Казанью *«деньги и продукты на заключенное и ссыльное духовенство, агитировали против коллективизации, раскулачивания и других мероприятий власти и распространяли слухи о пришествии антихриста»*. На квартирах двух прихожанок Грузинской церкви⁷ были организованы домашние столовые, где заключенное и ссыльное духовенство, а также материально нуждающиеся прихожане бесплатно снабжались обедами, продуктами питания и деньгами, причем ежедневно *«обеда готовились на 10–12 человек»*.

Епископ Нектарий был в постоянной связи с архиепископом Дмитрием Гдовским, стоявшим во главе «иосифлян» в Ленинграде, с московской группой истинно-православных из церкви Никола Большой Крест и с помощью связных, сестер-монахинь Терсинских, — с митрополитом Кириллом (Смирновым), томящимся в ссылке в Туруханске. Они *«на протяжении ряда лет неоднократно, приблизительно 7–8 раз в году, ездили к митрополиту Кириллу»*, передавая письма, деньги и продукты опальному архиерею. Связь со ссыльным духовенством в Нарымском, Туруханском краях, Вятской и Уфимской областях, в Марийской и Чувашской республиках и в Казахстане осуществлялась через бродячих монахов и монахинь, оттуда приходили письма и воззвания, которые копировались и распространялись по епархиям.

⁷ На квартирах Лидии Вечесловой и Лидии Богородской.

В отношении отца Аркадия в резульативной части обвинение было сформулировано так:

«Волокитин Аркадий Иванович, 1887 года, уроженец села Богородское той же волости бывшей Уфимской губернии, русский, окончил 2 класса духовной семинарии, священник, лишен прав, 4 раза судим за КР деятельность, последним решением Коллегии ОГПУ 1928 года административно выслан в город Казань на 3 года. Родственников в РККА не имеет, на иждивении жена и 4 детей:

а) организовал административно-ссылных “григорянцеv” в районе Козьей слободы Казани, вместе с “группой пяти” примкнул к Казанскому филиалу Всесоюзного Центра церковно-монархической организации “Истинные” через епископа Нектария Трезвинского;

б) созывал у себя в квартире совещания антисоветского элемента, обсуждал с ним методы борьбы с советской властью и распространял по деревням контрреволюционные листовки-воззвания. Виновным себя признал».

Виновными себя признали и остальные обвиняемые. Видимо, они прекрасно понимали, что от их признания или непризнания ничего не зависит, и не хотели «метать бисер».

5 января 1932 года были вынесены приговоры 32 обвиняемым: епископ Иоасаф, четверо священников — Сергей Воронцов, Аркадий Волокитин, Александр Гаврилов и Евлампий Едемский-Своеземцев — и монахиня Юлия Стахеева были приговорены к 3 годам концлагеря, остальные обвиняемые — к 3 годам ссылки. 26 января 1932 года епископ Нектарий, как главный руководитель Казанского филиала организации ИПЦ, был приговорен к 10 годам концлагеря.

* * *

Отец никогда не рассказывал о своих злоключениях. Однажды дочь Ольга спросила его:

— Папа! Тебя следователи били?

— Не надо об этом спрашивать, — тихо и убедительно сказал он.

...О его страданиях знали лишь его товарищи по испытанию. Один из них, бывший с ним в концлагере на Медвежьей Горе, был очевидцем, как отец в страшно морозный день воскликнул: «Господи! Согрей меня или возьми мою душу!»

* * *

Отец был реабилитирован в 1964 году. Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР постановления различных органов (за 1928, 1932, 1937 годы), приговоривших его к различным мерам наказания, были отменены за отсутствием состава преступления. Однако в справках о реабилитации ничего не сообщалось о его судьбе. И только в декабре 1994 года Министерство безопасности Республики Башкортостан, по просьбе моей сестры (Зои Аркадьевны Туганцевой), сообщило, что наш отец, *«арестованный 1937 года по ложному обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, 15 октября 1937 года “Тройкой” НКВД был приговорен к ВМН — расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение 15 ноября 1937 года»*. Далее сообщалось, что захоронение расстрелянных проводилось на Сергиевском кладбище г. Уфы без фиксации места, поэтому *«определить точное место его захоронения не представляется возможным»*.

* * *

У отца никогда не было богатства. Все конфискованное имущество его состояло из дома, книжной библиотеки и фисгармонии. Сегодня память о нем хранят две иконы: икона Николая Чудотворца, подаренная отцу уважавшим его купцом, и икона Божией Матери,

которую его благословил епископ Андрей, получив ее в свою очередь в подарок от Великой Княгини (имени ее я не помню. — *И. В.*)⁸, да несколько чудом уцелевших фотографий.

Память о нем живет также в сердцах людей, имевших счастье видеть его живым, слушать его проповеди, для которых он был примером истинного служения Богу.

Иван Волокитин
9 декабря 1996 — 9 апреля 1998

*Краткие биографические данные
иерея Аркадия Волокитина*

14 февраля 1887 — родился в селе Богородское Уфимской губернии.

1903 — окончил Уфимское мужское духовное училище; поступил в Уфимскую духовную семинарию.

1909 — окончил Уфимскую духовную семинарию.

1913 — служил псаломщиком в храме Козьмы и Дамиана в селе Трошкино.

1 августа 1914 — переведен в Никольскую церковь села Ирныкши Стерлитамакского уезда Уфимской губернии.

13 августа 1914 — владыкой Андреем Уфимским рукоположен в диакона.

18 августа 1914 — рукоположен в священнический сан с назначением на служение в село Раевки Белебеевского уезда.

Февраль 1917 — назначен настоятелем храма в селе Ново-Белокатай Златоустовского уезда.

Август 1917 — награжден набедренником за ревностное служение Церкви Божией.

⁸ По всей видимости, речь идет о Великой Княгине Елизавете Федоровне, которая в 1914 году совершала паломничество по святым местам Уфимской губернии.

Октябрь 1917 — назначен на место священника Георгиевского женского монастыря Уфимского уезда⁹.

1920-е — служил в церкви села Сюнеево Емашевской волости Уфимского уезда, затем в Бирске.

1927 — арестован в Бирске по обвинению «*в ведении религиозной пропаганды среди несовершеннолетних*».

28 января 1928 — приговорен к 11 месяцам принудительных работ, из-под стражи освобожден.

2 февраля 1928 — вновь арестован в г. Бирске.

30 марта 1928 — осужден Особым совещанием при Коллегии ОГПУ, приговорен к высылке из Башкирии сроком на 3 года с запрещением проживать в ряде городов СССР. Административно выслан в г. Казань.

31 августа 1930 — арестован в Казани по делу епископа Яранского Нектария (Трезвинского) и др. по обвинению в образовании филиала «*Всесоюзного центра церковно-монархической организации “Истинно-Православная Церковь”*». Содержался под стражей в Казанской тюрьме.

5 января 1932 — за принадлежность к Истинно-Православной Церкви приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в лагерь. Отбывал срок в Беломоро-Балтийском лагере, на Медвежьей Горе (современный г. Медвежьегорск Республики Карелия).

1935 — по возвращении из заключения служил в г. Бирске в храме Уфимской автокефальной епархии непоминающих «*андреевского течения*».

23 июля 1937 — арестован в Бирске по обвинению «*в антисоветской агитации и пропаганде*».

15 октября 1937 — приговорен «Тройкой» УНКВД по Башкирской АССР по ст. 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания.

15 ноября 1937 — приговор приведен в исполнение в Уфе.

⁹ В народе назывался «Святые кустики». См. о нем ниже в воспоминаниях Волокитиной Марии Аркадьевны, старшей дочери отца Аркадия.

Иерей Дмитрий Волокитин

Младший брат отца Аркадия Волокитина, Дмитрий, принявший священнический сан, также отверг сергианский путь соглашательства и сохранял общение с архиепископом Андреем и епископами его ориентации. Служил он в храме села Воскресенское Благовещенского уезда.

Отец Дмитрий был замечательным пастырем и пользовался уважением и любовью своих прихожан. Он принимал самое деятельное участие в церковной работе Уфимской епархии, в подготовке Съезда староцерковников в октябре 1927 года и даже входил в состав его президиума. На одном из заседаний он прочитал доклад на тему «Пастырство, его значение и деятельность».

К сожалению, об отце Дмитрие сохранилось очень мало сведений. Известно, что он был арестован 5 февраля 1930 года и приговорен по ст. 58-10 УК РСФСР к лишению свободы сроком на 10 лет. Смертельно больного, его отпустили в 1937 году, однако потом вновь арестовали. Сохранилась последняя фотография, на которой он снят с семьей незадолго до своей кончины.

Краткие биографические данные иерея Дмитрия Волокитина

1891 (1890?) — родился в городе Уфе (или в деревне Воскресенка Уфимского уезда Уфимской губернии).

1906 — окончил Уфимское мужское духовное училище.

1912 — окончил Уфимскую духовную семинарию. Служил псаломщиком Вознесенской церкви в селе Табынска Стерлитамакского уезда Уфимской губернии.

Октябрь 1915 — рукоположен во священника, служил в Казанско-Богородицкой церкви в селе Городецкое Белебеевского уезда Уфимской губернии.

1920-е — священник церкви в селе Воскресенка Уфимского кантона Башкирской АССР (современного Благовещенского района Республики Башкортостан).

Октябрь 1927 — участвовал в Уфимском епархиальном съезде православных староцерковнических общин непоминающих «андреевского течения»; входил в состав президиума съезда.

5 февраля 1930 — арестован в селе Воскресенка.

26 февраля 1930 — осужден «Тройкой» ГПУ Башкирской АССР по ст. 58-10 УК РСФСР к лишению свободы сроком на 10 лет с конфискацией лично принадлежащего имущества. Отправлен в Севвостоклаг (Магаданская область).

6 января 1937 — освобожден из Севвостоклага как тяжелобольной. Вернулся в Башкирию.

26 февраля 1938 — арестован в городе Уфе.

5 июля 1938 — осужден Верховным судом Башкирской АССР по ст. 58-10 УК РСФСР к лишению свободы сроком на 10 лет. Отправлен в лагерь (под Уфой).

1938 — скончался в лагере под Уфой.

Иеромонах Митрофан Васильев

С иеромонахом Митрофаном отец Гурий познакомился в Одигитриевском монастыре Уфимской епархии в 1928 году. К тому времени отец Митрофан прожил в монастыре почти четверть века. Как и отец Гурий, он происходил из простой чувашской крестьянской семьи. Родился в 1876 году в деревне Типнеры Чебоксарского уезда. Мирское его имя — Михаил Васильевич Васильев. Михаил окончил четыре класса сельской школы, занимался земледелием, а в 1904 году, в возрасте 28 лет, поступил послушником в Одигитриевский монастырь в Белебейском уезде Уфимской губернии, недалеко от деревни Николаевка Карьявдинской волости. Это была чувашская оби-

тель, получившая статус монастыря по определению Синода в 1901 году. Здесь Михаил принял монашеский постриг с именем Митрофан. В 1915 году епископом Уфимским Андреем (Ухтомским) он был посвящен в диаконы, в 1918 — в иеромонахи. После закрытия монастыря отец Митрофан служил в приходских церквях Уфимской и Казанской епархий. В начале 1930-х годов служил в селе Тойси Цивильского района и в селе Первое Чурашево Октябрьского района (в Чувашии).

В это время неподалеку служил в Шутнеровской церкви отец Гурий. В 1932 году иеромонахи Гурий и Митрофан почти одновременно были арестованы по обвинению «*в антисоветской агитации и пропаганде*», но проходили по разным групповым делам. Иеромонах Митрофан был приговорен к 3 годам высылки и отправлен в Кологрив Костромской области. В 1935 году он вернулся в Чувашию, в это же время и иеромонах Гурий после побега из лагеря пришел в свою деревню. Узнав от монахини Анисии о возвращении отца Митрофана, он встретился с ним на праздник Успения в церкви деревни Акулевка Чебоксарского района, затем побывал у него в доме в деревне Типнеры. И с тех пор они постоянно общались друг с другом.

Отец Гурий исповедовался у иеромонаха Митрофана и позднее на следствии подтвердил, что последний был его духовным отцом. Ведь отцу Гурию к моменту их встречи в 1935 году еще не было и тридцати (а настоятелем Шутнеровской церкви он стал в 24 года!). И естественно, что иеромонах Митрофан, будучи на тридцать лет старше Гурия и имея большой опыт монашеской жизни, оказывал на него серьезное влияние. Иеромонах Митрофан, так же как и отец Гурий, скрываясь от преследований безбожной власти, постоянно странствовал и совершал по домам верующих тайные богослужения.

Отец Гурий рассказывал, что в конце марта 1951 года он виделся с иеромонахом Митрофаном в чувашской деревне на другой стороне Волги недалеко от поселка Звенигово (в Марийской АССР). Они соборовались, исповедались и причастились, потом иеромонах Митрофан сказал, что ему нужно идти за Волгу. Отец Гурий его отговаривал, ведь везде была вода из-за весеннего половодья, а отец Митрофан был обут в лапти. Но тот оставался непреклонен. Он отдал отцу Гурию свою медную икону Казанской Божией Матери, другие святые вещи и ушел (ему было тогда уже семьдесят пять лет).

В 20-х числах марта иеромонах Митрофан добрался до поселка Звенигово и прожил несколько дней у своего прихожанина Григория Иванова. Тогда-то отец Митрофан и поведал Григорию, что ему уже скоро умирать и он хочет умереть мучеником, для чего вскоре пойдет на площадь и заклеит антихристову власть. Григорий стал его отговаривать, но отец Митрофан поступил по-своему. 26 марта 1951 года в центре поселка Звенигово иеромонах Митрофан выступил перед народом с речью против безбожной власти, сорвав при этом со стены магазина советский лозунг с именем Сталина и переломив его пополам. После задержания и отправки в Звениговское районное отделение МГБ он и там продолжал проповедовать и попытался сбросить со стен портреты коммунистических деятелей. Впоследствии Григорий Иванов рассказал отцу Гурию о происшедшем.

О дальнейшей судьбе отца Митрофана отец Гурий ничего не слышал. В изданной в Йошкар-Оле Книге памяти жертв политических репрессий иеромонах Митрофан упомянут среди репрессированных, но сведений о его кончине там нет¹⁰. Очевидно, он погиб в ла-

¹⁰ Васильев Михаил Васильевич, родился в 1876 в деревне Типнеры Чебоксарского района Чувашской АССР. 25 апреля 1951 — арестован,

гере строгого режима, куда был отправлен после вторичного приговора в октябре 1951 года за *«антисоветскую агитацию»*, которую он продолжал вести в колонии среди заключенных и охранников.

* * *

При обыске у иеромонаха Митрофана были изъяты: ученическая тетрадь, в которой было переписано его рукой *«Дивное видение протоиерея Иоанна Кронштадтского 1907 года»* на десяти страницах; отдельный листок, на одной стороне которого его рукой была написана *«Моя жизнь во Христе»*, — как показал отец Митрофан на следствии, *«в ней изложены мои убеждения, т. е. то, что я думаю»*; на другой стороне этого листка его же рукой был записан текст *«добавления на 1-е отречение»*. На допросе он пояснил, что написано это было *«после дачи подписки о неразглашении»*, когда он позднее раскаялся, так как *«осознал, что это я сделал грех перед Богом»*. Оба текста на листке весьма примечательны, ниже они приведены.

Материалы следственных дел 1950–1951 годов при всей их специфичности содержат довольно подробные факты и позволяют воссоздать картину происходящего, а протоколы допросов доносят, хотя и в характерном чекистском изложении, живую речь мужественного православного исповедника. Приводим их в полном объеме.

«+»

Моя жизнь во Христе!

Во всем мире для всех радость Христос! Без Христа нет радости нигде и не будет ее. Потому что Он Миросоздатель и Миродержатель. Что есть на свете, в Нем держится, и вся тварь в Нем радуется и движется. Он для всех радость. Христос невидимо управляет всем сущим в мире и на свете. Наша радость Христос! Наша жизнь Христос! И в Нем движемся и живем. Он же путеводитель и истинный свет.

Заблудший народ признал Сталина, признают счастьем народа. А наоборот он губитель народа и народа грабитель, и разоритель мирного народа, соблазнитель и обманщик. Ленин прохвост, Сталин сволочь. Оба они проклятые пред Богом. Ленина и Сталина не признаю даже людьми. Плевать жалко на ихние хари (на рожи). Еще кто работает при сов. власти, партийных и беспартийных, учителей антихристовых не признаю. Все они соблазнитель христиан и душегубцы.

Отрекаюсь от сов. власти. Сов. власть еще обманывает народ, что она может устроить мир во всем мире. Неправда! Сов. власть стоит и работает против Бога.

Без Бога не до порога! Сов. власть что может? Только народ грабить, народ мучить и губить. Отлучаюсь от сов. власти. Сталин проклятый и Ленин проклятый.

Коммунизм не признаю. Это все дело проклятое.

Сов. власть скоро сама погибнет. “Путь нечестивых погибнет”. Теперь я проклятый пред Богом и я проклятый, но отрицаюсь от вас.

При сов. власти, кто работает для сов. власти, кто любит ее, любит антихриста. Вообще сов. власть антихрист! Он же мирогубитель!

Заблудший Митрофан»¹¹.

¹¹ Написано простым или химическим карандашом.

* * *

«+

Благослови мя, Господи, дополнить отречение от советской власти. 1-е мое отречение на 1-м письме, это второе отречение — добавление на 1-е.

Господи, прости меня окаянного молитвами Пресвятыя Владычицы Богородицы со всеми святыми, и молитвами Св. Николая Мирликийского чудотворца, первоверховными св. апостолами Петром и Павлом и всеми Святыми. Воистину я человек грешный пред Богом. Окаянен! Недостойный я человек взирати на небо. Прежде всего, раскаяюсь пред Богом во своих грехах. Я своими грехами много, много оскорблял Бога, окаянен есмь аз! Я превзошел грехами своими пагубными <неразб.>. Сов. власти я говорил, что власть от Бога. Да, действительно, всякая власть от Бога. Эта власть попущена Богом за наши грехи и окаянство наше.

Я человек мало сведущий — человеческая жизнь зависит от Бога, а не от сов. власти. Я пред властью разоблачал, как я жил на свете. Сов. власть взяла меня на учет. Теперь я, грешный и окаянный, отлучился от Бога, и я проклятый стал пред Богом. В этом теперь я раскаиваюсь. Зачем я все рассказал. Эти все слова мои, что сказал, я пред Господом Богом моим в раскаянии все беру назад. Был я захвачен в городе Чебоксарах, тоже так же разоблачился и тоже так же, глупый, раскрыл мою биографию. Потом я там дал подписку, что больше не буду ходить и проповедовать, говорил, буду молчать.

Я этим сделал большой грех. Я стал теперь Богоотступник. Господи, помяни мое окаянство. Я был христианин, а теперь я, как сов. власть, Богоотступник».

Из материалов следственных дел иеромонаха Митрофана Васильева

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Допрос начат 23 сентября 1950 г. в 10 ч. 30 м.

Окончен 23 сентября 1950 г. в 13 ч. 20 м.

Я, начальник 5 отдела МГБ Чувашской АССР полковник КОРДУС, допросил в качестве подозреваемого

ВАСИЛЬЕВА Михаила Васильевича, 1876 года рождения, уроженца дер. Типнеры, Чебоксарского района, из крестьян-середняков, беспартийного, чуваш, гражданин СССР, образование 4 класса, бывший священнослужитель православной церкви, без определенных занятий. В 1932 году был судим за антисоветскую деятельность по ст. 58-10 УК РСФСР.

Показания обвиняемого ВАСИЛЬЕВА Михаила Васильевича

ВОПРОС: Какой ориентации, как служитель религиозного культа, вы придерживаетесь?

ОТВЕТ: Я не признаю патриарха русской православной церкви и всея Руси Алексия и его сторонников, поскольку они признают Советскую власть и изменили заветам патриарха Тихона. Я признаю истинно-православную церковь, действующую по старым религиозным порядкам, существовавшим при патриархе Тихоне. В силу этого я не посещаю действующих в настоящее время церквей и, как служитель религиозных культов, не служу в них.

ВОПРОС: Уточните, в чем заключаются заветы бывшего патриарха Тихона?

ОТВЕТ: Патриарх Тихон был патриархом православной апостольской церкви и не признавал законность Советской власти, так как Советская власть не поддерживает церковь, как поддерживало ее царское правительство. Новый патриарх и его сторонники признают Советскую власть и служат ей, поддерживают ее. Я по убеждениям монархист, признаю законной только власть царя, как «помазанника божия». Советскую власть я считал незаконной, не признаю ее, как безбожную власть.

ВОПРОС: Нужно полагать, что вы, странствуя по населенным пунктам, ведете среди населения работу, соответствующую вашим взглядам?

ОТВЕТ: При случае, когда меня спрашивают «истинно» верующие, я говорю им о действующих церквях так, как думаю, и советую не ходить в действующие церкви, поскольку там служат попы-еретики, признающие безбожную Советскую власть.

ВОПРОС: Есть ли у вас единомышленники?

ОТВЕТ: Единомышленников своих я не могу назвать.

ВОПРОС: Назовите населенные пункты и фамилии людей, которых вы посетили в последнее время?

ОТВЕТ: Назвать никого не могу, потому что этих людей я не знаю.

* * *

Из ПРОТОКОЛА ПОВТОРНОГО ДОПРОСА 26 сентября 1950 года

ВОПРОС: Уточните, с какого времени вы стали последователем такого направления?

ОТВЕТ: Последователем истинно-православной церкви я стал после выхода в свет обращения патриарха всея Руси Сергия ко всем священникам о признании ими и церковью Советской власти. Я считал эти действия патриарха предательством православной церкви и переводом ее в руки антихристовой власти. С того момента я патриарха Сергия, а впоследствии и патриарха Алексия признавать не стал, т. к. они стали патриархами не истинными — и изменили православной церкви, за которую стоял бывший патриарх Тихон.

ВОПРОС: Под влиянием кого вы стали на такой путь?

ОТВЕТ: В сан священника я был посвящен епископом Андреем Уфимским, который являлся истинным епископом, а затем был епископ Аввакум, которые рекомендовали твердо стоять на истинной вере и с этого пути не сходить. Вот я по их наставлению и стал истинно-православным христианином и признаю только истинно-православную церковь, а церкви, открытые при Советской власти, я не признаю, т. к. они стали советскими и служат на Советскую власть, поминают на службе за здоровье руководителей Советской власти, безбожной власти.

ВОПРОС: А как вы стали относиться к Советской власти после выхода в свет обращения патриарха Сергия?

ОТВЕТ: Я совершенно не стал признавать Советскую власть, т. к. она является властью незаконной, а самовластной, идущей против религии.

И. о. начальника Звениговского
РО МГБ капитану тов. Егосину
от пом. оперуполномоченного
лейтенанта милиции Васильева

РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения о том, что 26/III-1951 г., после обыска, задержанного Васильева Михаила Васильевича посадили в мой кабинет. Находясь в моем кабинете, Васильев встал на ноги лицом к портрету руководителя нашей партии и советского государства, выразился словами *«он обманывает народ, всегда и всех»*. Тогда же в направлении портрета плюнул.

О чем и довожу до Вашего сведения.

Пом. оперуполномоч. Звениговского ро МГБ

Подпись

26/III-51 г.

* * *

Из ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

26 марта 1951 года в Звениговском РО
МГБ Марийской АССР

ВОПРОС: Когда, с кем и для какой цели вы прибыли в р. п. Звенигово?

ОТВЕТ: В р. п. Звенигово я прибыл один утром 26 марта 1951 года для покупки хлеба.

ВОПРОС: До этого в Звенигово вы были?

ОТВЕТ: В Звенигово раньше, когда хотел работать, я приходил несколько раз. Это было в начале 1941 года.

ВОПРОС: Расскажите, почему вы сорвали лозунг со стены магазина сельпо?

ОТВЕТ: Я ненавижу Советскую власть, поэтому и сорвал.

ВОПРОС: Расскажите, как давно вы ненавидите Советскую власть и по какой причине?

ОТВЕТ: Советскую власть я стал ненавидеть с момента ликвидации нашего монастыря, где я был монахом.

ВОПРОС: О том, что вы ненавидите Советскую власть, рассказывали и кому?

ОТВЕТ: На этот вопрос я отказываюсь отвечать.

ВОПРОС: При обыске у вас изъяли написанный листок с заголовком «Моя жизнь во Христе». Расскажите, кому он принадлежит и кто его написал?

ОТВЕТ: При обыске у меня изъяли написанный листок с заголовком «Моя жизнь во Христе». Текст написан лично мною.

ВОПРОС: Для какой цели вы написали этот листок?

ОТВЕТ: Об этом я ничего не скажу.

ВОПРОС: Текст изъятого у вас листка антисоветского содержания. Почему вы написали и для какой цели?

ОТВЕТ: Да, действительно текст изъятого у меня листка явно антисоветского содержания, в нем изложены мои убеждения, т. е. то, что я думаю. В отношении цели знаю только я.

ВОПРОС: При обыске у вас была изъята ученическая тетрадь, в которой исписано 10 страниц, написано «Дивное видение протоиерея Иоанна Кронштадтского 1907 года». Кому эта тетрадь принадлежит и кто написал это видение?

ОТВЕТ: Да, действительно при обыске у меня изъяли тетрадь, в которой написано видение протоиерея Иоанна Кронштадтского 1907 года. Текст мною списан от людей, но каких не скажу.

ВОПРОС: Куда и как часто вы ходите в церковь?

ОТВЕТ: В церкви, открытые Советской властью, я не хожу, т. к. там поминают и восхваляют неправославную Советскую власть.

ВОПРОС: Почему вы плюете в портрет руководителя партии и советского народа?

ОТВЕТ: Он не человек, а антихрист, поэтому на его портрет я плюю. Я признаю только Бога.

ВОПРОС: Что желаете дополнить к своим показаниям?

ОТВЕТ: Летом 1950 года в МГБ Чувашской АССР я направил письмо такого же содержания, какое вами изъято на листке под заголовком «Моя жизнь во Христе». Меня вызывали в МГБ, взяли подписку о том, чтобы я не разглашал текст, т. е. содержание мною написанного. После дачи подписки я раскаялся, т. к. осознал, что это я сделал грех перед Богом.

Записано с моих слов правильно и мне прочитано

От подписи отказался, составлен акт¹².

¹² Далее в следственном деле следует акт, подписанный и. о. начальника Звениговского РО МГБ и прокурором Звениговского района о том, что «задержанный гражданин Васильев Михаил Васильевич отказался от подписи своих показаний в протоколе допроса».

* * *

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(о предъявлении обвинения)

гор. Йошкар-Ола

1951 г. апреля «7» дня

Я, следователь следственного отдела МГБ Марийской АССР ст. лейтенант Лаптев, рассмотрев следственный материал по делу № 11064 и приняв во внимание, что Васильев Михаил Васильевич достаточно изобличается в том, что он, являясь активным сторонником антисоветского подполья церковников, занимался активной антисоветской деятельностью, распространял листовки антисоветского содержания, в которых возводил клевету по адресу руководителей партии и советского правительства и Советской власти. Сорвал со стены лозунг, посвященный миру, и произвел антисоветский выпад над портретом одного из руководителей партии и Советского правительства.

ПОСТАНОВИЛ

руководствуясь ст. 128 и 129 УПК РСФСР, привлечь Васильева Михаила Васильевича в качестве обвиняемого по ст. 58-10 ч. I УК, о чем объявить обвиняемому под расписку в настоящем постановлении.

* * *

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1951 года, апреля 7 дня. Мы, зам. прокурора Марийской АССР по спецделам, советник юстиции Вершинин, следователь Следственного отдела МГБ Марийской АССР ст. лейтенант Лаптев, допросили обвиняемого ВАСИЛЬЕВА Михаила Васильевича.

Допрос начат в 13 ч. 45 м.

ВОПРОС: Вам предъявлено обвинение по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, вам оно понятно?

ОТВЕТ: С предъявленными мне обвинением по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР я ознакомился, и мне оно понятно.

ВОПРОС: Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

ОТВЕТ: В предъявленном мне обвинении виновным себя я признаю полностью. Я настроен против Советской власти, занимался антисоветской деятельностью. Так, изъятая у меня при задержании листовка под заголовком «Моя жизнь во Христе», в которой написаны антисоветские суждения о руководителях партии и Советского правительства, а также о Советской власти, написана лично мною. Лично мною написан текст под заголовком «Дивное видение протоиерея Иоанна Кронштадтского» в изъятой у меня при задержании тетради. Находясь 26 марта 1951 года в пос. Звенигово, со стены магазина я сорвал лозунг и переломил его пополам. Я признаю, что, находясь после моего задержания в Звениговском РО МГБ, я произвел антисоветский выпад над портретом одного из руководителей партии и Советского правительства.

ВОПРОС: Расскажите, кому вы давали читать или переписывать рукописи с текстом антисоветского содержания?

ОТВЕТ: На этот вопрос я отвечать отказываюсь.

ВОПРОС: Почему?

ОТВЕТ: Тоже не скажу.

ВОПРОС: Почему вы в написанных вами рукописях (листочках) антисоветского содержания подписывались по имени «Митрофан»?

ОТВЕТ: Я уже показал на предыдущих допросах, что в течение примерно двадцати пяти лет находился в монастыре, где был иеромонахом, там мне было присвоено монашеское имя «Митрофан» и звали меня «отец Митрофан», поэтому в листовках антисоветского содержания, как, например, в листовке «Моя жизнь во Христе», я подписался «заблудший Митрофан».

ВОПРОС: Назовите, кого вы знаете из числа антисоветски настроенных лиц?

ОТВЕТ: Из числа антисоветски настроенных лиц я никого не знаю.

* * *

Из ПРОТОКОЛА
судебного заседания по делу № 276,
25 апреля 1951 года

Подсудимый Васильев Михаил Васильевич виновным себя признал, суду пояснил:

«Я 25 лет находился в монастыре, там я служил иеромонахом. Как только наш монастырь разогнала Советская власть, то я служил по просьбе православных священников в церквях в Чувашской АССР. Затем органами Советской власти я был арестован и осужден к трем годам лишения свободы.

Меру наказания отбывал в Костромской области, после чего я вернулся в Чувашскую АССР. Определенного места жительства у меня не было, я ходил по населенным пунктам и работал печником в Марийской и Чувашской АССР.

Советскую власть я никогда не признавал и признавать не буду. Она работает против Бога. В выборах я никогда не участвовал, считаю грехом и за Советскую власть голосовать не хочу.

26 марта 1951 года в Звенигове со стены магазина я действительно сорвал плакат, в котором назван великим знаменосцем мира один из руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Я его сорвал и изломал потому, что ненавижу Советскую власть и ее руководителя, и если увижу его на портретах, то тоже срываю. Также сорвал портрет его, находясь в Звениговском РО МГБ.

При обыске у меня нашли рукопись “Моя жизнь во Христе” и “Дивное видение протоиерея Ивана Кронштадтского 1907 года”. Это все писал я лично, и мне это нужно было проповедовать другим. Я и сейчас его вам желаю зачитать, чтобы вы поняли.

Еще раз повторяю, что я против Советской власти и ее ненавижу.

Такого же содержания я направлял письма и в МГБ Чувашской АССР.

Я верю в Бога и подчиняюсь только Богу, а советским законам я не подчиняюсь и никогда подчиняться не буду».

* * *

ХАРАКТЕРИСТИКА

На заключенного Васильева Михаила Васильевича, 1876 года рождения, осужденного Верховным судом Марийской АССР по ст. 58-10 ч. I к 10 годам лишения свободы.

З/к Васильев М. В., отбывая меру наказания в ИТК № 2 с 14 июля 1951 года, проявил себя как чуждый элемент, настроенный против Советской власти.

5 октября 1951 года было изъято письмо антисоветского содержания.

6 октября 1951 года изорвал портрет вождя в помещении культурно-воспитательной части, в этот же день разбил стекло в витрине, где висела газета «Марийская правда» от 3 октября 1951 года.

6 октября 1951 года в кабинете начальника колонии тоже было изъято письмо антисоветского содержания.

8/Х-51 г.

Начальник ИТК № 2

* * *

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу № 62 по обвинению заключенного **ВАСИЛЬЕВА** Михаила Васильевича в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР

23 октября 1951 года был арестован и привлечен к уголовной ответственности заключенный **ВАСИЛЬЕВ** Михаил Васильевич по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

Произведенным по делу расследованием установлено:

что заключенный ВАСИЛЬЕВ Михаил Васильевич, отбывая наказание в Исправительно-Трудовой колонии № 2 ОИТК МВД Марийской АССР, 5 октября 1951 года в культурно-воспитательной части колонии, с целью а/с агитации среди заключенных, пытался огласить письмо контрреволюционного содержания, написанное самим же ВАСИЛЬЕВЫМ.

6 октября с/года в 8 часов дня ВАСИЛЬЕВ с к.-р. целью палкой изорвал портрет одного из руководителей коммунистической партии и Советского правительства, который находился в читальном зале культурно-воспитательной части, одновременно среди заключенных клеветал на Советскую власть. По выходу из помещения палкой разбил застекленную витрину на территории зоны. В тот же день на вахте колонии, в присутствии заключенных и вольнонаемных сотрудников ИТК, ВАСИЛЬЕВ клеветал на Советскую власть и одного из руководителей партии и Советского правительства и восхвалял жизнь народов царской России. Кроме того, в кабинете начальника ИТК-2 среди сотрудников колонии ВАСИЛЬЕВ вновь повторял свои а/с выпады, возводил гнусную клевету на Советскую власть и одного из руководителей ВКП(б) и Советского правительства, где в то же время у ВАСИЛЬЕВА было изъято второе письмо а/с содержания, которое он с целью а/с агитации пытался прочитать среди работников колонии.

* * *

21 ноября 1951 года судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Марийской АССР с выездом в гор. Волжск приговорила иеромонаха Митрофана к десяти годам лишения свободы: *«Учитывая, что Васильев М. В. уже трижды осужден по 58-10 части I, предложить Министерству внутренних дел Марийской АССР направить осужденного Васильева для отбывания в спецлагерь МВД СССР».*

* * *

ПРОКУРОРСКИЙ ПРОТЕСТ

от 19 мая 1989 года

в порядке надзора по делу Васильева М. В.
в отношении приговора от 21 ноября 1951 года

Приговор подлежит отмене, т. к. вывод суда о совершении осужденным контрреволюционного преступления не подтвержден доказательствами, его действиям дана неправильная юридическая оценка.

В обоснование обвинения положены личное признание Васильева М. В., хотя ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании он не допрошен ни по одному из эпизодов предъявленного обвинения, а также показания свидетелей...

Они подтвердили в судебном заседании, что видели у Васильева М. В. письмо, которое он пытался передать начальнику колонии и огласил частично его содержание, в их присутствии палкой ударил по портрету Сталина и сломал витрину с газетой «Правда», заявив при этом, что отрекается от Советской власти.

Из анализа содержания приобщенного к делу письма и показаний свидетелей видно, что Васильев М. В. выразил свое негативное отношение к Советской власти, но не призывал окружавших к ее свержению, подрыву или ослаблению. При таких обстоятельствах в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР.

ГЛАВА III

Из рассказов о пастве епископа Гурия

Катакомбная игуменья Евфросиния¹ и ее послушницы

Впервые ее увидели в 1993 году, тогда она еще была инокиней Евникией. В январе она приезжала в Москву с одной из своих прихожанок из Казани, а летом вместе с владыкой Гурием. Небольшого роста, приземистая, лицо отечное. Видела плоховато. Тогда вышел такой забавный случай. Уже в поезде на обратном пути из Москвы матушка Евникия вдруг обратилась к одному из провожавших, с которым встретилась еще в Казани, а потом общалась в течение всего пребывания в Москве: «Яков, да сними шапку-то; что ты все, как татарин, в шапке да в шапке!» А на дворе стояла летняя жара, а у Якова просто была пышная рыжая шевелюра.

Говорила матушка с одышкой — «зоб ее душил». Но голос у нее был сильный, твердый и властный.

¹ Игуменья Евфросиния, в миру Елизавета Махрова, родилась в 1919. В 1956–1957 — приняла иноческий постриг с именем Евникия. В 1997 — пострижена в мантию с именем Евфросиния и возведена в игуменьи. В 2003 — скончалась.

Она много лет была старшей у своих монахинь и катакомбной паствы Казани и окрестностей. А эта катакомбная паства была в свое время немалая. Набирались целые сумки исповедей, которые инокиня Евникия и другие монашествующие отвозили катакомбным священникам, от которых, в свою очередь, привозили Запасные Святые Дары для причащения верующих.

В октябре 1993 года впервые удалось побывать в катакомбном монастыре ее подопечных в Васильево, где в течение многих лет они собирались на службы. Крохотная избушка, прилепившаяся почти у самой воды заболоченного пруда. Холодные сенцы и две комнатухи с низким потолком и маленькими оконцами, к которым было не подобраться из-за поросшей ряской воды. Летом они мало давали воздуха, и во время богослужений избушка превращалась в самую настоящую парилку, дышать было в буквальном смысле слова нечем.

Жили здесь три старушки, послушницы Анна, Антонина и Лидия. Еще в начале 1960-х они оставили мир и стали подвизаться в монашеском делании. Они получили благословение у катакомбного священника отца Амвросия (Капинуса) и, так же как и матушка Евникия, сначала окормлялись у него, потом у отца Никиты (Лехана) и отца Михаила (Рождественского). Катакомбные игуменьи Агния и Вера были у них наставницами. Этот домик и был куплен матушкой Агнией на имя послушницы Анны. До тех пор они скитались по людям и не имели жилья. Сначала с ними еще жила монахиня Марионилла, которую матушка Агния назначила старшей.

После кончины монахини Мариониллы старшей стала инокиня Евникия. У нее в послушании также была инокиня Ксения, которая жила в соседнем Зеленодольске. Все они не получали пенсии, не имели паспортов. Жили буквально милостью Божией. Были у

них и маленькие огородики, но главное их делание было молитвенное, а в остальном, вероятно, им помогали верующие. Помогали также дети Лидии, две дочери и сын. Несмотря на то что она, как и Антонина, оставила семью, они не только не хранили какой-то обиды на мать, но с большой любовью и уважением относились к ней и также принимали участие в тайных богослужениях в их катакомбной обители.

Хотя все три насельницы этой обители исполняли иноческое правило, они до глубокой старости так и оставались послушницами. Только Лидию удалось уговорить принять иноческий постриг в 1997 году, а Анна и Антонина — ни в какую. Считали себя недостойными монашеского звания, так и представились послушницами: Анна — в 1996-м, Антонина — в 2000-м. Они были тихими, почти незаметными, говорили мало. Маленькие бабулечки, Антонина совсем согнутая, буквально пополам. Но глаза, ее глаза за огромными стеклами очков были так выразительны, исполненные доброты и кротости!

Лидия, тоже мягкая и добрая старушка, была, напротив, очень словоохотлива, радостно встречала, с участием расспрашивала обо всем и обо всех и сама готова была обо всем рассказывать, так что мать Евникия ее порой резко останавливала. Вообще Евникия довольно строго с ними обращалась, а они, как истинные послушницы, воспринимали ее замечания и укоризны со смирением. Они были такими разными и в то же время так дополняли друг друга и, наверное, были необходимы друг другу на пути спасения. Лидия — восторженная и трепетная, склонная видеть во всем знамения, и, напротив, спокойная, несколько даже приземленная, но здравомыслящая и рассудительная мать Евникия.

Вспоминается наша встреча с ними осенью 1995 года. Мы тогда приехали к ним с одной молодой американской паломницей Софией, которая мечтала

увидеть владыку Гурия и его паству. После встречи с владыкой и с его чувашскими духовными чадами она увидела матушку Евникию и ее послушниц. Встречи произвели такое впечатление на эту американку, что она решила оставить мир и по своем возвращении поступила в греческий монастырь в Бостоне. И мысль об этом пришла к ней впервые именно в катакомбном монастыре матушки Евникии. Не понимая ни слова по-русски, София только глотала слезы и держала за руки Лидию, которая также со слезами что-то ей проникновенно говорила. А потом София попросила нас не отказать исполнить самое заветное желание ее жизни — перевести ее вопрос матушке Евникии: «Можно ли ей спросить мать Серафиму о возможности поступления в монастырь?» Она с трепетом ждала ответа, а мать Евникия, несколько не удивившись вопросу, без всякого пафоса и каких-либо наставлений спокойно ответила: «Отчего же не спросить? За спрос денег не берут...»

Через три месяца, в январе 1996 года, мы приехали к матушке Евникии после кончины владыки Гурия, торопясь сообщить ей об этом. В Васильево мы оказались вечером и тщетно пытались дождаться хоть какой-нибудь машины. Жизнь в поселке зимой замирает рано. Автобус уже не ходил, и пришлось идти пешком, но до другого конца поселка по заснеженной дороге мы добрались бы только к середине ночи. Одна-единственная машина, которую мы наконец увидели и остановили, оказалась... милицейской. Так вчетвером мы втиснулись на заднее сиденье и были доставлены до катакомбной келии матушки приветливыми милиционерами. О чем, конечно, ей рассказывать не стали...

Беседа с инокиней Евникией²

Татария, станция Васильево. Большой поселок, здесь есть и промышленные предприятия, и городские дома, санаторий в сосновом бору, действующий храм на берегу Волги. Доезжаем на единственном автобусе до конечной остановки. Далее пробираемся по сугробам и бредем по пустой деревенской улице. У колодца сворачиваем к одному из просторных деревянных домов, открываем калитку и по узкой тропке вдоль сетки пробираемся на задворки к матушкиной хибарке. Это бывшая банька, в которой хозяева позволили матушке и ее покойной маме устроить себе жилище. Посредине — жарко натопленная небольшая русская печка. По одну ее сторону маленькая комнатка — молельная со множеством икон, лампадкой. По другую — еще меньшая комната. Это кухня и спальня матушки, где едва умецаются ее кровать, небольшой стол и три табуретки, на которых мы и сидим. В углу иконы с лампадкой, на стене фотографии катакомбных батюшек — отца Амвросия и отца Никиты. Матушка старательно нас угощает. Достает откуда-то варенье, мед, вкусные плюшки. Мы начинаем задавать вопросы, с тем чтобы записать на диктофон. Она отвечает неохотно. Уговариваем ее, ссылаясь на просьбу игуменьи Серафимы из греческого монастыря.

- Матушка, как вы встали на этот путь?
- Так ведь мы сроду христиане, как ты думаешь...
- Вас крестили, когда вы родились?
- Маленькую, маленькую меня крестили. Как раз крестили на родительскую, на Казанскую. Назвали Елизаветой.
- В каком году?
- Я 1919 года, вот в 1919-м и крестили. 22 октября на Казанскую Божию Матерь.

² Запись беседы 8/21 февраля 1997 года.

- А в детстве вы в церковь ходили?
- Ходили.
- А где?
- Ну, это далеко... Кайбицкий район.
- Какой?
- Кайбицкий.
- А область какая?
- Татария.
- Район? Кай...
- Кайбицы, Кайбицы. Это вот тут ты пишешь? — спрашивает матушка и указывает на диктофон.
- Да.
- Ты гляди, что делается-то! Не буду больше говорить.
- Ну, не говорите... Вот, матушка, а потом вы ходили в открытые церкви? Или как?
- Ну, тогда еще ходили... Закрыли ведь церковь в войну только.
- Это в селе у вас было?
- В селе... Семикеево.
- А район какой?
- Кайбицкий.
- Кайбицкий? А что это такое? Город такой?
- Татария — *говорит матушка твердо и раздельно*, — район был в Татарии³. Ну, вот, церковь закрыли во время войны.
- И что потом? Вы дома молились? — *Пододвигаю диктофон.*
- Уйди ты, — *машет она рукой и отодвигается.*
- Не бойтесь, он не кусается. Итак, вы жили с мамой?
- Не буду, не буду... — *бормочет. Я смеюсь и говорю:*
- Послушание. Матушка Серафима просила записать. Ничего не могу поделаться. Жили вы с мамой?
- Мама у меня тогда выходила за другого. Были у ней дети. Я с ними водилась. Потом братишка был, взяли на войну и убили. Отчим умер. А мой отец умер еще в ту войну. Его убили тоже. Родного отца я не знала. Жила с неродным. Жила плохо, конечно, обижал он меня. Так вот и жили. В

³ Кайбицкий район, на востоке Татарии граничит с Чувашией, районный центр поселок Большие Кайбицы.

церковь и после войны я ходила. После войны ее открыли, и я ходила.

— Какая церковь?

— Церковь вот в Гарях. Гари.

— То есть это была церковь Московской патриархии. Вы ничего не знали о катакомбах?

— Да, да, ничего не знали и не понимали.

— А как же вы ушли?

— В церковь я приходила на покаяние. А потом, когда узнали... С подругой я ходила. Подруга у меня Анна была. Мы с ней и ходили. Нам все говорили, что в эту церковь, которую после войны открыли, ходить нельзя. Мы все ходили кругом, добивались, ходили по болящим, которые знали. Мы ходили и у них допытывались, можно или нельзя ходить. Но все же ходили в церковь. Поп у нас был старый, старинный еще. Он нас уважал. Потом, когда умер Сталин, его начали отпевать... Вот тут-то мы и поняли... Когда мы услышали, что ему служили погребение, мы с того времени... Мы разрубили и больше не стали ходить.

А поп нас вызывал и спрашивал, почему Анна с Елизаветой перестали ходить. Потом мы стали понимать, что там в церквях молятся о властях и воинстве. Как же? Власти безбожники. Воинство какое? Ну вот, когда он нас вызвал, мы к нему пришли на квартиру в дом и ему там сказали. Но он нам ответил, что пока еще можно... Мы ему говорим, как же можно, ведь возглас так и так даете. А он говорит, я вроде не упираю на это, я только о воинстве, а о властях вроде и не упоминаю... Мы ему: как же, поминаешь... И все, зарубили и больше не стали ходить. А все равно было жалко. Ходили, проверяли еще, можно или нет. Без церкви-то как? А уж потом стали искать тайных священников.

— А как вы узнали, что они вообще существуют? Кто-то сказал об этом?

— Конечно, ведь они были скрытые. Кто у нас первый священник? Он дома служил в деревне. Стали к нему ходить. А корни откуда? Мы тогда еще не понимали...

— Как его звали?

— Иван. Долго мы так ходили, пока мне не сказали, что надо узнать, кем он рукоположен. Он мне сказал, вот такой-то отец Серафим.

— Владыка Серафим?

— Не знаю. Только когда я его спросила, он сказал, что тот его не в священники, а в диаконы рукоположил. Я говорю: а как же вы служите священником? Он говорит: что ж, священников-то нет. Ну, мы и бросили. Стали искать еще.

Вот сидела монашка в тюрьме, а брат ее жил возле нас. Он пришел как-то к нам и говорит: «Тетя Оля⁴, вот у меня сестра приехала и ищет, где таких верующих найти. Она из тюрьмы пришла. Сидела за голосование. Голосовать не ходила, ее и забрали. Теперь она освободилась и вот пришла». Мама говорит: «Пусть придет, нам тоже хочется поговорить с ней». Вот эта монашка пришла к нам. Мы с ней долго беседовали. Потом еще раз пришла, опять пришла. Потом мы от нее добились — она сказала, что есть у них священник, отец Амвросий, иеросхимонах. Мы стали к ней приставать, как к нему попасть. А он жил там, не доезжая Воронежа, Поворино, по московской ветке. Вы, наверное, тоже проезжаете?

— Нет.

— По-моему, проезжают, когда на Москву едут. Вот, девки, какая я стала, и дорогу забыла... Сколько ездила...

Ну вот, мы попросили, и она сказала: «Поеду и спрошу, разрешит он или нет». Ведь он тайный был. Мы ждали ее, конечно, ждали долго. Она письмо прислала или сама приехала... «Готовьтесь». Это было в 55-м году. Она сказала нам, когда поедем, чтобы дали телеграмму. Дала нам адрес, чтобы нас встретили. Мы дали телеграмму и поехали. Я и еще один старик. Они нас встретили в Поворино. Отец Амвросий жил у одного монаха, отца Мелентия. Встретила нас старушка, а они сидели в саду в Поворино. Мы в сад прошли. Я к нему не подошла, только кланяюсь. Втихую ведь, все украдкой. Это сейчас же вольно...

Должна была прийти электричка, и мы поехали. Они впереди, а мы за ними. Доехали до Камыка. Они пошли на квартиру к одной монашке, а мы к другой. За нами приехала молодежь, ребята, и повезли на лошади. Когда стемнело, поехали. Они этих стариков, батюшку Амвросия и этого старика, который приехал со мною, положили на телегу и накрыли. Доехали до села. Забыла какое, кажется, Варварин-

⁴ Мать инокини Евникии.

ка. Они вот там всю ночь молились в одном доме, батюшка Амвросий, отец Мелентий и ребята, пять человек. Вот с тех пор мы и стали ездить к отцу Амвросию. Потом он умер, скончался. Пришлось искать другого. Искали уже монашки. Нашли отца Феодора. Он был простой иерей. Я у него не была. Он приезжал в Воронеж и там служил.

— А кто Вас постриг?

— Отец Амвросий. Наверное, через год после того, как мы с ним познакомились, году в 56-м или 57-м. Тайно постриг. В 58-м году мы сгорели. Я уже была монашка. Весь поселок сгорел и наша избушка. Жили мы с мамой. Мама тоже приняла пострижение. Олимпиада имя, инокиня. У нас много было инокинь, а монашка была всего одна, она была еще в монастыре за Свяжском. Когда она умерла, то мне поручили Дары Святые возить и причащать людей. Батюшка Амвросий меня благословил на это.

— У вас не было игуменьи?

— Как не было? Была в Воронеже матушка Агния. Схимонахиня, игуменья. Когда принимали пострижение, так она и была. Она была игуменьей у нас. Но она далеко была, и батюшка Амвросий рукоположил для нас монахиню Веру.

— Вы к ней за советами духовными ездили?

— Да, ездили, бывало. Как пост, так и едем.

— Исповедовались вы ей или отцу Амвросию?

— Она покаяния не принимала. Спрашивали, как, что делать, как жить и все прочее.

— Схимонахиня Агния постриг еще до революции приняла?

— Да, она старая монашка. А вот матушка Вера уже от отца Амвросия постриг приняла. Она была мантийная монахиня, а потом и схиму приняла. Да, много было монахинь и духовных ребят у отца Амвросия.

— После отца Феодора у кого вы были?

— У отца Никиты в Харькове. Он жил у людей после тюрьмы. Его посадили в тюрьму, присудили к расстрелу или предложили сесть в одиночку на много дней. В столп такой сесть, только чуть-чуть присесть места было, а то все стоять. Холодный столп. И вот он там просидел. Открыли столп, думали, что он умер, а он живой, но как мертвец упал. Его подняли. Начальники назвали его «молодцом» и выпустили. У

него были дети и жена. Дети в миру были, наряжались и все такое прочее... Он сказал своей матушке: «Будем жить для детей или для Бога?» Она сказала, что детей не бросит. Он ушел из дома, и его приютили добрые люди. Больше двадцати лет он там прожил. Отец Амвросий умер в 1966 году, потом отец Феодор недолго, потом отец Никита. Сколько к нему ездили, не помню. Потом после отца Никиты монашки нашли отца Михаила.

— Это не Михаил ли Рождественский?

— Не знаю. Ни одного священника фамилии не знаю. Где он жил, тоже не знаю. Я у него лично не была. Наши монашки возили ему покаяние. А Святые Дары у нас были еще после отца Амвросия. Отец Никита умер давно. Помню, вот он умер накануне Св. Екатерины, а какой год, не знаю. А вот батюшка Амвросий умер на Покров. Мы ему память всегда совершаем на Покров. Он на Покров отслужил всенощную и говорит своей прислужнице: «Митродора, мне плохо. Плохо, плохо...» — и через два часа умер. Вызвали врача. Тот проверил и говорит: «Ох, какой! Это не человек, это обыкновенный ангел».

— А почему он так сказал?

— Он такой был, как сказать. Похож... Не знаю, почему он так его назвал.

— А как он выглядел?

— Высокий был, белый, поседел же. Худощавый, высокий. Как взглянет, он человека сразу видел. Как глянет, так... Батюшки, батюшки... А вот отец Никита умер накануне Св. Екатерины. Матушка Вера умерла не больно давно, а вот не помню когда. Еще остались монашки, живы.

— Где они сейчас?

— У этого, как его, у Евфимия из Зарубежной Церкви. Он мальчишка, я его видала. Они, вишь как, прислали мне письмо, меня уговаривали: «Матушка, как же, все монашки соединились, а Вы там одна. Почему Вы не с нами? Приезжайте». Такое письмо мне прислали. Телеграмму мне два раза давали. Я встречалась с Евфимием, он приезжал в Чувашию.

— Давно это было? После владыки Гурия?

— После, после... ну, поехала, посмотрела... Вот и сейчас мне письмо прислали: почему не пишешь? Это все Харьков. Там много монашек, старых. В Воронеже — Маргарита. Вот

она всех опять собрала. И этот Евфимий живет опять у ней. Но он обещал приехать сюда. Взял адрес и телефон у нашенских. А я ему ни слова, ни полслова, чтобы они отстали от нас.

— Матушка, когда отец Никита и отец Михаил умерли, вы вскоре нашли владыку Гурия? Или какое-то время были вообще одни?

— Ой, погоди... Ага, после отца Никиты стали искать. Вот я к этой матушке Маргарите поехала. Она тоже была игуменьей, ей передала это матушка Вера. Я к ней ездила. Она мне и говорит: «Матушка Евникия, старайтесь, старайтесь к Гурию попасть».

— Они уже знали о нем?

— Знали, знали. Чувашские ездили к нему, и одна чувашка ездила к матушке Маргарите и рассказала, так и так, что есть отец Гурий. Вот матушка мне и сказала. Я и старалась. К нему ведь тоже еле-еле попала. Как я его искала! Ведь никак не допускают. Потом уж попала в Чебоксарах. Там он приехал к одним. А я им наказала, где он будет, вы приезжайте ко мне и скажите. Приехал за мной парень. Тут же с ним поехала и вот встретила с отцом Гурием. Подошла под благословение.

— Это в каком году было?

— Да в каком году, что я, помню, что ли? — *всплескивает руками матушка.*

— Ну, примерно. Вот он в 1991 году стал епископом. Вы знали его до этого?

— Он ведь иеромонахом был, когда мы к нему подошли. Потом он ведь поехал в этот... в Америку. Ну, до этого, наверное, больше года мы его знали. Раньше нельзя было к нему попасть. Он говорил: вы приезжайте в Казань к Екатерине, я там у нее буду. Он туда приезжал...

— А Лидия и Антонина послушницы? Когда вы с ними познакомились?

— Это еще когда я об отце Амвросии узнала. Они тоже бродили то к одному, то к другому священнику. А потом, как я нашла отца Амвросия, и они поехали к нему.

— А где он был иеромонахом, в монастыре?

— Не знаю, у меня тогда не было того, чтобы его о чем спросить. Это вот теперь вам чего надо спросить... Прости меня, это я так, — *добавляет она виновато.*

— Ничего, ничего. А кто был у него епископ? Кого он поминал?

— Я знаю, что у него был архимандрит Иларион, и он к нему ездил. Когда отец Иларион помирал, он его призвал и на него это поручение возложил⁵.

— А как отец Амвросий попал в тюрьму?

— Отказался служить в церкви, раньше служил... Я вот когда была у отца Амвросия, он рассказывал нам: все священство собрали. До 1928 года служили. В 1928 году их всех собрали, все духовенство. И вот теперь предложили, кто будет служить в церкви, то дайте подпись, а кто не будет, отходите в сторону. Когда мы отошли в сторону, тех, кто дали подпись, оставили, а нас посадили в черный ворон и увезли. Много тогда священников погибло... Да-а-а... А больше я ничего не знаю. Матушка Серафима, прости Христа ради, — *заключает матушка Евникия, обратившись к диктофону.*

* * *

Матушка Евникия с игуменьей Серафимой впервые встретилась в Казани в 1993 году, потом игуменья Серафима с тремя монахинями из своего монастыря приезжала к ней летом 1996 года. Трогательная встреча. Только матушка тогда все переживала, что люди увидят монашествующих в облачениях и потом будут разговоры. По привычке она, как и все катакомбники, продолжала таиться и сохранять катакомбный уклад жизни. Облачалась в монашеское лишь на службах, а так носила мирскую одежду. Примечательно, что и окружающие люди не имели никакого понятия о монашеских облачениях. В соседнем Волжске довольно пожилые женщины у подъезда удивленно разглядывая монахинь в облачениях, все гадали, кто это может быть, и наконец заключили: «А, это гражданская оборона...»

⁵ Какое, матушка не говорит точно, но, очевидно, церковное управление в целом и поиски архиереев.

Потом были трагикомичные поиски заветного ключика — святого источника у Седмиезерной пустыни. Водитель был неместный и не знал, как туда добраться. А катакомбные матушки, бывавшие там пешком, не имели никакого понятия, как подъехать туда на машине. Мы безуспешно колесили по округе. «Уж больно хочется к ключику», — вздыхала упорная мать Евникия. Дело кончилось тем, что при очередном развороте в каких-то закоулках мы влетели колесом в яму. Благо скорость была минимальная и все лишь набили синяки и ссадины, и только сидящая на переднем сиденье монахиня разбила головой лобовое стекло, набив себе здоровенную шишку на макушке. Но на самом деле и она отделалась легко — в момент удара, от которого, кстати, пошла трещина по всему стеклу, она сидела, наклонив голову, так как что-то искала в сумке, и тем самым спасла лицо, очки и т. д.

На следующий год, летом 1997-го, мать Евникия все же осуществила свое желание и на заказанном местном автобусе после службы повезла всех, в том числе и американское духовенство греческой церкви (епископа, архидиакона, священников). На этот раз водитель прекрасно знал дорогу и после Раифской пустыни повез прямо к источнику. Но что это была за дорога!!! Прямо по полю и лесу. Автобус шел как вездеход, но подпрыгивал на кочках, вытрясая все внутренности пассажиров. И если привычные к нашим дорогам и трудностям катакомбные бабульки переносили все стоически, предвкушая благословение у святого источника, то американское духовенство сначала было удивлено, потом после падения архидиакона на пол на очередной кочке возмущено и, наконец, не на шутку испугано, когда на пути предстала огромная лужа, своими размерами более напоминавшая приличный пруд.

Однако что-либо сделать или остановить автобус никто не успел, так как водитель-«каскадер», не снижая скорости, повел автобус прямо в середину лужи,

громко объявив при этом скрипучим голосом: «Держитесь покрепче за сиденья!»! Автобус взревел как танк и, накренившись на бок, почти на двух колесах преодолел лужу. Дальше он покатил по мягкому лугу и остановился в ложбине под горой, откуда и бил ключик. Бабульки с радостью побежали к святой воде, а мы с ужасом думали, как мы будем возвращаться и как выбираться из грязи в совершенно пустынной местности, если автобус застрянет или, чего доброго, завалится в глубокую лужу. К счастью, все обошлось благополучно, и в дальнейшем мы со смехом вспоминали это приключение.

Последние годы матушка сильно болела, но службы неукоснительно совершала со своей паствой по воскресным и праздничным дням в монастыре. В своей же келье она вычитывала правило и все сокрушалась, что очень плохо видит, за службы ей приходилось вычитывать по четкам Иисусову молитву. Умерла матушка 26 апреля 2003 года вечером в Великую субботу, буквально накануне Пасхи. Похоронили ее с пением Пасхального канона на Васильевском кладбище в одной оградке с могилкой прежде усопших ее послушниц Анны и Антонины.

Инокния Ксения Л.

Матушка Ксения, в миру Клавдия Семеновна Л., родилась в 1921 году в селе Петропавловка Салтыковского района Пензенской (ныне Саратовской) области, недалеко от станции Ртищево. Ее родители, Евдокия и Симеон, — простые благочестивые крестьяне. Трудились в поте лица. Выращивали все, вплоть до арбузов и дынь. Детей — а их было семь человек — воспитывали в строгости. Никаких капризов: «Не хочу, не буду». Беспрекословное послушание родителям. Дети с первого слова слушались и исполняли все, что велели им. Во

время трапезы все садились за общий стол, ели в полной тишине. После года, едва младенцы начинали ходить, они постились со всеми, никакого послабления, молока и т. п. не допускалось.

Неукоснительно посещали все воскресные и праздничные богослужения. В храме детей приучали стоять на молитве благоговейно, не шелохнувшись. Как-то маленькая Клавдия, зайдя в храм, подняла голову и засмотрелась на изображение Христа Пантократора в куполе. И вдруг чувствует, как сзади на голову ложится сильная рука и нагибает вниз: «На службе нужно стоять вот так, опустив очи долу...» Бабушка Клавдии, мать ее матери, Екатерина, сама знала о своей кончине, подготовилась заранее. Как рассказывали, в день кончины помылась, оделась во все чистое и легла под иконы на лавку, сказав своей матери, что умрет. «Да ты что, Катька!» — воскликнула та. Но так и произошло, тихо предала душу Богу.

Сестра матери Елена заснула летаргическим сном на неделю. Муж утром не добудился, позже послал дочку: «Буди мать, что это она вздумала спать?» Та вернулась с плачем: «Тятка, мамка умерла». Позвали доктора, тот слушал, слушал, никаких признаков жизни. На следующий день послали за другим доктором. Тот тоже слушал и зеркало подносил, но ни дыхания, никаких признаков жизни не обнаружил. Но и тления не было, она оставалась мягкой. Посоветовал ждать, не хоронить. Прошла почти целая неделя. Съехались родственники, не знали, что делать. Елена лежала на столе, подготовленная к погребению, прикрытая материей. Пришла в себя, попыталась стянуть с себя материю, руки ослабли. Женщины, видевшие шевеление, думали, не котенок ли залез, потом в ужасе выбежали из комнаты. И муж, и все остальные тоже. Елена спрашивала: «Долго ли я спала?» О том, что она видела, никому не рассказывала, только призывала: «Молитесь, молитесь и молитесь». Она ушла из дома и стала странни-

цей. Людей было много еще добрых и верующих. Ночевала у таких, так и странничала до самой смерти. К ним в дом тоже приходили странники. Отец был певчим и после службы в храме приглашал их на обед.

«Вот страннички к нам потом и ходили, и мама всегда их радушно принимала. Они рассказывали, что наступит такое время, когда царя снимут, на престол царский сядет антихрист и будут люди жить невенчанными, дети будут некрещеными и умершие непогребенными. Мама удивлялась: как это так? “Вот так и так — священство будет неверное. Пока сейчас батюшки истинные, ты от них возьми святой водички, просфоры и береги их. На то время они тебе пригодятся. Потом причащаться негде будет, а вот крошечка просфоры — эта святыня тебя будет спасать. Придет такое время, все посохнет, все пожжется. Ни травы не будет, ничего. Все будут бегать искать воды. И будут горы золота. Пойдут туда, а там золото. А пить нечего будет. И вот капельку водички положишь на язык, и Господь жажду утолит. И голод будет такой, и крошечку просфоры положишь, и голод утолится”.

Мама все удивлялась. Потом, когда пришло это время, все исполнилось. Еще странники говорили, что когда Сергия будут поминать, нельзя будет причащаться в храмах. Она спрашивала, а как узнать. Они говорили: “Ты слушай, на Великом входе, когда Сергия будут поминать, тогда нельзя”. Она все прислушивалась. Когда в 1929 году услышала, то перестала ходить в церковь».

Отец Клавдии отказывался участвовать в коллективизации. Его назначили уполномоченным в комиссию, но он сказал: «Что хотите делайте, я на это не пойду». Его арестовали и посадили. Выпустили, через некоторое время опять назначили в комиссию по раскулачиванию, он отказался, и его опять посадили. Потом опять выпустили, он вернулся домой, но был совсем болен и умер в 1932 году.

Семья бедствовала. Помогали выживать родственники из города. Привозили хлеб. «Буханки большие

были, — вспоминает матушка, — караваи, прямо с колесо. Летом травы принесут, суп сварят, щавеля, еще какой травы. Лебеду посушат и толкут семечко. Оно как манка. Мама пожарит в печке, в ступке толчет и кашу сварит. И как вкусно!» Мать все время таскали в сельсовет и требовали, чтобы она вступила в колхоз. Она отказывалась. Ее опять вызывали и подолгу держали, говоря, что она подает дурной пример и из-за нее многие не вступают в колхоз.

«Как-то только она вернулась и печь не успела растопить. А мы, дети, замерзли, голодные сидим, плачем. А ее опять вызывают — из области приехал кто-то. Стал ее спрашивать:

— Почему в колхоз не вступаете?

— Антихриста боюсь.

— А какой антихрист, с хвостом, с рогами?

— Вот как вы говорите, такой он и есть.

— Знаешь, моя хорошая, ты пожалей своих детей. Если ты не пойдешь в колхоз, мы тебя посадим в тюрьму или вот в прорубь опустим и ледяной столб из тебя сделаем.

— Что хотите делайте, но в колхоз я не пойду, как хотите.

Потом он говорит:

— Один исход — отправляйся из этой деревни. Глядя на тебя, никто в колхоз не идет.

И действительно, на собрание соберутся, а все смотрят на маму, как она. Председатель говорит: “Поднимите руки, кто против советской власти?” А мама: “Почему вы такой вопрос задаете, речь ведь не об этом идет”.

Председатель: “Чего вы боитесь идти в колхоз? Мы будем брать от каждого по возможности, а давать будем по потребности”.

Вот и давали по потребности — палочку! Как малых детей обдуривали.

“Мы будем у руля правления!” А мама: “А кто землю будет обрабатывать, если все будут у руля правления?”

“Все будет общее, нам, что надо будет, будем брать”. Вот и “брали”. Работаешь, работаешь, а тебе палочку поставят!

Картошку с огорода — вот столько-то им отдай, с овечки шерсти — отдай, с курочки яичек — отдай, с коровушки мо-

лока и масла — отдай. Это что, по возможности? Колхозники стали песни складывать: “Две колхозницы плясали за кусочек пирога...”; “Когда был царь Николаша, на столе была каша, а как встал Ленин, на столе появился сопливый мерин”.

Лошади умирали, за ними плохо ухаживали. Колхозники голодные, за мясом прямо в драку. Сколько скота умерло, когда скотину отбирали в колхоз. Пришли к нам во двор. Ворота только открыли, корова заревела, лошадь закричала, овечки заблеяли. Слезы у них идут. Мы вышли, все плачем, а они не идут со двора. Их бьют. Мама говорит: “Вы чего их бьете? Они что, виноваты?” Мы подойдем к коровке, гладим. Она лижет, и слезы у нее. У лошадки слезы крупные такие. Всё понимали. А угнали их туда, ни корма, ничего не было. Они умирали с голода. Умерших мясо все и драли, и коров, и лошадей. Принесут домой да едят. Даже кожу сдирали, опалют ее, варят и едят.

Отوبرали все и еще постоянно издевались. Председатель специально посылал к тем, кто не вступал в колхоз, таких людей. Мама блины печет, а мы на улице играем с сестренкой, как увидим, что они по домам ходят, проверяют, мы к маме: “Мама, мама, власть идет!” Она мигом квашню в огороде в крапиву поставит, блины спрячет. А они, если найдут, все с навозом перемешают. Так к одним пришли, все тесто прямо на дорогу вывалили и с землей перемешали. Поесть не давали. Даже то, что нам приносили из города, отнимали. Как-то пришли, а мы, дети, спали на дорожках (это все, что у нас осталось, на них солому настелили и на этих дорожках спали). Так они нас с этих дорожек как подкинут, извините за выражение, “как г... с лопаты”. Так озорничали. Тайка (племянница) совсем маленькая была, как заорала от испуга и долго орала, не переставая, мы думали, она умом тронулась. Она с тех пор такая нервная на всю жизнь и осталась. Нервотрепка постоянная. Папу посадили, маму по правлениям гоняли, мы плакали, просили Бога, чтобы Он нам ее сохранил. У меня с детства склероз был. Не могла наизусть ничего выучить. Нам стихотворение зададут, я всю ночь сижу, учу, плачу, и ничего не получается.

В школе, когда еще в деревне были, в некоторых классах заставляли снимать кресты и на них плясать. Мама сказала нам: не давайте снимать кресты. Мы не давали, нас при-

тесняли. Потом уже в городе заставляли в октябрята и в пионеры вступать. Покоя не давали. Маму вызывали. Учительница: “Почему вы своих детей так воспитываете? Они у вас какие-то дикие. Вон смотрите, все дети радостные, а ваша девочка печальная”. Еще бы не быть печальной! Они меня так все донимали. А мама сказала: “Только запишись, я от тебя откажусь, ты мне тогда будешь не дочь, а я тебе не мать”».

Из села пришлось уехать, всё бросив. Сначала старшие братья Иван и Григорий поехали. По дороге старались разузнать, где можно устроиться. Ведь у них не было никаких документов. Услыхали, что в Зеленодольске открывается завод и там требуются рабочие и берут без справок. Потом поехал к ним и брат Василий.

«Они нам деньги на дорогу прислали. Вот мы и поехали с мамой, сестрами, племянницей. Уезжали ночью, а то бы воротили. Шли по снегу по колено. Метель, мы замерзли, на вокзале холодища. Долго ждали поезд и волновались — хоть бы до утра уехать. А то, если нас увидят, воротят назад. Ничего с собой не взяли, только что на нас было. С мамой вышли из дома, перекрестились на все четыре стороны, заплакали и пошли.

В Зеленодольске жили все у сестры. Ей с мужем дали комнату. Вот нас десять человек в одной комнате. Постелить нечего. На шубках спали, а валенки под головами. Потом уже на работу поступили. Денег мало платили. Продукты дорогие. Это 1932—1933 годы».

Клавдия с сестрой стали ходить в школу и подрабатывать на кирпичном заводе. Вдвоем еле-еле поднимали форму с глиной и изготавливали кирпич. Деньги, полученные в конце дня за сделанные кирпичи, зажав в ручонках, несли радостно маме: «Мама, вот денежки!» Мама говорила, вот это вам на платице, на конфеты.

Клавдия окончила семь классов и пошла работать на завод. Без отрыва от производства обучалась на курсах медицинских сестер. Во время Второй мировой войны ее мобилизовали и отправили на фронт. Она ра-

ботала в госпитале, была на 2-м Белорусском фронте. Госпиталь попал на полтора месяца в окружение. Все запасы кончились, выдавали в день по маленькому сухарику. Клавдию, которой едва исполнилось двадцать лет, подкармливала одна старушка. Страшно было. Постоянные бомбежки. Однажды Клавдию застала бомбежка на улице. Бомбы падали вокруг. Она только молилась Господу. Тогда и дала обет, что если останется живой, то станет монахиней. Позднее, как она вспоминала, катакомбные отцы осуждали служение в Советской армии и участие на ее стороне в войне как защиту антихристовой власти. После войны Клавдия работала в доме ребенка.

«Топили плохо. Выше 15 градусов температура не поднималась. Пеленок не хватало. На первом этаже — ясли, на втором — дом ребенка. В яслях верующие родители надевали на детей кресты. Воспитатели мне говорят, а я им: “Пускай надевают. Я старшая сестра, мне отвечать”. Из Москвы приехала врачебная комиссия. Заходит комиссия в ясли, а дети, как специально, крестики подняли. Но ничего — никакого замечания мне сделано не было.

Пошли на второй этаж. Я им говорю: “А посмотрите, какие у нас условия, и белье все рваное”. Я потом и в горздрав ходила: “Как же мы за детьми можем нормально ухаживать. Нам их доверили, они же безродные, у них ни папы, ни мамы, мы им должны все условия создать, а тут что делается?” У меня на этом конфликт с заведующей. Смотрю, никакого толку, что я хожу. И ушла я работать на завод».

В 1949 году Клавдия сильно покалечилась. Накануне во сне ей как будто говорят: «Вы работать больше не будете».

«Потом вижу покойную сестру, которая выходит из какого-то дома с юношей и обращается ко мне: “Ты зачем пришла? Вернись”. Иду назад, дохожу до перекрестка, не знаю, куда пойти. Вдруг подходит старушка в черном, с посохом, я спрашиваю, где здесь гостиница, она указывает. Я

иду и вижу здание, а на нем надпись: “Приемный покой”. Странно, а где же гостиница? И на этом проснулась. Мама меня будит: “Опаздываешь на работу”.

Целый день на работе не нахожу себе места, сердце плачет, просто разрывается. Ничего не могу делать. С каким-то поручением меня начальник посылает на территорию завода, и на обратном пути я сажусь в кабину грузовой машины, чтобы доехать до гаража. И вот на переезде нас сбивает поезд. Водитель выпрыгнул в одну сторону, я в другую, но машина на меня, и восемь метров тащило. Кровь фонтаном из ног, гравия в раны набилось...

В больницу привезли, врачей собрали. Главный хирург сказал: “Жива не будет”. Я была в сознании. На операционный стол, общий наркоз, четыре часа операция. Родственникам сказали: “Приготовьтесь к смерти. Она через двадцать минут кончится”. В палату привезли, на мне креста нет, у меня он был приколот к сорочке, а в операционной с меня все сняли. В палату привезли, моя сестра свой крест на меня надела.

Полгода лежала, ноги ничего не чувствовали. В больнице холодища. Я стала проситься домой. А раны открытые, никак не зарастают. Как делать перевязки? Но я замерзала: “Везите меня домой!” Привезли меня домой... Я давай плакать: “Господи, дай мне ноги! За мной некому ухаживать”. Мама больная уже была. И так я все молюсь и молюсь. Начали пальчики шевелиться. Делали массаж, уколы. Через день возили на перевязки. Стала потихоньку двигаться. Потом на костыли встала, а потом уже и с палочкой ходила. Пошла на работу. До 1954 года работала. В Пятигорск съездила в санаторий, не только ноги, но и сердце и печень лечила, их тоже машиной передавило».

В санатории послали Клавдию на сеанс гипноза. Гипнотизер с ней долго промучился, но ничего не мог сделать. Сердито ей сказал, что ей уже ничего не поможет. Оказывается, Клавдия по привычке начала читать про себя «Живый в помощи Вышнего». Вероятно, это и мешало гипнотизеру. А женщина, которая была на сеансе перед Клавдией, рассказывала, что она пережила ужасное состояние, как будто в ад спускалась.

Как-то уже спустя много лет приезжала к матушке родственница с «палочками». Она окончила какие-то курсы экстрасенсов. У матушки по квартире все ходила по углам с «палочками». Утром матушка проснулась, а эта женщина стоит над ней со своими палочками и водит над ногами, видимо, хотела «вылечить». Но ничего у нее не получалось. Она сказала, что не может здесь больше находиться, что Ксения — колдунья. А матушка во время пребывания в ее квартире этой женщины все время усиленно молилась и старательно все крестила.

После санатория Клавдию уволили с работы, отправили на пенсию. Она плакала, но мама сказала: «Ничего, ничего, не беспокойся. Это Божий Промысел, чтобы тебе не работать. Как-нибудь проживем». Умерла мама в 1957 году. Она была духовно чуткой и очень строгой жизни. Ничего не хотела брать от советской власти, говорила, что эта власть антихристова. Клавдии не позволяла даже радио в дом провести. Когда в 1930-е годы та, глядя на других девчонок, просила разрешить купить радио, мать категорически запретила и сказала, что если Клавдия купит, то она его выбросит, не пожалеет ее денег. В открытые храмы она не ходила. До самой своей кончины молилась дома перед иконами. Всегда горячо, со слезами.

Уже после ее кончины Клавдия узнала о катакомбном священнике отце Лукиане. Он отсидел в тюрьме. Когда выпустили, он пришел очень больной, но тайно служил дома. Жил он в своем домике в Казани. Клавдия у него исповедовалась и причащалась. Знала она и об отце Иоанне из Верхнего Услона, который хотя и был из «сергиевских», но, когда в 1930-е годы все храмы закрыли, выкопал землянку в лесу и там тайно служил. Его прогнали, он пришел в свою деревню и там служил тайно.

В начале 1960-х годов Клавдия услышала от Елизаветы Махровой (инокини Евникии) об иеромонахе Амв-

росии в Воронежской области⁶. Ей рассказывали о том, что у него много монашествующих. Клавдия стала проситься, чтобы ее тоже взяли с собой, хотелось поглядеть, какие они, монашки-то. Получив разрешение от батюшки Амвросия, ее привезли к нему. Станция Балашово, Поворнинский район Воронежской области. Тайком добирались ночью, чтобы никто не видел.

Отец Амвросий сразу ее встретил вопросом: «Зачем приехала?» Она растерялась и не знала, что сказать. Матушки стали говорить: «Ну, батюшка, зачем к вам приезжают... Исповедаться, причаститься». — «Нет, — сказал он, — она монашков приехала посмотреть». Благословил ее пожить неделю, подумать. Все его чада духовные не вступали в колхоз, не получали пенсии. Клавдии было боязно.

«Я была на второй группе, пенсию получала. А он не принимал тех, кто пенсию получал, кто с паспортом. За меня стали просить:

— Батюшка, примите ее.

— Не могу, она пенсию получает. Если даст обещание пред Евангелием и Крестом, что не будет получать, я ее приму.

— Батюшка, она такая больная, как она будет жить?

— Ничего, ничего...

Пришлось дать обещание. Приезжаю домой. Матушка Марионилла у меня домовничала. Я ей — так и так, от пенсии отказалась. Она: «Клавденька, ты такая больная. Как ты будешь жить?» Заплакала. А я ей: «Матушка, я дала слово, ты уж меня не расстраивай. Давай надеяться на Бога. Он что говорит — возверзите на Меня печаль, и Я вас пропитаю. Раз он так говорит, значит исполнит». А у меня всего двадцать копеек осталось. Я проехала, на дорогу все истратила. Пошла купила хлеб — шестнадцать копеек. Осталось четыре.

⁶ Он знал об отце Лукиане (Васеневе) и, по свидетельству матушки Ксении, не отрицал его, доверял ему крестины и другие требы. Отец Лукиан был белым священником, не благословлял на монашество: «Мир порочный, вы молодые»... Жалел потом Клавдию, спрашивал, как, трудно ей с монашеством?

Она: “Клавденька, как теперь будем жить?” — “Матушка, не беспокойся. Господь даст нам”.

На второй день приходит женщина: “Пошейте мне платье”. Взяли, сшили. Она дала нам три рубля. Я и говорю: “Вот, матушка, и картошка, и капуста, и хлеб, и молоко у нас будет”. Потом племянница встречает другую женщину, и та заказывает одеяло. Матушка хорошо их умела шить, как фабричные. Заплатила пять рублей.

После этого из финотдела мне приносят патент — вы-
платить надо 1800 рублей. Я как раз делала цветы к Пасхе.
Говорят мне:

- Вот патент.
- А я цветы не продаю.
- А куда тебе столько?
- А мне много надо. У меня два угла.
- Все равно будешь платить.

И оставили патент. Я наутро встала, два акафиста прочи-
тала и пошла к главному бухгалтеру горфинотдела:

- На каком основании мне выписали патент?
- Вот так и так, на вас написали...
- Пусть докажут, кому я что делала и продавала.
- Мы ничего не знаем, на вас написали соседи.
- Вот вам ваше извещение, я платить не буду.

И ушла. Потом через некоторое время приходит мили-
ционер, переодетый как женщина, в шапочке, в платочке, в
туфельках:

- Помогите мне, пожалуйста.
- А вы откуда?
- Из Казани.
- А вы что, там в Казани богатых людей не нашли, кро-
ме меня?

— Я на вокзал приехала, и у меня денег не хватает. Я
еду из тюрьмы. Шила одеяла (!) и меня посадили. Пока сиде-
ла, муж меня бросил. Ехать к родным — денег не хватает.

Я даю последний рубль: “Вот все, что у меня есть”. Мо-
люсь: “Господи, ради Тебя даю”. И перекрестилась. И он
(она) крестится, берет рубль, потом отдает обратно. Потом
мялся-мялся и выйти не может, пятится как рак к двери. Я
дверь открыла, и он вышел. На следующий день я его узнала,
когда в городе встретила уже в форме со звездами.

Стали за мной следить — чем живет? Как-то мы с матушкой катали воск, хотели себе свечек сделать. Приходят две женщины: “Мы от Василия Семеновича (брата матушки Ксении), нам бы пошить одеяла”. А матушка Марионилла мне показывает: “Ни-ни-ни”. Я отказываюсь, они уговаривают: “Ну, пожалуйста”. Я: “Никаких пожалуйста, у меня давление”. Оказалось, они из горфинотдела, хотели меня поймать».

Отец Амвросий постриг Клавдию в инокини. Когда ей сказали о постриге, она заколебалась. Очень боялась: а если не исполнишь обеты? Если человеку обещаешь и не выполняешь, то стыдно при встрече ему в глаза глядеть. А каково будет отвечать пред Богом, если не исполнишь обещанного Ему? Благословили ее подумать. И вот ночью ей приснился сон:

«На мне рубашка, полная вшей. Они разные: и мелкие, и крупные. Откуда они взялись, думаю. Я уютю накалила и гладить. И все чистое стало. Наутро рассказала матушке Вере, и та сказала: “Наверное, примешь постриг и все грехи попалишь. Исповедь, постриг все грехи очищают”. А я думаю: “Да, зато сколько новых насобираешь”. Принесли мне книгу, где написано, как усопшие радуются, если у них родственники становятся монахами. А я тряслась — как буду принимать такую обузу?»

Все же она решилась. Во время пострига трепетала — исполнит или не исполнит обеты. Говорили, что она стояла белая как полотно. При постриге ей было дано имя Ксения. Сначала отец Амвросий хотел дать другое имя, трудно произносимое. Матушки говорят: «Батюшка, да что вы ей такое имя даете?» А он: «Мне и самому не нравится». — «Вот позавчера была Ксения». Житие принесли. На обратном пути она заехала к родственникам. Удивлялись, что она отказывалась есть мясное — гусятину, курятину.

Потом матушка постоянно ездила к отцу Амвросию. Часто ездила с инокиней Евникией, возили «покаяния» (письменные исповеди). Один раз их остано-

вила милиция. Они сильно напугались, так как в корзинах везли свечи и целый ворох «покаяний». Но все обошлось, так как встречающий их человек оказался знакомым милиционера. Порой мать Евникия посылала ее одну отвозить исповеди. Страшно было, но за послушание ехала. Где бы ни была, и даже в поезде, матушка Ксения перед едой обязательно крестилась, не смотря на изумленные взгляды окружающих: «А все вокруг лупятся...» Однажды ей стало плохо в поезде. Сердечный приступ, прямо умирала. Подумала: «Умру, выкинут из поезда, так выкинут». В Канаше стало лучше. В поезде познакомилась со старушкой, которая тоже оказалась из катакомбников, тоже тайно ехала к священнику.

Отец Амвросий принимал исповеди, доверял ей отвезти Запасные Святые Дары по числу приславших исповеди. Обычно он назначал время, когда все написавшие исповеди должны были собраться. Они молились, готовились ко Св. Причастию. А он у себя в это же время читал разрешительную молитву. Запасные Дары выкладывались на икону, и каждый, сложив руки крестообразно, подходил и принимал святыню. Сначала отец Амвросий это не практиковал. Но позднее ему привезли старинную книгу, где описывалось, как в древние времена при гонениях христиане могли сами причащаться.

И поскольку паства у него была обширная и всем невозможно было приезжать к нему, он стал доверять Запасные Дары монахиням. Обычно это происходило Рождественским и Великим постами. Очень редко когда Успенским и никогда Петровским, поскольку летом из-за долгого светового дня трудно было скрытно под покровом ночи добраться до его жилища. Приезжала матушка Ксения вечером и ночью шла в ближайший дом к монахине, и уже оттуда они шли тайком в дом к бабушке.

Как-то она везла две сумки исповедей (людей было много у них). Три километра нужно было пройти по

в полной темноте. Грязь непролазная, чернозем. Через речку мостик, очень хлипкий. Она упала головой вниз. Выбралась еле-еле: «Вся в грязи с головы до ног, как свинья». Добрела до ближайшего домика монахини. Та всплеснула руками, увидев ее: «Батюшки, матушки...» Растопила печку, стала ее отмывать. Только на следующую ночь они пошли к отцу Амвросию.

Всенощную отец Амвросий служил обыкновенно с вечера до полуночи. Несколько часов перерыв, в три-четыре утра — Часы и Божественная литургия. Исповедь была с вечера, пока шла всенощная. Как-то во время службы вдруг подъехал черный ворон. Что делать? Открыли подпол и все туда попрыгали. Милиция зашла — никого нет. Один милиционер открыл подпол и закрыл. Господь ему закрыл глаза, и он ничего не увидел.

Батюшка Амвросий был строгий, духовно требовательный и прозорливый. Матушка Ксения на своем опыте неоднократно убеждалась в этом, когда батюшка открывал ей ее помыслы или отвечал на ее мысленные вопросы. Молитвенное правило он дал ей следующее: с утра вычитывать полунощницу, утренние молитвы, акафист, часы, обедницу, кафизму, главы из Посланий Апостольских и Евангелия, изобразительные. Вечером — девятый час, вечерню и повечерие с тремя канонами, пятисотку. И это иноческое правило, у монахинь было еще больше.

Паства батюшки, особенно монашествующие, строго постилась. Монахи и монахини рыбу не ели в понедельник, среду и пятницу. Инокиям разрешали рыбу в понедельник. В Великий пост постное масло дозволялось только в субботу и воскресенье. В первую седмицу — хлеб и вода.

«Объедаться не велели. Батюшка Амвросий говорил: “Можно и три раза поесть, но не досыта, чем ты наешься раз. Какой это пост? Надо оставлять место Св. Духу”. Сам был высокий, худенький, “кожа да кости”. Монахам не разрешал больно вкусное есть. Как-то обедали: матушка Агния сварил-

ла очень вкусный борщ. Все с таким аппетитом ели. А он взял да и варенья в него наложил. Они: “Батюшка!” А он: “Ничего, ничего...” И все — всё, молчок. Не любил, чтоб нам, монахам, со вкусом есть. И матушки все худенькие были. Которые работали, разрешал молоко, яйца есть. Но вкусного не было. Да и не на что было покупать. Если кто и принесет рыбы и тому подобное. Верующие подавали. Те, кто в колхоз не вступали, держали коровок. Помогали и деньгами. Вообще друг другу помогали. Если у кого чего не хватало, помогали. Если у старушки нет денег на уголь, соберут, привезут и угля, и дров на растопку».

Приезжающих отец Амвросий все время спрашивал о епископах, не слышали ли что-нибудь. С заграницей не хотел связываться. Говорил, что если здесь не разберешься, то там тем более можно легко в яму попасть. Хотел искать епископов, но вскорости заболел и умер в 1966 году 14 октября. На его похороны собралось вдруг очень много народу. Просто толпы, гроб несли на руках до кладбища, и народ все норовил под гробом пройти и прикоснуться. Милиция прибыла на кладбище, увидев такое скопление народа. А кого хоронят, так и не могли выяснить. Потом пришли к слепой старушке, из дома которой выносили гроб с телом отца Амвросия, и стали допытываться, кто это был. Она сказала, что не знает, пришел странник, попросился отдохнуть и умер. А кто при этом был, она не знает, так как слепая.

После отца Амвросия матушка Ксения и все их монашествующие окормлялись у некоего отца Феодора в Белгороде, но недолго. Потом у отца Никиты Лехана в Харьковской области. Также возили к нему исповеди. Он писал небольшие поучения и душеполезные наставления, матушка их переписывала и раздавала читать верующим. После его кончины (24 ноября 1985 года) окормлялись у отца Михаила Рождественского. Сама она к нему не ездила и его не видела. Он умер в 1988 году. После этого воронежская матушка Маргарита (Чеботарева) направила их к отцу Гурию (Павлову) в

Чувашию. И когда мать Евникия его отыскала, он стал приезжать и служить у них в Васильево.

Восприемницей матушки Ксении при постриге была монахиня Антонина. Игуменья были монахиня Агния, затем Вера. К ним всегда за советом ездили. Такие они были приветливые, радушные, благостные, всех встречали с любовью. Матушка игуменья о всех заботилась. Всегда расспрашивала: «Как ты поживаешь? Как твое состояние? Может, тебе помочь чем надо?» Все расспросит. Она бралась читать сорокоусты, а деньги раздавала немощным — кому на дрова, кому на что.

Матушка Вера сама была бездомной, жила у духовных чад. Умерла у матушки Нонны в Камышах. Агния была до нее игуменьей, старенькой. Умерла раньше. Она дала денег на покупку домика для монахини Мариониллы и послушниц Лидии, Анны и Антонины и назначила Мариониллу старшей у них⁷.

Мать Марионилла до революции жила в Свяжском монастыре. Родом она была из здешних мест. Мирское ее имя Мария Ивановна Ларионова. Ее, как и всех монахинь, в тюрьму взяли прямо из монастыря. Во время службы подогнали несколько лошадей с подводами, монахинь посадили и увезли. Они заплакали и запели: «Прощай, наша мать обитель, нам больше тебя не видать». И всю дорогу плакали. Просидела матушка семнадцать лет. Сколько пыток перенесла. Вышла, когда всех отпускали. Ей негде было приютиться, и Клавдия ее взяла к себе. Когда спрашивали, почему она у нее, Клавдия отвечала: «А что? Мне одной скучно. Пусть живет». А матушке говорила: «Матушка, не бойся и не подавай вида, что боишься. Если придут, не показывай, что боишься, они и отстанут». Позднее она жила у Евникии, затем в Казани. Там было много верующих, и ее многие приглашали. Гостила то там, то здесь.

⁷ Фотография всех монашествующих как раз и сделана у этого домика. Монахиня Марионилла сидит справа во втором ряду.

В Свяжском монастыре до революции она была на послушании в пошивочной. В лагерях она тоже шила. И сначала всю норму очень быстро выполняла, ее портрет даже на красную доску повесили. А тут одного мирянина забрали, и он работать отказался, заявил: «Я пришел сюда не работать, а отбывать срок, ни на кого работать не буду». Она услышала об этом и думает: «А, мирянин и не работает, а я, монахиня, заработала красную доску!» Вылетела из-за машины: «Все! Больше я не работаю на вас». Ей: «Матушка, матушка!» Она: «Нет, все, вот в стену меня закладывайте, в каменный склеп, не буду больше работать. На антихриста работать не буду!» Посадили ее в карцер — каменный мешок, только стоять можно было. Сверху из форточки дует, и ей еще кричат: «Не шевелись!» Потом видят, она изнемогает. Ее вывели еле-еле на воздух. Она бледная такая! Положили в больницу. Выпустили ее в 1957 году.

В монастыре она была инокиней. В мантию ее постриг уже отец Амвросий с именем Марионилла. В Васильево она прожила недолго. Как-то поехала к сестре за Волгу в деревню Вязовых, и там ее парализовало. Привезли хоронить в Васильево. После ее кончины старшей назначили инокиню Евникию⁸.

Инокиня Магдалина и инок Феодосий — бывшие супруги. Они приняли постриг и странничали, останавливались где кто приютит. Народу верующего много было. И у Евникии жили, и у других понемногу, чтобы ненаглядно было. «Смиренные, таких теперь нет», — вспоминает о них матушка Ксения. Когда уже свобода

⁸ На фотографии (на первой вклейке) она стоит крайняя справа. Рядом с ней инокиня Алла — та самая ее подруга, в миру Анна, с которой они ходили в церковь, а потом искали истинных священников. Далее справа налево: послушницы Лидия, Таисия (племянница матушки Ксении), Анна. Во втором ряду справа налево: монахиня Марионилла, инок Феодосий, инокиня Олимпиада (мама инокини Евникии), послушница Антонина. В первом ряду справа налево: инокиня Магдалина, инокиня Ксения.

насталла, они вернулись в свою деревню Успенка за Йошкар-Олой, где и умерли.

Жила матушка Ксения в своем домике в Зеленодольске вместе с племянницей Таисией. Та постриг не принимала, но вела жизнь благочестивую, молилась с матушкой, носила платочек. Вообще, отец Амвросий и другие отцы требовали от своих пасомых соблюдать скромность в одежде. Ребята рубашки носили навыпуск, подпоясанные ремнями или поясками. Девушки и женщины обязательно должны были покрывать головы платками, платья надевать длинные, ни в коем случае не выше колена. О брюках не могло быть и речи. Матушка все удивляется, почему теперь молодые священники не наставляют своих пасомых: «Что это за истинные христиане, которые в брюках ходят? Придут в церковь в брюках, снимут их, наденут юбку... В Требнике старом написано, кто из женщин надевал мужские брюки, на три года отлучается от Причастия».

Резко отрицательное отношение к телевизору. Отец Никита накладывал епитимию на тех, кто имел его в доме. Матушка Ксения называет телевизор не иначе как бесовский ящик. Еще до революции те странники, которые посещали их дом, предсказывали то, что наступят времена, когда в каждом доме будет ящик, который будет все показывать, что делается в мире, а через него будут бесы говорить. Тогда они не понимали, как это может быть, но теперь, когда появились телевизоры, все стало ясно.

Матушка Ксения — хрупкая маленькая старушечка. Согнутая, ходит еле-еле, прихрамывая. В последние годы из дома не выходит, по комнате передвигается на костылях. Совсем глухонькая. Плохо видит, читает с лупой. Очень благостное, доброе, светлое личико. Всех жалеет, об всех сердце болит. Но при всей своей кротости и мягкости очень твердая и непреклонная, когда дело касается веры и благочестия. Так же как она смело отвечала во время переписи или отказывалась брать

паспорт (см. ниже), так же твердо указывала молодым священникам на недопустимость небрежности в службе или потакания страстям. При этом эта твердость не изменяет ее кроткую манеру, она не выходит из себя и не теряет своей благодати.

Последние годы матушка Ксения, как и многие катакомбники, скорбит из-за церковных несогласий и нестроений. Со слезами молится, чтобы Господь послал истинных пастырей. Вот, что она написала в одном из последних писем (февраль 2006 года):

«...Мне кажется, есть ли истинные епископы? Много епископов, а как в них верить. Их надо расследовать, от кого они приняли рукоположение, а те, от кого получили, какой корень, истинный или неистинный. По делам их узнать трудно. Мне много говорили, теперь пришло такое время смутное, каждый себя ставит, что он истинный, а по делам разберешься, он не истинный. Как в Св. Евангелии сказано, будут священники, как волк в овечьей шкуре, так и теперь это все есть. Все пришло по писанию, а как будут отвечать на Втором пришествии?

Будем на Господа надеяться и просить Господа, чтобы он нас не оставил своей милостью. Пусть нас Господь пасет, своих овец. Мы слабы умом и разумом, немощны плотию и духом, да будет Воля Божия на нас грешных. Господь пасет, ничтоже меня лишит...

Господи, Ты видишь, что я слаб и немощен, помоги мне. Сомнения колеблют ум мой. Поддержи меня. Утверди ноги мои на камени заповедей Твоих, не устою, если Ты не поможешь мне. Аминь.

Боже, Ты видишь, я изнемогаю, Ты видишь, Боже, силы нет. Куда идти, я не знаю. Да просветит мне путь Твой свет».

* * *

Рассказы инокини Ксении

О переписи

Пришли, стали задавать вопросы. Она говорит, пишете, я прочитала, что вы должны записывать в точности все, что вам говорят. Гражданство — «Российская империя», профессия — «православная христианка». Пишите, что я вам говорю, как велят ваши правила. Растерялись и ушли. Потом пришел сам начальник комиссии. Она ему то же самое. Он стал ее еще спрашивать. Она взмолилась Богу, чтобы наставил, что говорить. Сама удивлялась, откуда взялись слова. Точно как в Св. Писании сказано, когда поведут вас на судилища, не заботьтесь о том, что говорить, ибо Господь даст вам Дух... Начальник поражался: «Где это выучилась?» — «Да, “а” и “б” знаю». — «Вижу, что знаешь...»

О квартире

В начале 1980-х в Зеленодольске велось жилищное строительство, и домик матушки Ксении подлежал сносу. Им предлагали квартиру. Однако у них не было паспортов, и они не хотели их брать. В паспортном столе им сказали:

- Все советские граждане должны брать паспорта.
 - А мы не советские
 - Тогда уезжайте в Америку.
 - А мы не хотим, наша родина здесь.
- Их несколько раз вызывали и все ругались на них:
- Сошлем вас в Сибирь, на север.
 - Вот и хорошо. Господь так устроит, что на севере будет юг, а на юге север.
 - Мы вас на Соловки сошлем.
 - Еще лучше, святое место.
 - Мы вас в яму сбросим бульдозером.

— Вот и хорошо, чтобы не глядеть на все эти безобразия.

Матушка Ксения успокаивала Таисию, призывала не колебаться, Господь все устроит. Что делать, если выгонят? «Ничего, местов на вокзале хватит, а там Господь все устроит, не оставит в таком положении. Главное, сохранить Ему верность».

В конце концов, в последний раз вызвали и управдому говорят: «Не знаем, что делать с этими “староверами”, не хотят паспорта брать». А тот говорит: «А за квартиру платить будут?» Они ответили: «Будем». Так им и дали квартиру без паспорта, без прописки.

Притча о пьянице

Был один пьяница. Вот он замерзал в лесу, постучался в избушку к одному пустыннику, молитвеннику: «Пусти меня, отче, холодно...» — «Иди отсюда», — ответил тот.

— Отче, а на чем земля стоит?

— Эж, что удумал, пьяная морда. На воде.

— А вода?

— На бездне.

И на этих словах пустынник провалился в бездну, а ангел свыше возгласил, что земля стоит на любви Божией, и пустил пьяницу в дом пустынника. И стал бывший пьяница молиться и поститься, и понес подвиги пустынного жития на месте немилосердного отшельника.

Молитва за умерших неверующих

Как я могу за них молиться? Если они креста не носили, не просили милости у Бога, как я могу просить за них милость у Бога? Живут беспечно, о Боге не думают и хотят, чтобы за них отмолились по кончине. Но как же за них молиться, если они сами не молились?! Даже «Святой Божий» не поется на выносе. Можно ли за

умерших, верующих в патриархии, молиться? Не могу судить. Они верили, ходили в храм, но не узнали о беззакониях, не старались узнать... Боюсь судить, ведь за каждое слово дадим ответ...

Притча о пастушке

Во время одной из последних встреч матушка пела духовный стих о последних временах. Потом стала размышлять:

«В книге стихов из пророчеств говорится, что мало избранных, мало верующих. Вот и сейчас, вероятно, из миллиона десять останется, если на испытания придется пойти. Когда конец, никто не знает. Сам Спаситель сказал, что токмо Отец знает. Но по признакам узнаете, что к концу идет. По местам мор и голод и т. д., оскудение любви. Иоанн Богослов пишет, что если любим, то в нас Дух Божий есть. А если не любим, то в нас дух лукавый. А у нас сейчас что — одна распря. Господь видел, что мир погибал, и что Он сделал — послал Сына Своего. И Он показал, как мы должны жить. А мы исполняем? Нет. Он пошел за наши грехи на Крест, а мы свои грехи не можем искуплять. Где наша любовь к Богу? Господь возлюбил нас больше, чем мы Его. Да мы Его совсем не любим, можно сказать. Святые за вечную жизнь ничего не боялись, предавали свое тело на истязания, на всякие страсти, а души спасали.

Если любовь в нас будет, то и Бог с нами будет. И везде Он защитит и заступит. Он ведь Сам говорит: не заботьтесь... Ваше намерение, а мое исполнение. Если душа ваша так стремится, то Господь направит ко спасению. Притчу про пастушка помните?»

Это любимая притча матушки. К сожалению, в письменном изложении невозможно передать то умиление, с которым матушка эту притчу рассказывает. При всей безыскусности и детской наивности этого рас-

сказа в нем отражается святая простота и сокровенная глубина ее кроткой души.

«Этот пастушок со своими козами ходил по пустыне. Он умел читать Псалтырь и Евангелие. Больше он ничего не умел. А ночью все глядел на небо и говорил: “Господи, это все изменится, а Ты все тот же. Как спастись? Я вот хочу спастись, а как?” И вот он ходил-ходил, набрел на избушку старца и говорит тому:

— Отче, хочу спастись. А как?

— А какой ты образ жизни ведешь?

— А вот хожу по пустыне со своими козами, и все.

— Иди прямой дорогой, никуда не сворачивай и попадешь в Царствие Божие.

Он ему ничего не объяснял. А тот понял, что надо выйти на дорогу и прямо идти. Вышел, видит, на горизонте небо с дорогой соединяется: “Вот там Царствие Божие”! — и пошел туда. Дорога привела его к монастырю. Ночь, он стучится. Спрашивают: “А что вам надо?” — “Я хочу спастись. А как? Старец мне сказал: иди прямой дорогой, никуда не сворачивай. Вот меня дорога сюда привела, мне надо перейти через монастырь”. Доложили о нем игумену. Тот сказал: “Оставьте его, пусть сидит до утра. А когда с утра монахи пойдут в церковь, пусть и он идет”. Вот он и пошел в церковь. Пришел, а там на амвоне (на иконе) или на фреске в куполе Спаситель, как живой. Он всю службу смотрел и думал: “Кто же это такой? Кто его поставил и за что? Ни день, ни ночь не пьет, не ест. Он, наверное, устал уже. Как же ему помочь?” После службы спрашивает игумена:

— Это живой?

— Живой, чадо, живой и никогда не умирает.

— А кто же это такой?

— Это пастырь.

— А, такой же пастушок, как я...

Настоятель ему говорит: “Ты с братьями не говори, если тебе что надо, ты меня спрашивай”. Настоятель увидел, что простой человек не подозревает, что в мире

есть лукавство и ложь, и опасался, как бы братья его не испортили. Оставили его в монастыре — будешь подметать, убирать в церкви. Он согласился. После службы стал убирать. На трапезе что подавалось он в платочек завернул и унес в келью. Вечером после службы убрался, побежал за этим платком, расстелил его и говорит: “Пастушок, сойди, вот что давали нам. Я не ел, все тебе принес. Ты устал, сойди”.

Но тот ничего не отвечает. Стал он еще усерднее просить: “Сойди, поешь”. Ни с места. В третий раз еще усерднее просит. Вдруг тот зашевелился и спускается. Пастушок обрадовался и говорит: “Как я хочу спастись и хочу быть любимым Твоим Отцом”. А Он говорит: “Ты уже любим Моим Отцом”.

Братья шли мимо церкви, слышат разговор, доложили игумену: “Пастушок с кем-то в церкви разговаривает”. Игумен позвал пастушка. Тот только порог переступил:

— Отче, возрадуйся. Пастырь ко мне приходил, и мы с ним разговаривали. Он сказал, что я любим Его Отцом.

Игумен заплакал, обнял его и сказал:

— Чадо, ты только порог перешел и уже Богу угодил, а я шестьдесят лет игуменом служу...

— Отче, а ты хочешь, я с Ним поговорю? Хочешь, и ты пойдешь со мной, и будем разговаривать?

— Нет, чадо, я недостойн с Ним разговаривать, а если ты удостоишься еще поговорить, ты скажи обо мне, я тоже хочу спастись.

— Ладно, отче, скажу, скажу.

И вот на второй вечер он его призывает и говорит:

— Мой духовный отец тоже хочет спастись.

— Завтра будете у Меня оба.

Пастушок приходит к игумену: “Отче, возрадуйся, завтра мы будем у него”. Отслужили службу, стали причащаться. Причастились, и душеньки их взялись...

Вот самое главное — простота. Это лучше, чем хитрость. А сейчас все хитрят. Лукавое сердце — нечистое

сердце. А у истинного христианина должно быть чистое сердце. “Сердце чисто созижди во мне Боже, и Дух прав обнови во утробе моей”. Вот мы как должны жить, а не так огрызаться... Это что это такое?! Это все лукавство! Провинилась, проси Христа ради. И мы должны от всей души простить. И вот тут занозу не оставлять. Если только будет она, эта заноза, в сердце, то это лицемерное прощение. А Бог таких прощений не любит. Он любит, чтобы от чистого сердца. Так же как мы в Евангелии читаем, так мы должны разуметь и исполнять. Если бы мы жили по Евангелию, у нас бы ничего такого не было... А то все хитрость какая-то, хитрость. А я уж эту хитрость не люблю — до смерти! Простое сердце Богу угодно. Вот видите, пастушок простым сердцем... Он даже не знал, что неправда в мире есть. Он ни о чем не думал, а думал об одном, как спастись. И Господь его и привел к этой жизни.

Духовные отцы должны нас воспитывать, напоминать нам это все о спасении души. Спаситель Сам какой был? Легко ли ему было идти на Крест за нас грешных? Это ведь нешуточное дело — живому человеку сюда гвозди, туда гвозди. Тут вот палец порежешь: “Ай, как больно!” А Он вон как страдал!

Должны мы быть милосердны и иметь любовь к ближнему. Какой любовью Господь нас возлюбил, так и мы должны. Он никого не отривал от Себя. Всех принимал, всем прощал, кто кается от чистого сердца».

Инокния Филонила⁹

Родилась она в 1923 году в простой чувашской крестьянской семье. Ей было четыре года, когда они погорели. Загорелась вся улица, дома были деревянные, крытые соломой, вспыхнули как спички. В полчаса их дома не стало, и ничего из вещей не успели вытащить. Соорудили какой-то шалашик в саду и в нем жили все лето и осень, пока не построили новый дом. Сильно мерзли, ни одежды, ни обуви толком не было, ходили в лаптях. Зинаида тогда сильно простудила ноги, да так, что не могла их отрывать от земли и ходила шаркая, быстро стирая до дыр лапти, — отец не успевал ей плести. Родители удивлялись и показывали Зинаиде, как надо правильно ходить, и только позднее поняли, что ходит она так не по шалости, а из-за болезни. Но лечиться было негде, а потом у нее как-то само собой все прошло, но позднее, в 1960-х годах, ноги так скрутило, что ходить ей стало очень тяжело.

В 1930 году родители Зинаиды отказались вступить в колхоз. Из-за этого много пришлось страдать: голодали, ели картофельные очистки, работали втроем, чтобы выплатить огромные налоги, которыми их обкладывали. Помимо полевых работ, рубили лес, заготавливали дрова, вязали варежки и носки. Отец занимался строительством, изготавливал также ткани, сам крутил нитку, шил «пинжаки». Зинаида умела ткать льняную ткань, шила и вышивала полотенца. В 1939 году отец покалечился, когда рубил лес, ему на ногу упало дерево. Отвезли его в больницу, лежал там два месяца, но кости срослись неправильно. Ходил сначала на костылях, потом как-то разработал ногу и стал пасти деревенское стадо. Но через три года отец

⁹ В миру Зинаида Ф.

заболел воспалением легких, его отвезли в больницу, там ему сделали неправильный укол, и он внезапно скончался.

Теперь заготовка и продажа дров легла на Зинаиду, ведь это был один из основных источников их дохода. «Сколько я дров таскала, — вспоминала она, — летом на тележке, зимой на санках. Все время дрова таскала». До самой глубокой старости ей пришлось исполнять тяжелейшие крестьянские работы. В колхоз Зинаида не вступала, так что держала овец, коз, кур, чтобы выплачивать большие налоги. Обработывала огромный огород, плодами которого в основном они с матерью и сестрой питались. В конце 1950-х годов у них огород отняли на целых девять лет, как у многих единоличников, — отрезали землю чуть ли не по самое крыльцо. Только представить — целых девять лет прожить безо всяких доходов и без огорода! Как они выжили? И при этом надо было прокормить не только себя, но и престарелую мать¹⁰, и парализованную сестру¹¹! Зинаида собирала в лесу дрова и держала корову — она ежегодно должна была сдавать по восемьдесят килограммов мяса. Вспоминая этот ужас, она несколько не жаловалась и в ответ только махала рукой и добродушно улыбалась: «Ничего, хватало; чего нужно, всего хватало».

Не раз ее вызывали в сельсовет и принуждали вступать в колхоз, а на ее отказ спрашивали: «Это тебя Америка учит?» При этом, вероятно, сами понимали всю нелепость вопроса. При всем желании трудно было найти следы хоть какого-то иностранного влияния в убогой, совершенно отрезанной от цивилизации избушке Зинаиды, куда по ее принципиальным соображениям

¹⁰ Из восьми детей в семье выжило лишь трое: Зинаида, Анастасия и брат Иван, который женился и жил в городе.

¹¹ Сестру парализовало тогда же, после пожара, так что с раннего детства она была прикована к постели.

даже не было проведено электричество. На советские выборы Зинаида также не ходила и не голосовала. Правда, однажды, еще в молодости, она все же «проголосовала» — пошла и написала на бюллетене: «Советская власть — долой!»

Об отце Гурии Зинаида узнала после войны, до этого она ходила в соседнюю Батеевскую церковь, которую открыли в начале 1940-х годов. Мать говорила Зинаиде, что не надо туда ходить. Их знакомая певчая Татьяна из соседней деревни Большие Чаки рассказала им о стареньком священнике Онисиме, за которым той довелось ухаживать еще в начале 1930-х годов. Перед смертью священник сказал Татьяне, что он обманщик, что он не выдержал, и уговаривал: «Я принял, а вы не принимайте, не ходите в открытые церкви, молитесь дома». Однако Зинаида не слушала, плакала и продолжала ходить — так ей хотелось в церковь.

Уже после войны певчая Татьяна все же убедила Зинаиду не ходить в церковь, дав прочитать какие-то отступнические писания из официального церковного журнала. А вскоре они узнали об иеромонахе Гурии, их познакомила с ним сторожиха Зоя из той же Батеевской церкви, она хоть и работала там, но не причащалась у местного священника. Там в сторожке Батеевской церкви они впервые и встретились с отцом Гурием, и с тех пор Зинаида с матерью и сестрой постоянно исповедовались и причащались у него. Позднее отец Гурий оборудовал у них в сарайчике тайную церковку Казанской иконы Божией Матери, в ней он часто служил.

В 1960-е годы, когда слегла мать, Зинаида уже ухаживала за обеими, матерью и больной сестрой. И это в деревенских условиях, где не было ни канализации, ни водопровода, ни электричества. В конце 1984 года Зинаида сильно заболела: у нее обнаружили большую опухоль в боку, которую признали раковой. В больнице

ей велели прийти на обследование, но дома ей стало совсем плохо. Опухоль, по-видимому, передала позвончик, и у нее совсем отнялись ноги. Лежала она почти без движения, только руки и голову могла поднять, а малейшее прикосновение к телу вызывало сильные боли. В таком состоянии она пролежала почти полтора года, так что в доме лежали уже двое парализованных: она и сестра. Верующие не оставляли их и постоянно помогали, даже полностью обрабатывали их огород, все сажали и убирали. Главной помощницей была ее подруга Александра, она всех организовывала, раздавала задания, кому что делать.

Зинаида не обращалась к врачам, но применяла народные средства, в том числе и против рака, однако больше всего надеялась на молитвы. Молилась день и ночь. На стене у кровати на гвоздике ей подвесили керосиновую лампу, так что она и ночью могла читать. За сутки она дважды прочитывала Псалтырь, за тех, кто помогал ей, вычитывала по сорок псалтырей, при этом говорила, что не успевала замечать, как летело время. Через полтора года она встала, потихоньку начала ходить и постепенно вернулась к прежним работам по хозяйству и продолжила ухаживать за парализованной сестрой. Вскоре она приняла иноческий постриг, владыка Гурий постриг ее с именем Филонилла¹².

Матушка Филонилла никогда не работала в колхозе, поэтому в советское время ей пенсии не полагалось. В последнее время после перестройки, когда минимальную пенсию стали давать всем старикам, ей тоже предложили, но она все равно отказалась, заявив, что никогда и ничего не брала от антихристового государства, как и прежде, она кормилась лишь трудом рук своих. И в восемьдесят с лишним лет эта маленькая согнутая

¹² Святые мученицы Зинаида и Филонилла — сестры, родственницы св. апостола Павла, память 11 октября.

старушка, едва передвигающаяся на своих больных ножках, умудрялась вскапывать бесконечные грядки под картофель и другие овощи, ловко косить траву косяк, собирать сено в стога вилами, управляться с козами и козлятами¹³, тягать из лесу по-прежнему полные тележки с «дровами». Как все это удавалось делать маленькой, согбенной, больной старушке — остается загадкой... Правда, тележки из леса были с ветками — это, пожалуй, было единственное «послабление», допущенное ею, но зато и зимой она «топила» печку этими ветками, и температура в ее домике ненамного превышала температуру воздуха на улице.

В 1986–1987 годах отцу Гурию по здоровью трудно было самому вести хозяйство, и он стал жить в доме у инокини Филониллы. Он постоянно служил в церковке Казанской иконы Божией Матери, которую оборудовал в сарайчике у матери Филониллы. В последние годы матушка Филонилла заботилась о тяжелобольном владыке Гурии, хотя сама была нездорова. В ее доме владыка Гурий и почил 7 января 1996 года в 10:15 вечера, и матушка всю ночь читала Св. Евангелие. Вместе с духовными чадами владыки проводила его в последний путь. С тех пор постоянно ухаживает за могилой владыки, с трудом добираясь на больных ногах к сельскому кладбищу за несколько километров.

¹³ Удивительно, молоко ее коз очень вкусное и без специфического запаха — владыка Гурий утверждал, что это целебное молоко вылечивало его лучше всяких лекарств.

Мария Аркадьевна Волокитина

Старшая дочь уфимского священника новомученика отца Аркадия Волокитина. Родилась 1/14 апреля 1914 года в селе Ирныкши Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, где отец служил псаломщиком, а затем в том же году был рукоположен в диакона и в священника епископом Андреем (Ухтомским). Вспоминала, как ее совсем еще маленькую владыка Андрей брал на руки, когда бывал у них в доме.

Из воспоминаний раннего детства у нее сохранились также поездки с отцом в монастырь «Святые кустики» — Георгиевский женский монастырь в Бирском уезде, куда отец Аркадий был назначен священником в 1917 году. Монастырь располагался в 50 верстах от уездного города Бирска (в 100 км на север от Уфы) в четырех верстах от села Усы-Степановки, в пустынной гористой местности¹⁴. К тому времени в монастыре было около двухсот монахинь. Целая улица домов. Монахини работали в швейной, ткацкой и иконописной мастерских. Сами делали кирпичи, обтесывали природные камни, из которых выстроили часовню над «Святыми кустиками». Работали в поле, саду, на пасеке, держали скот, разводили рыбу в прудах. При мо-

¹⁴ Название «Святые кустики», как и создание монастыря на этом месте, связано со следующим чудесным явлением. В 1856 году местный крестьянин С. Сотников несколько раз видел старца в золотых ризах с крестом в руках в одном и том же месте — у сплетения трех берез и двух ив. Место это стало почитаемым, благочестивые люди приходили туда молиться, и многие получали исцеление от недугов, там же происходили и другие чудесные явления. В конце XIX века была образована женская община, в 1901 году освящен первый домовый храм в честь св. Георгия (Всеволодовича), владимирского князя, над «Святыми кустиками» построена часовня, в 1911 году построен Вознесенский деревянный храм, началось строительство величественного каменного Успенского собора. В 1905 году по указу Синода община получила статус монастыря.

настыре жили пять сирот и несколько старушек и немощных. В монастырской школе обучались девочки из окрестных деревень.

Мария Аркадьевна вспоминала благолепные службы, дивное пение монастырских хоров. Ей очень все нравилось, и она мечтала стать монахиней. Однако вскоре Георгиевский монастырь, как и все прочие монастыри, был разорен и окончательно закрыт к концу 1920-х годов. Все храмы и здания разрушены до основания, большая часть икон уничтожена. На месте монастыря остались лишь развалины фундамента каменного собора, часовни, несколько памятников на монастырском кладбище, поросшие густой, в человеческий рост травой, да одичавшие яблони от прежнего монастырского сада.

Мария Аркадьевна вспоминала служение отца Аркадия в монастырских храмах. Потом он служил на приходах, а в Бирске, где все храмы были захвачены обновленцами и «сергианами», в домашней церкви. Купили дом, и в доме устроили молельную, там же сделали трапезную и комнату для странников. Народу собиралось на службы много. Отец Аркадий служил ревностно, молился горячо, устав соблюдал строго.

«Служба у нас была длинная. Всенощная, если начиналась в четыре часа вечера, то кончалась в десять. Никаких пропусков. Ни одна кафизма не выпускалась. Если положены одна, две, три — все исполнялось.

Я с семи лет читала на клиросе. Мне подставляли табуреточку, чтобы я могла видеть книги. Папа научил меня читать на церковно-славянском с ранних лет и перед чтением в церкви наставлял меня так: “Читай, думай, что читаешь, и чтобы до молящихся доходило”».

Обладая замечательным голосом и унаследовав от отца прекрасный музыкальный слух, Мария Аркадьевна выучилась также церковному пению и очень хорошо знала все богослужебные песнопения. До глубокой ста-

рости¹⁵ она сохраняла удивительную силу голоса и чистоту звучания и по памяти могла петь многие тропари, кондаки, а также духовные стихи (или канты, как она их называла).

В школу Мария никогда не ходила, ее учили дома. Она была рада, что избежала советского образования. «Я благодарю Бога, что я не была в школе и не знала, как стоят парты», — говорила она. Она рано поступила на работу санитаркой в больницу, в 1932 году ее направили на курсы медицинских сестер. В одном из писем она вспоминала:

«По окончании я уже медсестрой проработала пятьдесят два года в медицине по призванию. Помню, покойный папа говорил: самое Богоугодное дело — ухаживать за больными».

В 1928 году Мария поехала с отцом в Казань, когда его осудили на три года высылки из Бирска. Как писала Мария Аркадьевна:

«Я хорошо помню тот домик с пристроем с задней стороны, где мы и жили с папой вдвоем. Отец Гурий приезжал на молитву, которую мы начинали в десять или одиннадцать часов ночи, когда люди уже легли спать. Жили мы в Козьей слободе на улице Гривка. Домик был частный. В данное время давно он снесен, и нет уже этой слободы. Все изменилось, и стоят там многоэтажные дома».

Мария Аркадьевна вспоминала, как отец Гурий приходил к ним: «Совсем еще молоденький иеромонах, молитвенник смолоду». Она была свидетельницей того чудесного случая, о котором он рассказывал: «Пришли с обыском ночью, а отца Гурия-то не заметили. А как? Все перевернули. Он лежал за печкой на лежанке, даже ноги-то было видно, но его не увидели».

¹⁵ Мария Аркадьевна скончалась на 92-м году жизни 26 октября 2005 года.

После ареста отца в 1930 году Мария вернулась в Бирск к маме. Потом об отце Гурии она ничего не знала. Долгое время она его искала, но безуспешно.

«Я несколько лет за него молилась об упокоении, так как думала, что он расстрелян, как и мой папа. Вдруг мне мама говорит: “Маруся, ты знаешь, кто у меня был? Помнишь Гурия, монаха?” Я удивилась и маме сказала, что я молюсь за него об упокоении. В котором году было, не помню, но примерно в 1967—1968 годах. Он маму посетил, моего адреса она не дала, и он больше не появился! Мама жила с любимым своим сыном последним... Он получил высшее образование, очень умный, и влез в сатанинскую партию. Отец Гурий, видимо, понял обстановку. А я узнала уже только случайно от Екатерины, что он бывает у нее, и в следующий приезд та сообщила. Встреча была очень теплая. Всех он помнил, и о всех молился. Благодарю Бога, что он меня исповедовал и причащал».

Всю свою жизнь Мария Аркадьевна сохраняла воспитанное в ней отцом благочестие, не стесняясь и не скрывая своей веры, за что в условиях несчастной советской действительности даже среди близких подвергалась насмешкам и нареканиям. «Меня считают фанатиком», — улыбаясь, говорила она. К сожалению, мы подробно не расспросили ее о катакомбных богослужениях, которые она посещала до начала 1990-х годов.

Долгое время она сохраняла связи с бывшими прихожанами отца Аркадия в Бирске и Уфе, к которым она частенько ездила или летала на самолете из Казани. Благо тогда эти местные полеты на «кукурузниках» были довольно распространены и относительно недороги. Были у нее связи и с марийскими общинами. Но кто там служил, когда, и где, и как это происходило — мы, по своей глупости, не поинтересовались. Ко времени нашего знакомства Мария Аркадьевна уже не выходила из дому и даже не могла доехать до Васильево к матушке Евникии (в монашестве Евфросинии).

Все праздничные службы тогда она уже вычитывала сама. В молитвенном уголке у нее всегда теплилась лампадка. Собственно, было два таких уголка в ее уютной крошечной квартирке: в большой комнате, как бы гостиной, и в маленькой, ее спальне. Ни пылинки, ни соринки. Иконы и святые уголки всегда были в идеальном порядке. Особый мирный дух царил в ее намоленном жилище. Не слышно было шума большого города. Тишина, только старинные ходики отбивали уходящие мгновения. Как-то забывалась суета современной Казани, обезличенный советский микрорайон, типичный мрачный подъезд. Казалось, что из унылой советской обыденности попадаешь в обстановку скромных, но благочестивых горожан дореволюционного времени. И сама хозяйка принадлежала целиком тому времени. Она была как бы пропитана иным духом. Весь ее облик, манеры, речь, интонация — все было какое-то иное, разительно отличающееся от привычного советского.

Аккуратенькая интеллигентная старушка, сохраняющая некое изящество и вкус даже в самой простой домашней одежде, всегда в чистейшем платочке, по праздникам — в белом накрахмаленном. Бодрая, собранная. Милая, но одновременно и строгая, чувствовался ее волевой характер, справедливая требовательность к подопечным — старшая сестра, на которой с детства лежали заботы о младших сестрах и братьях. Открытая, прямая, но не резкая. Весьма общительная, но не тратившая попусту слов, каждое ее слово было весомо, произносилось четко, внятно (по тому же принципу, наверное, как учил ее читать в церкви отец Аркадий — говори, думай, что говоришь, и чтобы до слушающих доходило).

В свои восемьдесят пять и даже девяносто лет она сохраняла поразительную ясность ума и не только здравость, но и мудрость суждений. Все сетовала, что подводит память, хотя это заметно не проявлялось. Боялась потерять рассудок и молилась, чтобы Господь

этого не допустил, — не хотела быть обузой для дочери и близких. У нее сохранялся широкий круг родных и знакомых, постоянно звонивших и навещавших ее. К ней обращались и по церковным, и по житейским вопросам. Она была в курсе последних новостей, хотя телевизора у нее не было, да и газет она не читала. Правда, телефон у нее не замолкал.

Как-то на вопрос, не хочет ли она принять монашество (при этом имелось в виду, что она останется дома), отвечала: «А вы знаете, какое правило монашеское? Это не в этом мире, не с телефоном...» А сама все же выполняла, по-видимому, немалое молитвенное правило, вставая в шесть часов утра. Будучи уже восьмидесяти пяти лет, она сокрушалась, что «стала ленивая», «по пословице “встаю рано, а пряду мало”», и что после трех часов молитвы с утра приходится ложиться отдыхать.

В ее жизни не было особо примечательных героических событий (по крайней мере, от нее не довелось о них слышать). Конечно, она испытала все тяготы советских лет, гибель отца, мужа (который тоже был репрессирован в 1930-е годы), лишения, связанные с социальным происхождением, полуголодное существование, тяжелый труд, военные годы... Но во всем этом не было ничего особенного, все это и подобное испытали почти все советские люди. Она не была ни в тюрьмах, ни в лагерях, не пережила таких гонений и притеснений, которым подвергались верующие в деревнях. У нее был паспорт, работа, потом пенсия. Хорошая медсестра, ответственная и усердная в своей работе, внешне как будто не выделяющаяся из серой массы советских граждан. Однако в этой своей внешней «непримечательности» она и примечательна была своей внутренней обособленностью и независимостью от советской действительности.

Ее детская мечта о монашеской жизни осталась несущественной. Безбожная власть лишила ее (так же как и отца Гурия) возможности поступить в монастырь, и ей пришлось жить не просто «в миру», а в мире,

крайне враждебном ее вере и убеждениям. Но, несмотря на соприкосновение с этим миром, его тлетворный дух не коснулся ее христианской души. Молитва, к которой ее приучил отец с раннего детства, была для нее главным делом в жизни, и молитвенный дух, который она впитала буквально с молоком матери, не угас в ней до самой кончины.

Одна из первых наших встреч произошла летом 1996 года, когда мы с матушкой Евникией привезли к Марии Аркадьевне монахинь греческого монастыря. Встреча с монахинями поразила ее до глубины души, всколыхнув, вероятно, воспоминания детства. Ее выдержка ей не изменила, и она не подала виду, но в своем письме, которое мы потом от нее получили, написала (тогда и началась наша переписка):

«Для меня было неожиданным посещение таких людей. По телефону сказали, что будут матушки, но в моем представлении было старушки, 2—3 человека, а тут... я даже растерялась, у меня до сих пор перед глазами крест игуменьи, к которому я должна была приложиться. Но увы! Господь, видимо, отнял у меня разум полностью. Не могу простить себе, что я даже не вышла проводить вас».

Она и потом частенько вспоминала о своем «недостойном поведении» и сокрушалась, что не приняла гостей как следует... При свойственных ей гостеприимстве и хлебосольстве, которыми мы потом постоянно пользовались, ее отрешенность и холодность при первой встрече действительно представлялись по меньшей мере странными. А она просто была ошеломлена настолько, что не могла прийти в себя и не верила своим глазам, — вместо привычных маленьких катакомбных бабушек, в платочках и мирской одежде, молодые, высокие, радостные монахини в настоящих черных рясах и апостольниках (да еще с игуменьей). Таких она не видела без малого семьдесят лет! В следующем письме она писала:

«Г. Б.
24/X 96 г.

Дорогая во Христе Лидия!

Приветствую всех и сердечно благодарю за память. Письмо с фото получила 22/X, а бандероль мне принесли 24/X. Выношу великую благодарность. Владыку Гурия я узнала с молодых лет, и сколько я за монаха Гурия молилась об упокоении, т. к. была в полной неизвестности, но так как мой любимый папа был расстрелян, я думала, и отец Гурий расстрелян. Но его Господь спас. Когда я прочитала его биографию, наплакалась, какой он был мученик на этом свете! Когда я узнала, что он жив и бывает в Казани, я просила мне сообщить, т. к. очень хотела встретиться. И вот Господь привел меня уже к владыке Гурию. Я приехала в квартиру, где он останавливался, народу было человек 12. Когда я подошла к благословению, он меня узнал и беседовал со мной очень долго, обо всех спросил, т. к. он знал всю нашу семью.

Я думаю, по молитвам владыки Гурия мне грешной Господь послал матушку Серафиму с сестрами. Такое мне даже не снилось. Я с молодых лет мечтала о монастыре. Так, когда мне говорили, когда я была молоденькая девочка, за кого я выйду замуж? Я отвечала: “Я замуж не пойду, я хочу только в монастырь”. Но вскоре началось гонение, и все монастыри закрыли, разогнали, все разорили. Вот так моя мечта не осуществилась. Если бы матушка Серафима была в России, то, невзирая на свой возраст, я бы попросила ее принять в свою обитель и помолиться у нее перед уходом из этой тленной жизни в вечность. Но увы! “Помышляю день страшный и плачуся деяний своих лукавых”.

Благодарю Бога, что встретила с единомышленниками, которые за меня грешную молятся. Спаси и храни их Господи.

Не могу себе простить свою растерянность при встрече. Я даже не предложила чаю, несмотря на то что у меня при-

вычка, кто меня посещает, обязательно угощаю чаем, а тут у меня Господь полностью отнял разум.

Мне очень хочется размножить биографию В. Гурия и раздать нуждающимся. Ну, как Господь благословит осуществить?

Спаси Господи всех за молитвы о мне грешной.

С любовью во Христе

Греш. Мария».

В дальнейшем мы были с ней в постоянной переписке и не раз еще виделись, бывая в Казани. Записывали на аудио- и видеопленки ее рассказы, чтение и пение. Мария Аркадьевна неизменно поздравляла нас с церковными праздниками. В нескольких письмах присылала тексты духовных стихов. Она знала их очень много. По нашей просьбе кое-какие нам напевала при встречах, хотя и сетовала, что петь уже не может, так как голоса нет.

Вот, например, стих, присланный Марией Аркадьевной вместе с поздравлением к Покрову Пресвятой Богородицы:

«Г+Б

Дорогая во Христе Лидия!

С чувством духовной радости всех родных по духу поздравляю с праздником Покрова Пресвятой Владычицы нашей и Приснодевы Марии. Храни Вас Царица Небесная. Время живем страшное. На все Воля Божия. Спаси и сохрани нас от всякого врага и супостата. Прошу Ваших молитв о мне грешной.

С любовью во Христе многогрешная Мария.

Привет и поздравление с праздником от моей Августы¹⁶.

Мотив стиха при встрече, если доживу. Прошу Господа послать мне смерть христианскую, не потерять разума»¹⁷.

¹⁶ Дочь Марии Аркадьевны Августа Петровна.

¹⁷ Далее на отдельной странице был текст духовного стиха.

«+

Покров Пресвятой Богородицы

В святом Цареграде творит патриарх
Во храме Влахернском моление,
С ним молится вместе Лев, мудрый монарх,
Прося от врагов избавления.
Пред ликом Пречистой там к полу приник
Главою Андрей юродивый.
Вдруг храм озарился небесным огнем —
В нем велие чудо свершилось,
Среди херувимов в величье святом
Пречистая Матерь явилась.
Молящихся в храме усердно людей
Покрыла она омофором.
“Ты видишь ли, видишь?” — воскликнул Андрей
С блистающим радостью взором.
И молвил ему Епифаний в ответ:
“Да, отче, Пречистая Дева
Покровом Своим спасает от бед,
От вражьего страшного гнева”.
И бросивши лагерь свой, злой сарацин
Бежал от стены Цареграда.
Набегу неверных свирепых дружин
Предстала незрима преграда.
Издревле Христов непреложный закон,
Принявши из рук Византии,
И мы с незапамятных древних времен
Все молимся Деве Марии».

А вот одно из последних ее писем с рождественскими поздравлениями и стихом:

«Г+Б

Дорогая во Христе Лидия и все родные по духу. Поздравляю с праздником Рождества Христова, Новолетием и Крещением. Молитвенно желаю, чтобы луч Вифлеемской звезды коснулся нас и рассеял все печали, и скорби, и беды. Господи, помоги все принимать без ропота, на все Его Святая Воля.

Я пока еще потихоньку встаю утром и благодарю Господа за все его благодеяния. Дочь меня посещает ежедневно, иногда даже ночует. Сердечный вам всем привет от Августы и поздравление с РХ. Прошу ваших св. молитв о нас грешных. Ежедневно помнящая гр. Мария»¹⁸.

«Рождество Христово

Ты слышишь райские напевы?
То в небе ангелы поют:
Родился Божий Сын от Девы,
Ему хвалу все воздают.
О, вострепнись душа больная,
Скорей в надежду облекись,
Твой Бог принес тебе из рая
Бальзам небесный, исцелись!
Спешу к нему, он ждет привета,
Как жданный гость из дальних стран.
Он к нам снизшел во тьму от света,
Он врач твоих душевных ран.
Вглядишься: Он весь любовью дышит,
Он жизнь готов за нас отдать;
Молись Ему, он видит, слышит.
Старайся ближе к Нему стать.
В нем слово Отчее сокрыто,
Твое блаженство и покой;
О, будь всегда Ему открыта
И верь, что он Спаситель твой».

Подобные стихи из дореволюционных «Богогласников» были широко распространены в катакомбных общинах по всей стране. Они старательно переписывались верующими и служили им и назиданием, и утешением в их нелегкой подвижнической жизни.

¹⁸ И на отдельном листочке духовный стих, который она нам пела.

Александра Константиновна Бахметьева

7/20 июня 2005 года почила о Господе Александра Константиновна Бахметьева (Шура Рязская, как ее называли в катакомбной среде).

С Шурой была связана целая эпоха в нашей жизни. Мы познакомились с Александрой Константиновной в самом начале 1990-х годов, и наше христианское становление протекало при постоянном с ней общении. Подлинное знакомство с Катакомбной Церковью в ее прошлом и настоящем было бы немислимо без общения с живыми носителями катакомбной традиции. И наша Шура, несомненно, являлась одной из самых удивительных катакомбниц. Ярчайшая личность, но со сложнейшим характером, со своими слабостями и достоинствами, при этом — неисчерпаемый кладезь народной мудрости и духовных поучений. Простая рязанская крестьянка, малограмотная, но наделенная умом и поразительной рассудительностью и в духовных, и в житейских вопросах, она производила неизгладимое впечатление. Воспоминания о ней, ее поучительные истории и рассказы могут быть весьма полезны для всех интересующихся историей Русской Церкви.

* * *

Родилась Александра Константиновна Бахметьева 8 мая 1931 года в селе Сысои Сараевского района Рязанской области. Ее родители, простые крестьяне, были верующие, однако хотя и крестили ее во младенчестве¹⁹, но какого-либо церковного воспитания дать не могли. Церкви в селе уже не было. Свято-Никольский Бавыкинский монастырь, располагавшийся рядом с селом,

¹⁹ «Крестила меня мама в нашей церкви у хорошего батюшки, о. Козьмы, он еще был “не подписанный”. Потом церковь разломали», — вспоминала Шура.

после богоборческой революции был закрыт, а монахини и священнослужители арестованы и отправлены в тюрьмы. До двадцати с лишним лет Александра не имела никакого понятия о церковной жизни. Позднее она вспоминала²⁰:

«Жила, как все девочки мирские, ходила в клуб. А потом заболела неизлечимой болезнью, нервное состояние. Мне двадцать один с половиной год был. Сидела я дома и все плакала, плакала... А тут одна женщина в тюрьму собралась, посетить матушку Магдалину. Та была монахиней Бавыкинского монастыря из нашего села. Я тоже попросилась: “Тетя Поля, возьми меня с собой”, — и к маме: “Мама, дай мне денюжку на дорогу, я в тюрьму поеду”. А мама обрадовалась — девка сидит, тоскует, пусть поедет, чем-то успокоится. Приехали мы, говорим: “К Неклюдовой”. А они: “Она освобождена. Возьмете ее?” А мы не долго думая говорим: “Возьмем”. Они нам выдвигают ее. Ворота там такие... пятиконечные звезды. Выдвигают матушку, и с ней еще двух. Все старенькие. “А этих двух возьмете?” — “Возьмем”. Одна лежит, не двигается, ее назад забрали, она вскоре и умерла. А другая сидела, мы ее взяли, она от нашего села через два села жила.

Про нашу матушку начальник сказал: она чистейшего пути патриарха Тихона. Мы ее повезли в наше село Сысои. Она и говорит: “Как же я буду правило справлять? Мне тяжело, а послушницы нет”. А я ей: “Матушка, я буду к Вам ходить, читать и помогать”. Она: “Хорошо”. А я до этого выучилась читать по-славянски. Были у нас две сестры в деревне, они читали Псалтырь, и я к ним ходила. Стою и смотрю через плечо, так и научилась читать. Одна из них была горбатенькая и не могла ходить толком. Еле-еле. Прямо страсть. Мне ее так жалко было. Я ей говорю: “Мария, пойдём к источнику”. У нас в лесу святой источник. Мы там и с матушкой Магдалиной потом службу справляли. Она говорит: “Я не дойду, как я пойду?” А я ей: “Пойдем!” Пошли. Она ляжет, полежит, дальше идёть. Идёть-идёть, ляжет... А я сижу рядом. Так дошли. А после источника она ходит прямо. Горб остался. Но она ходит и копает огород, и все делает.

²⁰ По аудиозаписи 1993 года и видеозаписи 1995 года.

И вот с этими двумя сестрами и с моей подругой Маней мы и стали ходить к матушке молиться. Матушка всему меня и научила — всем службам, уставу. Она была строгая. Скажет: “Читай!” А я плохо себя чувствую: “Матушка, не могу”. А она властно: “Проканонарь мне и потом ложись, вот койка моя”. Ляжу-ляжу. Матушка: “Саня, вставай!” А то как-то за виски меня потащила к аналою. Я пришла и стою сзади, не подхожу. А она за виски и к аналою: “Читай, пой!” Но я не обижалась...»

О матушке Магдалине Александра всегда вспоминала с любовью и подчеркивала, что именно благодаря ей она встала на путь истинной веры. «Промыслом Божиим я к матушке Магдалине попала», — неизменно начинала Шура рассказ о своей жизни. Это от матушки Шура узнала и о декларации митрополита Сергия, и о последовавшем за ней разделении в Русской Церкви. «Детка, это еще не все», — как-то сказала выучившейся читать и справлять службу Шуре матушка Магдалина. «А что еще нужно, матушка?» — спросила Шура. «А еще нужно, чтобы ты никогда не ходила голосовать и никогда ногой не ступала в советскую церковь». И вот с той поры Шура никогда не голосовала и в церкви не бывала. Она ясно и подробно могла объяснить, почему нельзя ходить в открытые церкви, а кратко как-то выразила это следующим образом: «Потому что там служат “по-красному”, а не по апостольским заветам и потому что советская церковь приняла декларацию Сергия».

Что в открытых церквях служат «по-красному», Шура сама позже убедилась, когда во время какой-то очередной антирелигиозной кампании она лицом к лицу столкнулась с местными властями. Из района за ней приезжали какие-то милицейские чины и настойчиво допытывались, почему она не ходит в открытые храмы. «А какое вам-то дело? — удивлялась Шура. — И почему вы заставляете туда ходить и почему мучаете нас, христиан?» Представители советской власти ответили: «Да потому, что мы строим коммунизм и эта церковь

идет с нами в один шаг. А вы²¹ подгрызаете, как червь дерево, подгрызаете коммунизм»...

Так совершенно аполитичные, тихие и скромные катакомбные христиане, весь протест которых выразался в духовном неприятии безбожной власти и в устранении от участия в ее общественно-политических мероприятиях, представлялись этой властью одними из самых опасных и вредных элементов. И им не должно было быть места ни в светлом коммунистическом будущем, ни в социалистическом настоящем. В сталинские времена их безжалостно уничтожали в лагерях и тюрьмах, а в хрущевские преследовали по закону о тунеядстве, лишали всякого имущества и высылали в Сибирь²². Шура посчастливилось. Ее не стали трогать, по видимому, приняв во внимание ее инвалидность.

А о матушке Магдалине Шура рассказывала еще такую историю. Как-то во время советских выборов к ней в дом направились с избирательной урной. Такова была практика — ко всем не пришедшим на избирательные участки отправлялись на дом и принуждали положить бюллетень в урну. Должно было быть обеспечено 100 % (или 99, 99 %) участие в этой бесподобной акции «выборов», где на самом деле никакого выбора не было, а «тайное голосование» сводилось к собственноручному заполнению заготовленного бюллетеня с избранными и указанными партией и правительством кандидатами.

Знаменательно, что к этой чисто формальной процедуре очень щепетильно относились обе стороны: и безбожные власти, и их духовные противники, верующие христиане. С какой настойчивостью власти при-

²¹ Шура пояснила: «истинные христиане».

²² Правда, эти гонения уже не имели прежней силы и не были повсеместными. Очевидно, их интенсивность зависела в большей мере от местных властей. В Рязанской области, и в частности в Сараевском районе, эти гонения были, и многие христиане, в том числе из Шуринога села Сысои, были отправлены в ссылку в Сибирь.

нуждали их к участию, с таким же упорством истинно-православные христиане уклонялись и отказывались, усматривая даже в чисто формальном участии в выборах причастность к безбожной власти и ее антихристианским целям. Все истинно-православные пастыри категорически запрещали своим пасомым голосовать. Так и матушка Магдалина наставляла Шуру и ее сомолитвенниц. И вот однажды к матушке подъехали в день выборов с урной, а Шура называла ее «урьльником»:

«Стучат. Она: “Кто?” Они: “Мы приехали, матушка, голосовать будете?” Она дверь открыла, поговорили, и она побегла за топором. Она думала, что они полезут в ее келью. Выбегает к ним с топором, положила топор на порог: “Вот, зарубите меня, нежели вы эту пакость протащите ко мне в келью”. А они как увидели топор, испугались и побегли, думали, наверно, она драться с ними будет топором-то...»

В последние годы матушка, по словам Шуры, пребывала в «шоковом состоянии». Перед Пасхой в село нагрянули районные власти и пригрозили матушке, что если на Пасху она будет собирать народ, то ее заберут в тюрьму. В этот момент у матушки уже были люди (вычитывали службы Страстной седмицы). Кто-то из мужиков сказал: «Чего вы приехали пугать старую матушку? Лучше займитесь делом, смотрите, какая сильная вода, вон мосты плывут». А одна девочка, которой «громом» обожгло живот, и матушка ее вылечила, как заплачет: «Никому матушку не отдам, никому матушку не отдам. Матушка меня вылечила, а ваши врачи никак не могли, буду за матушку стоять».

Народ все же решил не собираться, чтобы не подводить матушку. На службе было всего пять человек, в том числе и Шура с Маней. В половине двенадцатого началась страшная гроза, молнии кругом, дождь проливной. Так те из района и не приехали. Службу справили. Но матушка Магдалина, очевидно, после нервного потрясения так и не оправилась, стала какие-то нелепые и

странные фразы говорить, хотя, возможно, она и юродствовала. Как-то Шура съездила на лечение в Москву, а когда вернулась, матушка ее встретила следующими словами: «Ну, побывала в Москве, вся черная приехала, одни зубы белые остались». — «А и то правда, — соглашалась Шура. — Такого насмотрелась в Москве, прожив среди неверующих!» Потом матушка стала требовать: «Меня земля зовет, везите меня на мою родину». Какая земля? Но свозили ее в Самбор, между Рязском и Ми-чуринском. И вскоре матушка преставилась.

* * *

Хотя Шура во всем и слушалась матушку Магдалину, но поиски истинных священников она вела самостоятельно:

«Когда я прочитала книгу Иоанна Кронштадтского “Моя жизнь во Христе”, как один ехал и хотел его увидеть, а ему сказали, что он никогда не увидит отца Иоанна, так и я все время искала священника, а мне все время говорили: “Александра, ты и не думай, ты никогда не попадешь”. А я стану перед иконами: “Господи, пошли мне истинного пастыря и Истинную Церковь, чтобы я смогла спастись и свои грехи одолеть”. И всегда мне Господь открывал.

Сейчас я вам расскажу. Вот когда мы с матушкой молились и с моей подругой Маней, она после службы всегда говорила: “Давайте стишки петь духовные или же жития святых читать”. И вот на такие места напали, где написано, что Истинная Церковь будет до скончания века, что таинства, истинное священство и литургия будет до скончания века. Но мы-то с матушкой молимся, нет у нас пастыря. И мы чувствовали это в себе, что нам чего-то не хватает. Между нами все спор, задор, мы не совершенствуемся. А я этой Мане, своей подруге (она была на девять лет моложе), говорю: “Маня, нам надо искать священника”. Матушке стали говорить. А она: “Батюшков теперь нет. Их всех в тюрьмы посадили”.

Но меня это не удовлетворило, и я стала тайно от нее искать. Вот нам говорят, у нас в районе три матушки живут. Я

поехала и Маню с собой взяла. Говорили-говорили. Я им: “Матушки, вот мы молились-молились, но у нас нет пастыря. А в Писании сказано, что до скончания века они будут и их истинные найдут”. Они говорят: “У нас был Ряжский батюшка, духовник. Но его взяли в тюрьму, замучили. Но вот знаете, вы поехали в Тамбовскую область, в Моршанск, там есть две матушки, и у них есть истинный батюшка, катакомбный. Улица там двойная”. Когда я их потом спросила, почему же они сами не ездят к ним, если у тех есть священник. Они говорят: “А мы боимся, что нас посадят”.

Но как я поеду в город, где я сроду не была? И как я буду искать этих матушек, двойной переулок, и как они ко мне отнесутся? Но помолилась Богу и поехала. Вы знаете, поехала искать, — *здесь Шура даже прослезилась*. — Как вспомню, прямо не могу... Вот как помню, приехала я в этот Моршанск. Вот как сейчас. С этими грибами тоже. Всегда я с этими грибами. Вот я повесила грибы на руки, на ниточки низала. Вроде я хожу по домам и продаю, чтобы мне этих матушек найти, у которых батюшка. Вот слушайте, это прям история!

Я подхожу, нашла этот двойной переулок. Но как найти матушек? Люди там идут. Я спрашиваю, кому грибы нужны продажные. А то как подойти? Что подумают? Может, какая предатель ходит. Тогда ведь боялись. Потом спросила, нет ли тут матушек. Женщины сказали, есть, есть матушки, и напротив дом показывают. Я захожу к ним. (Это мой первый поиск этих батюшков.) Пришла к ним. Богу помолилась. Две матушки. И говорю:

— Матушки, вам грибы не нужны?

— Да, нужны, только вот денежков-то нет.

Я им отрываю ниточку:

— Возьмите ради Христа. Матушки, скажите, вы в церковь ходите или нет?

А они такие прямые:

— Да, детка, мы в церковь ходим.

— А мне нужно таких матушек, которые в церковь не ходят.

Они мне сказали дом, номер. Я иду к тем. А эти в советскую патриархию ходят, зачем мне они? Какие они катакомбные? Иду к другим. Пришла. Так прямо открывают, от

чистой души открывают. Я зашла к ним, Богу помолилась, пропела. Одна матушка Евдокия, другая Пелагия. Я говорю:

— Матушки, вам грибочки?

— Да они дорогие...

Ну, я им тоже оторвала и говорю:

— Матушки, вот я к вам приехала, станция Вёрда. Там матушка Анна была, Нина и Мария.

— Да, мы их очень хорошо знаем. Ну а вы что к нам?

— Матушки, мне так хочется истинного священника.

— Есть у нас.

Я спрашиваю:

— А мне можно к нему?

— Можно, но поездите к нам год, помолитесь. Мы вас проверим, узнаем.

Проверим, узнаем... И мы ездили к ним год. Год! По поезду, по автобусу к ним каждую Божию неделю, каждый Божий праздник. Это расстояние... Полтора часа поездом и полчаса автобусом или машиной грузовой в один край. Но это с пересадками, очень долго. Вот мы так ездили к ним. Потом они повезли нас к священнику. Так мы узнали батюшку Виссариона. Он жил в селе Ляда Тамбовской области, между Тамбовом и Моршанском. А оттуда узнали воронежских. И так постепенно ниточка шла, и шла, и шла... И подошла до тех пор, пока я сюда в Москву попала...»

Здесь Шура несколько отвлеклась от повествования, а слушающие стали спрашивать ее о практике причащения катакомбников:

«Старенькие матушки не ездили, или сам батюшка их Запасными Дарами причащал, или если сам был слаб, то посылал матушек. Благословит такой сосудик, там Дары. Вот матушка приедет, расстелит, что-то там положут, и те, кто причащается, прямо сами подходят и ротиком берут, это сухие Дары. А кто мог, тот сам ехал. Трудно все было...

— А как отпевали?

— Вот у меня родители умирали. Был отец Иларион в Туле, он прислал матушку. И она приезжала с Запасными Дарами, на груди везла. Отец Иларион сказал: если мама умрет, то схоронишь, приедешь ко мне, я отслужу погребение.

Когда она умерла, я поехала к отцу Илариону. Он погребение отслужил.

— А-а, заочно.

— Нет, при мне.

— При вас, но мамы-то не было.

— Ну, мамы не было. Но это можно. Это икономия, по нужде. Отслужил, землю дал и сказал: “Вот, вырой на могилке землю крестом и туда землю засыпь”. Я так и сделала. И то же с отцом».

К отцу Илариону Тульскому Шура попала через каткомбных матушек в Воронеже, матушку Маргариту (Чеботареву) и других. После кончины отца Илариона Шура окормлялась у отца Михаила Рождественского, о котором узнала также через воронежских матушек.

«Отец Михаил был истинный пастырь. У него много было людей. Все к нему, и из Питера, и из Воронежа, и из Сибири, отовсюду, со всех мест. Я ездила к нему на службы в Москву. Он служил у Акима Ивановича... Вот, не помню точно адрес, знаю, что рядом с метро “Войковская”. Причащал отец Михаил Запасными Дарами. Литургию, когда выезжал, не служил. Опасно было. Он служил только у себя дома, в Брянской области, где жил после лагеря. Я у него была несколько раз, когда он служил там. Я все время ездила. Мама все боялась за меня: “Ой, девка, я боюсь, тебя посодют”. А я: “Мама, не посодют”...

Однажды отец Михаил говорит мне: “Нужно поехать к отцу Тимофею, отвезти письмо”. Летела я на самолете. Из Москвы — в Краснодар, а оттуда в Майкоп. Да еще в Орле — пересадка, я почему-то не сквозным летела. Мне с сердцем плохо. Мама ничего не знала. Если бы она узнала, куда я летаю, она бы ахнула. Никто меня не провожал. Я боялась. Как же я полечу, мирская девка? Как кого-то искать? Все на меня смотрят, а я по-деревенски одета. Говорят: “Девушка, чего ж ты так бедно одета? Тебя бы нарядить и преобразить, ты же будешь ох”.

В Майкопе нашла улицу, дом отца Тимофея. Изба, как и моя, только стоит в конце. Стучуся. Выходит отец Тимофей, такой радостный старичок. Штаники на нем простые...

Ни дать ни взять, как владыка Гурий. Штаники на нем простые, рубашка простенькая и, как раньше старички препоясывались, поясок сверху. Я ему говорю, что я от отца Михаила письмо привезла. Они сидели вместе и знали друг друга. Он пригласил в дом. Домик у него — две комнатки. В одной служит литургию. Три матушки с ним. Это хорошо, что три, а то бывает, что два человека чужие живут, а это неправильно. Матушки скромные, никуда не вникают и не встречаются.

Отец Михаил пишет отцу Тимофею: нам надо найти епископа. Отец Тимофей посылает меня в Краснодар. Там есть Федя Журбенко. У него родственник за границей, он может что-то узнать. Приезжаю в Краснодар, нахожу дом, открывает дверь девка, девка хорошая, пропускает меня: “К сожалению, Федя нет. В тюрьме, посадили... Из-за чего? Он имеет связь со старинным епископом. КГБ приходила и требовала: или поступай на работу, или иди в нашу церковь. Он не согласился”. Домик тот, где жил Федя, принадлежал катакомбной матушке Наталье. Она была высокой духовной жизни. К тому времени уже умерла. Домик — прямо настоящая церковка. Иконы все старинные...

При мне стали собирать в тюрьму посылку. Хлеб разрезали, кусок вынули и письмо вовнутрь заткнули... Я уехала и больше туда не ездила, только слышала, что Федю старинный епископ не благословил на священство, а он, после того как из тюрьмы вышел, не послушался и поехал в Сибирь и принял хиротонию от неправильного. Потом уже слышу, он епископ.

Когда отец Михаил помер, я приехала в Воронеж к матушке Феодосии (Феклуше). Там был священник отец Иоанн, поставленный Лазарем. Тогда к нему никто не шел. Матушка Марионилла говорила: мы боимся, что они с красными связаны. И ведь правы матушки-то оказались, как в воду глядели. Но я тогда присоединилась к нему, и как будто все было хорошо и правильно. Ведь у Лазаря был хороший корень, он воспитывался и в молодости был с истинными катакомбниками, а вот потом... Я слышу, что он благословляет ходить на службы в открытые храмы. Слышала в Тамбове и в Воронеже. Когда я к Елене попала (в Москву), она сказала: “Да, он меня посылает, чтобы я там молилась, не причащалась, но

молилась”. А я ей: “Но зачем с еретиками молиться... Это неправильно”. Это провальная яма, нет там истинным христианам дороги.

О, теперь мне третий свидетель свидетельствовал, что Лазарь в какой-то части связан с ними! Я убедилась, что он уклонился. Я ведь боялась отойти сразу, вдруг он истинный. Ведь есть грехи, которые не лишают сана. И я старалась точно узнать, правильный он или неправильный. И когда мы точно узнали, что он где-то в Сибири от какого-то неканонического принял священство и год в открытой этой патриархальной церкви служил. Год в открытой патриархальной церкви служил! А когда этот Миша из Мордовии приехал, и Елена наслушалась, и когда Миша к Лазарю поехал, мы просили, задайте ему вопрос, что вы год служили в советской церкви и вы должны это осознать и сказать: простите, я здесь ошибся. И все, и больше здесь нет ничего. Но мешает гордыня. Не может человек сказать: да, простите, я ошибся. Теперь, когда Миша поехал к нему, а Лазарь говорит:

— Что им надо от mine?

— Да им что надо? Чтобы вы осознали, да и все, признались, что год служили в открытой церкви, признали себя повинным, да и все. И больше тут нет ничего...

— Я этим бабам буду говорить, что я ошибся?!

Понимаете... Ну, ладно, я согласна — бабы... Ну, бабы, бабы, но ты ведь пастырь, ты ведь ведешь, а мы-то за тобой идем. При чем тут бабы и мужики? А на это он сказал: “А кто может знать, что я год в открытой церкви служил? Знала только одна КГБ, боле никто не знал”. Ну, мы и ошалели, знала одна КГБ! Все — на этом разрыв. Потом, как они в Суздаль поехали, в открытую советскую патриархию. Это тоже нельзя. Как мы вот придем сейчас в открытую церковь? Есть ли нам там сейчас место?

Я никогда не была в открытой церкви, я никуда не хожу, мне матушка строго сказала: никуда. Это вы, москвичи, ходили в церкви, а я никогда не ходила. И к мощам не ходила... А вы там как хотите, а я не пойду. К мощам? То ли они есть там, мощи, то ли нет, то ли правильные, то ли неправильные?.. Всё везде оскверненное... Я вас не осуждаю, но сама не пойду...»

После того как они отошли от Лазаря, нужно было опять искать истинного пастыря. И Шура сказала Елене: «Давай молиться Богу, и Он укажет». Но вот в Москве появился отец Гурий, и Шура безо всяких колебаний присоединилась к нему, а затем вместе с ним перешла в ИПЦ Греции²³. О владыке Шура отзывалась как об истинном пастыре и высокодуховном человеке, сравнивая его с отцом Михаилом и отцом Тимофеем, которые, по ее словам, были «ни в чем неприкосновенными», то есть строгой и безупречной в нравственном отношении жизни. О службах владыки Шура рассказывала с восхищением:

«После исповеди у него и причастия такую благодать почувствовала! Целый месяц пребывала в каком-то необыкновенном состоянии, покойном, мирном. Ни с кем не хотелось ни разговаривать, ни спорить, ни судачить».

Позднее Шура переживала из-за скорбей, которые пришлось претерпевать владыке Гурию. Она все удивлялась дискуссиям о благодати в Московской патриархии и была до глубины души возмущена, когда услышала об этом от тех, кто добивался у епископа Гурия рукоположения в священнический сан. Шура сразу обратилась к владыке:

«Владыка, кого вы хотите рукополагать? Они там за стеной талдычат о благодати для каких-то старушек Московской патриархии. А я тоже старушка, так что же мне в патриархию идти? Если там благодать, то чего мы тогда по избам сидим?»

Позднее Шура ездила к владыке в Чувашию и по возвращении с восторгом рассказывала:

«Вот настоящие подвижники, ни света и ничего у них нет, избушка бедненькая, какие-то узкие деревянные лавки...

²³ Синод архиепископа Авксентия.

А Зинаиду я как увидела, так сразу поняла, что она инокиня. Я ей сразу сказала: “Матушка, я вас иначе не могу называть, мне кажется, вы не простая мирская женщина, а духовного звания”. И она призналась: “Да, я инокиня, Феонилла”²⁴. Владыка ее тайно постриг».

Получив известие о кончине владыки Гурия в январе 1996 года, Шура горько заплакала, запричитала:

«Ой, закатилось наше солнышко ясное”. Племянник Вася пришел, а я кричу²⁵. “Шурань, — попытался меня утешить Вася, — да не горюй. Владыка был старенький, и не разобрать, что и говорил, и плохо слышал”. А я все кричу безутешно».

Потом Шура все хотела поехать на могилку к владыке. Собралась в январе 2000 года. Навестила матушку Филониллу и побывала у них на празднике Богоявления. На обратном пути рассказывала, как празднуют этот праздник у них в селе Сысои:

«Крещение праздник, Богоявление как мы встречаем. Царские часы прочитаем, если они не отлагаются, как вот нынешний год — они отложились на пятницу. Мы начинаем их в десять часов утра. Пока прочитаем... совокупляется вечерня. Ее ни в коем случае нельзя раньше двенадцати начинать. Нужно рассчитывать, чтобы она совокуплялась после двенадцати часов дня. Вот поэтому я и матушке Филонилле говорила: “Куда вы спешите?”

Вот, потом что... Вот кончается эта вечерня, потом мы уже “готовимси итить” на Иордань, ночью, к двенадцати часам. У нас уже все село в тревоге. Рубим там, где я молюсь, эту Иордань. А иной раз, кто может, прямо церковкой, и купола “стоять”, и кресты. “Яблоко” — главная Иордань, а в

²⁴ Шура тогда перепутала имя, и лишь спустя год или более выяснилось, что владыка дал при постриге имя «Филонилла», в честь святой мученицы Филониллы, сестры мученицы Зинаиды. День их памяти 11/24 октября.

²⁵ «Кричать» означало «громко плакать».

церковку воду еще не пускают. А перед тем, как мне выходить на реку, берут топорик или лопатку и просекают то, что там отставляют чуть-чуть, чтобы вода туды не шла, потом это просекают, чтоб пошла вода. Вот это “яблоко”-Иордань — главная вода и пойдет по церковке. Она выделяется, водичка в ней так, ветром ее качает, она плещет, и все так — невозможно!

Так... Что я делаю — я выхожу, читаю акафист Спасителю с отпевом: “Возбранный воевода и Господи ада победителю” (*поет*) и продолжение и дальше молитву “О, пресладкий и щедрый”... Кончаем. Что потом? Мы поем: “Тебе Бога хвалим”. Вот я хотела там у матушек спеть, постеснялась... После поем ирмосы все крещенские, которые в каноне стоят. Вот, например, у нас так поют: “Глубины открыл есть дно и сушею твоя” (*поет ирмос*). И все по порядку до 9-й песни. Пропоем, потом поем тропари, которыми освящается вода, которые дважды, которые трижды. Дальше мы поем “Во Иордане крещающа Тебе Господи”, так три раза. Первый раз запоем “Во Иордане крещающа Тебе Господи” (*поет*). И выпускают двух голубей в это время. Они лягают над этой Иорданью. А все смотрят: “Куда полетать, куда полетать”. Если на лес полетели, то год будет неурожайный, если полетели на поле, то урожай. И все точно так бывает.

Опять второй раз поем: “Во Иордане...” И опять пускают двух голубей. По мне прямо мороз идет. Так интересно. Опять пропоем третий раз, еще голубей выпускают двух. Если кто не успел поймать двух, то хотя б одного. И я говорю: “Черпайте!” Вот тут народу много, черпают все... Крест я не опускаю, я не имею права. Но вода держится много лет. Святая. Потом поем: “Явился еси днесь вселенней”. Потом я оборачиваюсь и спрашиваю: “Кто трудился и просекал Иордань?” Мужчина говорит: “Я”. Я спрашиваю: “Как тебя звать?” Там тёмно, ничего не видно, мы со свечами стоим. Ага, сказал. Спрашиваю, которые сотрудники, — сказал. Еще какой. Все сказали. Начинаю: “Спаси, Господи, люди твоя”. Потом начинаю своих владык поминать, особенно отца Виктора. Этих помяну, предстоящих и молящихся, которые со мной стоят и читают. И начинаю такой непростой напев: “Мно-гая ле-е-та, многая ле-е-та, многая,

многая лета, ле-е-та” и третий раз. Это я так научена ма-тушкой Магдалиной. Так пели у нас в нашем женском монастыре. Аминь».

Тогда же Шура поучительно рассказала и о встрече Нового года:

«Мы должны, православные верующие, не спать и в двенадцать ночи должны, в то время, как они (неверующие) беснуются, мы должны Новый год встречать так — обязательно акафист Спасителю “Тебе Бога хвалим”, и всех за здоровье своих, особенно этих батюшков наших, епископов, которые об нас день и ночь молятся и думают. Ну, вот так я встретила Новый год».

Вспомяная Александру Бахметьеву

Впервые с Александрой Константиновной Бахметьевой мы встретились в 1990 или 1991 году. Первая встреча сохранилась в памяти довольно смутно. Это было в квартире, вернее, квартирах многодетной семьи Петровых в Новокосино, ставших в то время своеобразным церковным центром катакомбного движения. Мы тогда побаивались катакомбников, которых там встречали. Они казались нам суровыми и неприступными, словно подвижники первых веков из какой-нибудь Нитрийской пустыни или с Синайской горы. Мы страшились с ними заговорить, не зная, как это правильно сделать, и опасаясь сказать что-то неподобающее.

Александра тогда сама заговорила с нами. Внимательно оглядела нас своим цепким взглядом и спросила, кто мы, откуда, с кем живем. Выглядела она как типичная деревенская старушка в платочке, несколько сутуловатая. Лицо, изборожденное глубокими морщинами, серьезное и строгое. Потом мы ее не видели, но частенько слышали от Елены Петровой, что вот Шура приезжала, вот Шура сказала, вот открыла и так далее. Шурин

авторитет был непререкаем. Мы ее уважали и продолжали побаиваться.

С лета 1992 года, после нашего присоединения к Авксентьевскому Синоду ИПЦ Греции, мы стали видеться чаще. Шура присутствовала на знаменательном крещении «пришедших в одиннадцатый час» (вернее, «без четверти двенадцать»). Накануне вылета отца Виктора с семьей, вечером, когда уже смеркалось, она шла вместе со всеми к Белому озеру несколько километров (автобуса мы так и не дождались). Наше шествие представляло забавное зрелище. Священник в рясе, американские дети, наша многочисленная московская молодежная группа, бородатый катакомбник с мешком за плечами и в рубахе навыпуск, подпоясанной веревкой, катакомбные бабушки в платочках, а Шура еще и в мягких домашних тапочках. На следующий день мы в том же составе провожали отца Виктора и в аэропорту Шереметьево смотрелись наверняка еще забавнее. Но какие же все были тогда близкие, родные!

* * *

Через несколько месяцев Шура предложила нам приехать к ней, пообещав познакомить со своими «истинными». Мы согласились, но определенно ни о чем не договорились. Однако вскоре раздался междугородний телефонный звонок, и Шура повелительным тоном велела нам выезжать. Был конец февраля 1993 года. Снегопад, морозы. Тем не менее мы с маленькой Таней собрались и выехали в ночь на поезде с Павелецкого вокзала. Ранним утром сошли по Шуриному указанию на станции Вёрды, в потемках как-то добрались до рейсового автобуса и доехали до Шуринового села.

А там, выйдя на открытое место, продрогли в первую же минуту на ледяном ветру. Увидав наши городские нейлоновые пальтишки и тонкие платочки, какая-то деревенская женщина запричитала: «Ой, мил-моя,

что ж вы так залысились-то? Померзнете ведь совсем...» Не помня себя, мы как-то добежали до Шуриного дома, на который нам указала жалостливая женщина, и долго отогревались на Шуриной русской печи. Приходили ее соседки, любопытствовали, а мы еще долго не слезали с печи, пытаясь и отогреться, и отдохнуть после полубессонной ночи в поезде. Мы не представляли, какая нам еще предстоит ночь впереди!

А Шура тем временем управлялась по хозяйству и серьезно готовилась в дорогу. Она позаботилась о нашем утеплении, выдала нам теплые платки, носки. Плотнo пообедав, мы уже в сумерках двинулись в путь. Снегопад не прекращался. Но нам удалось дожидаться какой-то попутной машины на шоссе, которая довезла нас до станции. Там мы сели на рабочий поезд, который доставил нас до Мичуринска, откуда Шура предполагала на ночном поезде ехать в сторону Воронежа. Но вот незадача, расписание изменилось, и первый поезд должен был быть только ранним утром. Нам ничего не оставалось, как коротать ночь на ужасном Мичуринском вокзале.

Мы присели на полуразваленные деревянные скамьи. Отовсюду сквозило, и морозный воздух врывается клубами в постоянно открывающиеся двери. Кругом было сыро и грязно. При этом в соседнем зале прямо на мокром заплеванном цементном полу под белоснежными пододеяльниками расположились на ночь цыгане. От одного взгляда на это фантазмагорическое зрелище становилось еще холоднее и тоскливее. Мучительность ожидания этой бессонной ночи усугублялась постоянной болтовней словоохотливой бабки в модной меховой кепке, которая сидела, вернее, бродила рядом с нами в ожидании открытия городского рынка. Она привезла на продажу свою старинную прялку и то приставала к нам с пустыми вопросами, то предлагала нам пойти торговать с ней. Шура не поддерживала этот бред и сидела насупившись.

Наконец объявили наш поезд. Мы побежали на платформу, стоянка была всего 1–2 минуты. И... о, ужас! Двери поезда открывались с другой стороны платформы. Нам пришлось обежать весь состав и буквально ввалиться в последний вагон почти на ходу. Мы как-то доползли до своего вагона и, счастливые, оказавшись наконец в тепле, буквально упали на голые полки. Проснулись мы, когда было совсем светло, поезд уже подходил к Воронежу. Шура была огорчена. Оказалось, что поезд не остановился на нужной станции, где обычно он делал остановку и где Шура нас хотела познакомить с какими-то старенькими катакомбными матушками.

В Воронеже снегопад не прекратился, а только усилился. За два дня, проведенных там, мы так и не смогли никуда выбраться, как планировала Шура, и посетить всех ее истинных. Трамваи не ходили, автобусы изменяли маршрут или вовсе отменялись. Мы так и бродили в метели, словно по заколдованному городу. Катакомбные матушки, жившие в своем домике почти в центре Воронежа, не открывали, сколько Шура ни стучала. Единственным утешением и прибежищем стала маленькая, но уютная хибарка милейшей матушки Феклы, Феклуши, как ее назвала Шура. Не помню, как мы вошли, то ли она открыла, то ли дверь не была заперта. Но помню, как мы уже стояли в комнатке под низеньким потолком. На стенах и в красном углу было много икон.

При входе Шура обратилась к матушке: «Матушка Феклуша, ты одна?» А та слабеньким, но радостным голоском ответила: «С Богом!» И ее старческое личико при этом сияло. Я помню, нас поразили этот свет и ангельская кротость ее лица. Матушка искренне была рада и Шуре, своей давней знакомой, и нам, хотя видела нас впервые. Старенькая, маленькая, сгорбленная, но очень подвижная. Ей было уже глубоко за восемьдесят. Всю жизнь она провела в Воронеже. Помнила еще дореволюционное

время, когда девочкой ходила на службы в прекрасные храмы. Потом на ее глазах храмы закрывались и разрушались. Церковная жизнь уходила в подполье, в катакомбы двадцатого столетия²⁶, которые в большом количестве возникали по всей территории СССР.

И маленькая хибарка матушки стала одной из таких катакомб. Многие годы здесь, почти в самом центре Воронежа, собирались верующие, приезжали тайные священники и совершали тайные богослужения. Служили по ночам, люди приходили по одному в темноте, осторожно. Однако соседи все-таки знали, что происходит, но, к счастью, относились снисходительно и не доносили. Ах, как я жалею, что мы тогда ничего не записали и не расспросили подробнее ни об этих богослужениях, ни о жизни матушки Феклы! Единственное, что запомнилось, как матушка все горевала, что теперь, когда нет гонений, стало хуже. Тогда, несмотря на опасность и преследования, они были все вместе, люди пламенели ревностной верой. А теперь при свободе возникли новые искушения, всё сникло, и все разбрелись кто куда. «Что же мы так порассыпались?» — утирая слезы, причитала матушка Фекла, когда они сидели с Шурой, вспоминая прежнее время, и Шура напевала ее любимый покаянный духовный стих.

Однако все же не о десятилетиях тайного моления и служения, которые заняли всю ее жизнь, вспоминала матушка. Нет, ее мысли все время возвращались к ее детству, к далекому дореволюционному времени. Открытые благолепные храмы, торжественные богослужения, потрясающий душу колокольный звон, особенно на Пасху, великолепные крестные ходы, блеск хоругвей и окладов на иконах, море счастливого православного народа... Все эти далекие-далекие воспоминания детства, как это обычно и случается с людьми в

²⁶ Об их «бестелесности» с такой постыдной легкомысленностью уверял Всезарубежный Собор в 1974 году писатель А. Солженицын.

глубокой старости, стали для нее более близкими и отчетливыми, чем воспоминания недавних лет. И мы, сидя в ее убогой катакомбной келейке, так почти ничего и не услышали о катакомбной жизни, а слушали, затаив дыхание, ее незатейливый, но вдохновенный рассказ о тех далеких благословенных временах и мысленно силились представить себе былое величие и славу православной империи.

Потом приходили какие-то люди, что-то спрашивали, о чем-то договаривались, кажется о службах, что-то приносили. Пришла женщина, не знакомая ни матушке, ни Шуру, и стала доставать из сумки домашний творог, молоко и, кажется, даже блины. На изумленные взгляды она лишь проговорила: «Это вам, матушка. Вы меня не помните, а я такая-то...» Вечером служили вечерню. Все это уже очень смутно запечатлелось в памяти. Мы очень устали после мучительной дороги и неудачных попыток выбраться из занесенного снегом города по намеченным Шурой маршрутам. Но уезжали мы из Воронежа с теплым чувством, навсегда запечатлев в душе ангельский образ матушки Феклуши.

Общенья с ней и с Шурой во время нашего путешествия было вполне достаточно для нашего первого знакомства с катакомбной жизнью. И в Шурином домике, и в келейке матушки мы могли действительно воочию эту жизнь увидеть. А в мучительности самого пути, бесконечных пересадках и неудобствах почувствовать ее тяготы и трудности (хотя бы в самой незначительной мере). В дальнейшем нам довелось узнать о катакомбной жизни больше. Мы познакомились с паствой пригнопамятного владыки Гурия, часто бывали в катакомбных кельях в Чувашии и Казани. И с Шурой стали видеться чаще, она теперь регулярно приезжала в Москву. И мы всякий раз старались записывать ее рассказы и песнопения. Они, конечно, непередаваемы ни в каком изложении, поскольку у Шуры была очень колоритная, образная речь и интересный говор.

* * *

Приезжая в Москву на службы в часовню преп. Серафима, Шура молилась, пела, рассказывала, наставляла. Помнится, всегда строго делала замечания в отношении одежды прихожан. Требовала, чтобы не только на службе, но и вообще в присутствии священнослужителей женщины и девушки покрывали головы платками. «Подвяжись!» — неизменно строго говорила Шура. Понятно, что не могло быть и речи о брюках на женщинах. Безо всяких слов было ясно, что Шура это безобразие не потерпит, где бы то ни было. Как-то летом она была страшно возмущена тем, что все пришли в церковь в рубашках и футболках с коротким рукавом: «Это что же вы, как пионеры, вырядились!» Тогда же заметила одной женщине в ярко-красной блузке: «Ты прямо как огонь! Как же так можно? Здесь батюшки, владыка... А ты прямо огонь!»

Шура, как и все катакомбники, не признавала нового летнего времени и ни в какую не соглашалась начинать пасхальную службу по новому времени. Помнится, как на Пасху 1993 года Шура приехала поздно вечером, когда мы уже хотели начать. И вдруг она категорически заявила, что нельзя начинать по новому (летнему) времени, что это время советское и что нужно по старому, то есть соответственно на час позже. Все наши уговоры были бесполезны, как и доводы о том, что если уж держаться строго старого времени, то нужно начинать на два часа позже, поскольку советская власть после революции уже перевела часы на час вперед. Однако, как ни странно, об этом советском декретном времени Шура не знала...

Шура живо откликалась на все события в Москве и всей душой переживала наши скорби и радости. Одобряла поиски земли и домика для церкви в ближайшем Подмосковье. Ездила смотреть участки земли. Так, в

марте 1996 года мы с ней долго бродили по сугробам в окрестностях Дедовска, отыскивая по неточно указанной схеме участок земли со старым домом. Когда наконец, намаявшись, мы его нашли, Шура внимательно все оглядела и расстроилась: «Я думала, здесь домик маленько похиленный, но здесь... Этот дом никуда не гожд». И твердо повторила это перед видеокамерой и добавила, что она не советует его покупать. А в отношении участка земли сказала, что земли-то много, но сколько рук надо, чтобы все это обрабатывать и держать в порядке... Позднее Шура побывала на других, уже купленных участках, все одобрила, прислала племянников на строительство фундамента. И также переживала из-за искушений, связанных со строительством.

* * *

В январе 1997 года Шура побывала в Америке. Она давно хотела посетить греческие монастыри в Бостоне, ненадолго и зимой, когда нет полевых и огородных работ. Попросила остаться на хозяйстве племянников. Получила паспорт, вернее, паспорта, до той поры у нее паспорта не было, как и у многих христиан в ее селе. Пришла она в районную милицию и спросила, как ей поехать в Америку. Там не удивились вопросу, а сказали, что ей нужен заграничный паспорт, чтобы его сделать, нужно приглашение, фотографии и внутренний паспорт. «А у мене нету паспорта и никогда не было», — сказала им Шура. «Ты что, бабка, сдурела? — изумились в милиции. — Плати штраф». Сделали ей оба паспорта. Визу в американском посольстве она получила без всяких проблем, заявив на интервью, что любит Россию и ни за что в Америке не останется.

2 января с двумя сопровождающими Шура вылетела из Москвы на самолете итальянской авиакомпании. Одетая она была в свою издавшую виды шубу и любимые валенки с калошами. На голове толстый пуховый пла-

ток. Уже в самолете она привлекала внимание своим необычным для пассажиров международных авиалиний видом, особенно когда вытатила спицы и начала вязать носки — прямо-таки какой-то сказочный персонаж типичной русской бабушки, вдруг оказавшейся на борту «боинга». Еще более необычно и забавно она смотрелась в Риме, где по маршруту была пересадка с остановкой и ночевкой в гостинице. Шура очень недоверчиво отнеслась к сияющему чистотой номеру гостиницы. На белоснежное белье на великолепной кровати она положила свою пропахшую навозом и дымом шубу и, поморщившись, сказала: «Я не знаю, кто тут до меня спал». На следующее утро в той же шубе и валенках она ходила по Риму, несмотря на то что шел дождь и температура воздуха была +15°.

С валенками потом в самолете приключилось следующее. При посадке в Бостоне Шура засобиравалась, готовясь к выходу. При этом она все никак не могла нащупать под сиденьями свои валенки, которые сняла еще в начале полета. Отстегнув ремень, она поднялась, чтобы нагнуться и заглянуть под сиденья. Самолет хотя уже приземлился, но еще катился по взлетной полосе. И итальянская стюардесса воскликнула: «Синьора, синьора...» — «Какая там синьора, когда я валенки потеряла!» — в сердцах ответила Шура.

В Риме за полдня до нашего рейса в Америку мы успели посетить собор Св. апостола Павла, Колизей и древний собор Санта-Мария Маджоре. А на обратном пути побывали в Ватикане, в соборе Св. апостола Петра, в соборе его вериг и в катакомбах Домициллы. «И театры выше храма чтут неверные сыны», — продекламировала Шура при подходе к Колизею. Развалины Колизея произвели на нее тяжелое впечатление, а когда ей сказали о тысячах христиан, замученных на его арене, она перекрестилась и, не обращая внимания на многочисленных галдящих туристов вокруг, громко запела тропарь мученикам:

«Мученицы Твои Господи во страданиях своих венцы прияша нетленныя...»

При входе в собор Святого Павла Шура запела «Апостолу Святой Павле, моли милостивого Бога». А внутри у гробницы святого апостола пела тропарь и стихиры. Необычно звучал ее деревенский напев во мраке огромного католического собора. Потом внизу у самой гробницы Шура углядела двух женщин и католического священника, негромко читавшего молитвы. Шура возмутилась, почему женщины стоят без платков, и даже попыталась им жестами показать, что надо бы покрыть голову. «Как же так, ведь стоят у мощей апостола, который писал, чтобы женщины покрывались!» Однако ее внушения не возымели никакого действия.

Дальше Шуру ждали еще большие разочарования. Католические храмы ей очень не понравились. Ни к св. мощам апостола Петра в Ватикане, ни к его веригам в другом соборе Шура не только не смогла приложиться, но даже и приблизиться. Католики держат их как музейные экспонаты в стеклянных ящиках и за стеклянными витринами, к которым невозможно подойти ближе чем на пять-десять метров. Помнится, как мы с Шурой все кружили по собору Апостола Петра в поисках его мощей и многократно спрашивали о них у служащих. Шура опять прибегла к языку жестов и мимики и показывала, что она хочет приложиться к мощам. Ее совершенно не понимали и пожимали плечами. Наконец, спустившись куда-то глубоко вниз, мы нашли св. мощи апостола, упрятанные за стеклянные стены. Шура негодовала. Возмутилась она и многочисленным, почти языческим скульптурам и живописи, отсутствию какого бы то ни было благочестия у посетителей. Никакой духовности, как и во всей римской публике, которую она видала. «Ну и Рим... Ни одного истинно верующего. И все бабы в брюках. Это же надо, за целый день ни одной женщины в юбке не

увидели. Все, все, даже старухи в брюках», — недовольно бурчала Шура весь вечер.

В электричке по дороге в аэропорт, поглядывая на проплывавшие за окном пейзажи Вечного города, Шура пространно рассказывала историю о посещении Афона Богородицей, когда там было полно кумиров и идолов. «Как Мать Божья на Афон прибыла, и там были одни идолопоклонники, так вот и Рим... Нас сюда занесло Промыслом Божиим», — размышляла Шура. А на вопрос еще в первый день в Риме: «Шура, как тебе Рим?» — она, степенно поправив платок, ответила: «В духовном смысле — никуда!» Лишь в римских катакомбах Шура несколько смягчилась и оттаяла. И во время короткой экскурсии (в катакомбы не пускают самостоятельно и обязательно выделяют экскурсовода) благоговейно прикладывалась к фрескам и гробницам римских первохристиан, ощущая с ними духовную связь и единство. Она все пыталась рассказать участливому экскурсоводу о российских катакомбниках и сетовала на бездуховность римских католических храмов и их столь резкое отличие от простоты и духа римских катакомб.

Знаменательно, что в Ватикане мы долго не могли узнать дорогу к катакомбам. Как ни странно, многие служащие, к которым мы обращались, недоуменно разводили руками. Шура все торопила и указывала, спросить того или этого. Наконец, потеряв терпение, вдруг сама обратилась к молодому капуцинскому монаху, который, к нашему удивлению, ее понял и ответил на русском языке. Оказалось, что он чех и учил русский язык в школе. Шура стала расспрашивать, как они молятся и чем их вера отличается от нашей православной веры. В конце беседы мы указали монаху на огромную статую апостола Петра с мечом в руке как на самое наглядное выражение заблуждения Католической Церкви, позабывшей знаменательные слова Спасителя, сказанные апостолу Петру в Гефсимании в ночь на Страстную пятницу.

В Америке Шура пребывала в Рождественском женском монастыре в Бостоне, посещала приходы и гостеприимные дома русских православных. Как особое благословение восприняла поездку в Джорданвилль, особенно возможность приложиться к гробнице митрополита Филарета (Вознесенского), которого очень почитала. При посещении Ново-Дивеево с монахинями бостонского монастыря попросила отвезти ее в Синод РПЦЗ. Хотела приложиться к иконе Курской Коренной и увидеть митрополита Виталия. И хотя игуменья резко сказала: «А я не хочу видеть Виталия ни в этой жизни, ни в будущей», — но отказать Шуре не смогла и в Нью-Йорк ее доставила. В Синоде Виталия не было. Встретил епископ Иларион, принес икону в церковь и благословил молодого священника отслужить молебен. Шура была довольна усердным и благоговейным служением этого священника и даже не смутилась взять у него благословение, хотя считала, что РПЦЗ и сам Виталий от правильного пути отступили.

Прежде Шура, как и все катакомбники, митрополита Виталия весьма почитала. Однако постепенно она разочаровалась в нем, особенно после того, как своими глазами увидела в журналах, которые получала от Зарубежной Церкви, что Виталий назвал Московскую патриархию «Матерью-Церковью». Журналы эти Шура потом пожгла, о чем сама жалела, так что проверить точность цитат было трудно. Впрочем, так же как в дальнейшем было трудно убедить ее в том, что вопреки синодальным решениям сам митрополит Виталий лично оставался тверд и Московскую патриархию не признавал. Шура Виталию не верила. И в ноябре 2001 года также отказалась поверить его новому Мансонвильскому Синоду и четким православным заявлениям. После этого наши пути разошлись, и последние три с половиной года мы с Шурой не виделись, до самой ее болезни.

Последняя болезнь и кончина Александры

Мы так ничем и не смогли помочь Шуре и хоть как-то облегчить ее предсмертные страдания. Последний раз мы видели ее в середине мая 2005 года, когда узнали, что ее парализовало. Мы поспешили ее навестить, выехали на ночном автобусе Москва — Сарай и через восемь часов пути оказались в ее селе, расположенном на самом юге Рязанской области почти в 400 км от Москвы. Мы вышли из автобуса ранним утром, почти в полной темноте. Едва-едва брезжил рассвет и начинало светлеть небо на востоке. Куда было двигаться? К нашему счастью, с нами вышла семейная пара, которая показала нам направление движения к нужной нам улице Бугор.

Найти Шурин дом было непросто, поскольку на ее улице номеров домов не было. Письма к ней так и адресовались: Сараевский район, село Сысои, улица Бугор, Бахметьевой Александре Константиновне. А Бахметьевых, по словам местного жителя, здесь полсела. Село огромное, но уже много домов пустует. Молодежь уезжала и уезжает. Жизнь постепенно замирает. Долго мы шли по центральной улице мимо жилых и заброшенных деревянных домов. С темных полей доносилось пение птиц, нарастали трели соловьев, беспрестанно куковала кукушка, накуковавшая нам, наверное, больше ста лет. Уже совсем рассвело, когда мы подошли к окраине и свернули на улицу Бугор, которая вытянулась вдоль реки.

И тут пред нами открылось великолепное зрелище. Широкая полноводная река в плавном и величественном течении, обрывистые песчаные берега, густые облака тумана над ней, усыпанная бисером росы молодая трава, розовеющее от поднимающегося солнца небо, высокая колокольня и остатки монастырских зданий на другом берегу. И над всем и во всем этом, словно ве-

ликOLEПный хвалебный гимн дивному творению и его Творцу, возносящаяся к небу прекраснейшая соловьиная симфония. Мы медленно шли вдоль улицы, надеясь встретить хоть кого-нибудь из поселян и спросить. Но, хотя время уже приблизилось к пяти утра, никого нам увидеть не удалось. Ни души. Заборчики и калитки были низкие, но обитателей в двориках видно не было. Не было слышно ни собак, ни других животных. Тишина, словно все вымерло. Долго мы так бродили среди тихих домов под бесконечные серебряные трели соловьев, продрогнув от утренней свежести и обильной росы, но с удовольствием вдыхая аромат лесов и цветущей сирени.

Наконец в окне одного дома мелькнула фигура. Вышел пожилой мужчина. Сразу же указал нам Шурина домик. Мы вошли. Таня первая. Открывает дверь, и я слышу, как у нее вырывается: «Вот она, Мария Египетская». Шура лежит на полу, на матрасе, в одной рубашке, исхудавшая, кожа и кости. Она без платка. Седые ее волосы не расчесаны, подняты и как бы вздыблены. Лицо действительно напоминает образы Марии Египетской. У Шуры ведь очень тонкие черты лица. Это просто не замечалось прежде в ее обычном деревенском обличье, из-под множества платков, которыми она подвязывалась. Она узнала нас. Припала к моей руке.

Потом, бедная, все стала проситься отвести ее на двор, позвать ее племянника Лешу. Мы обещали, что Леша скоро придет. А Леша, оказалось, спал в том же домике, в коридорчике за кухней. Он вскоре появился. Обрадовался, увидев нас. Стал рассказывать про Шуру. Ее парализовало днем в Великую субботу, она вышла с молотком подправить забор, как вдруг упала, как будто ее током ударило. Бабки-соседки ее подняли, отнесли в дом. Позвали ее брата. Леша узнал только через несколько дней — он живет с семьей в другой деревне. Сообщил другим племянникам, Ване и Васе в Москве и Рязани. Те приехали, сообщили Верочке и Сереже, те

сразу тоже приехали из Москвы. Привезли памперсы и лекарства, но у Шуры уже образовались пролежни.

Первые дни Шура лежала на шерстяном одеяле, которое бабки и брат из-под нее вытягивали раз в день и проветривали. Леша взялся ухаживать. Меняет памперсы, протирает тело, поит с ложечки водой и молоком. Она совсем отказывается есть. Парализована у нее левая сторона, ум и память — все сохранилось, только речь немножко затруднена. С нами она даже на церковные темы вполне здраво говорила. Сетовала, что мы не вместе, но все это спокойно и даже кротко, без всякого озлобления или раздражения. Только фразу о том, что в Московскую патриархию она ни за что не пойдет, несколько раз повторила очень твердо и ожесточенно.

Мы все старались ее утешать и не затрагивать болезненные вопросы разделения. Да на самом деле Шуре уже было и не до них. Она и молиться-то отказывалась, так ей было тяжело. Мы просидели у нее все утро почти до полудня. Иногда выходили подышать на улицу, поскольку у нее в домике дышать было нечем. Как могли мы что-то попытались прибрать. Но в принципе это было невозможно, тем более Шура лежала посреди пола. Сердобольная соседка Серафима пригласила нас к себе и накормила от души. Серафима живет одна, дети в городе. Молится с Шурой иногда, у нее тоже есть божественные книги. Поблагодарив ее за хлебосольство, мы пошли прощаться с Шурой.

Таня перед этим все спрашивала о духовных стихах, которые прежде Шура нам пела. Но какие теперь могли быть духовные стихи?! И вдруг на прощание сама Шура... нет, не пропела, конечно, а как бы проговорила речитативом наш любимый рождественский эксапостиларий «Воссиял ны, с высоты Востока». Раньше мы не раз слышали, как она его пела. Всегда торжественно, но несколько комично с ее характерным южнорязанским диалектом и на деревенский мотив. И вот сейчас Шура заговорила об этом эксапостиларии,

об исполнении которого ею мы всегда вспоминали с доброй улыбкой. Но теперь Шура рассказала следующее: оказывается, она никогда не забудет, как пел его катакомбный иеромонах, отец Иларион Тульский. Ей это навсегда запало в душу. Отец Иларион вышел и с кем-то из матушек запел. «Да так, что я не знаю, где я была, на земле или на небе», — вздохнула Шура. На этом мы простились. Бедная, наша бедная Шура, тебе предстоял еще целый месяц ужасных мучений.

Хотя мы и предложили свой уход за Шурой и даже договорились со знакомыми на «Скорой» о перевозке ее к нам от границы Московской области, но эта инициатива не нашла отклика и никто Шуру не повез. Препятствием стала не столько сложность транспортировки, действительно опасной для таких больных, сколько вопросы юрисдикции (кто бы мог подумать?). Мы особо не настаивали, только вздыхали, узнавая, что Шуре не легче и что ее столь принципиальное «церковное руководство», обеспокоенное возможностью беспрепятственного к ней доступа, так и не удосужилось ее посетить, оставив ее на руках у одного племянника в деревенской избе.

И только почти через полтора месяца наконец-то Шуру причастили и довели до нее давно уже присланные заботливыми бостонскими монахинями матрасы от пролежней, лекарства и деньги на уход, но все это было уже бесполезно. Пролежни у Шуры были по всему телу. Татьяна хотела поехать к Шуре после Троицы на неделю, чтобы хоть как-то помочь ухаживать и чем-то скрасить ее последние дни. Решили привезти ей сильное обезболивающее. Получив его утром в понедельник, Татьяна отправилась на вокзал, но выезжать было уже поздно, поскольку точного расписания автобусов от Рязани до Сараев не знали и был риск не успеть на последний. Она взяла билеты на первый утренний экспресс до Рязани на вторник, и тут позвонила Вера и сказала, что Шура умерла утром (7/20 июня 2005 года).

Вера просила нас обязательно приехать на похороны, поскольку никто из Москвы и Питера поехать не может и отпевать ее будут заочно. На следующее утро на раннем экспрессе мы добрались до Рязани. Там сразу же пересели в отходящий автобус, и хотя на нем ехали долго, но добрались до Шуринога села Сысой благополучно. А на подъезде к селу проливной дождь, сопровождавший нас всю дорогу из Москвы, прекратился. И несмотря на то, что висели серые тучи и было сыро вокруг, такой непролазной грязи, как мы ожидали, не было и по траве можно было спокойно пройти без резиновых сапог или калош, которых не имели Таня и Ксения.

Из автобуса с нами вышла маленькая женщина. По дороге мы разговорились. Она сразу спросила: «Вы на похороны?» И пригласила нас к себе зайти: «Хоть чаем напою вас, а то когда вы еще там попьете». Это оказалось очень кстати, так как было уже около двух часов дня, а мы с самого раннего утра практически ничего не ели, и потом нас действительно покормили только после службы поздним вечером. Оказалось, что женщину зовут Шура. Вот уж действительно словно сама наша Шура ее послала и позаботилась о нас. Шура завела нас в дом, моментально собрала на стол. Мы не успели оглянуться, как на столе были уже сковородка с горячей яичницей, чай, хлеб, молоко.

В соседней комнате послышался какой-то шум. Шура заглянула туда и посетовала: «Уже накачался. И когда успел?» Минут через десять дверь распахнулась, и на пороге показался совершенно пьяный тщедушный мужичок. Он еле держался на ногах, уставился на нас ословевшими глазами и еле-еле пробормотал, указывая на нас пальцем: «Во, банда...» Сделал несколько шагов, и его понесло в другой угол комнаты. Не удержавшись на ногах, он со всего размаха шлепнулся на спину, гулко ударившись затылком об стенку. Ругаясь, он кое-как приподнялся и опять на подгибающихся но-

гах пронесся в другую комнату. Шура пошла за ним, приговаривая: «Саша, ложись, сейчас там всех цыпляют передавишь». Послышался грохот, шум, мужичок, по-видимому, вылетел с другой стороны.

Мы при этом как ни в чем не бывало сидели за столом и ели, выражая сочувствие бедной женщине, которая приговаривала, что нельзя отлучиться, как сразу напьется. Что поделаешь — современные деревенские будни. Оказалось, Шура шестьдесят четыре года, и держит она огромное хозяйство. Дети давно в Москве, уже внуки поженились. Сетовала, что молодежи в деревне нет, на все село всего три семьи средних лет, а так остались одни бабки... Поблагодарив Шуру за гостеприимство и откланявшись, мы двинулись дальше и, пройдя через поле, оказались у дома нашей покойной Шуры. Под окном стояла крышка гроба, обтянутая синей материей.

Леша и его отец Михаил, брат Шуры, встретили нас у калитки. Готовились к похоронам. Рассказали о последних днях Шуры. Последнее время она очень мучилась от боли, кричала, просила Господа и всех святых забрать ее. Леша сказал, что у нее, видимо, был еще один удар. На Троицу она просила поесть и даже поела супа, к их удивлению, поскольку все время есть не хотела и ела очень мало. Умерла Шура на следующее утро, в Духов день. Никого при этом не было. Леша и Михаил, занятые полевыми работами, не могли сидеть неотлучно. Обмывали тело они сами. «Все равно ведь мы же за ней ухаживали», — сказал Михаил. Он все волновался и много раз повторял: «Посмотрите, правильно ли я все сделал».

Мы зашли в Шурин домик. Гроб стоял на лавке, Шура лежала в нем головой к иконам. Она была одета в белую рубашку со Святой земли, в которой во время паломничества в 1997 году окуналась в Иордане. Сверху была покрыта покрывалом, также со Святой земли. На голове был повязан белый платок. Лицо осунувшееся,

конечно, но спокойное и светлое. В комнатке и избе было чисто. Горела лампадка у иконок и свечи. Бабульки читали псалтырь. Леша сказал, что скоро придут еще и другие, которые будут служить всюнощную и потом всю ночь читать псалтырь. Иногда прерываясь, бабульки переговаривались, спрашивали нас, кто мы и как доехали, одна жаловалась на ссору с Лешей накануне.

Леша на дворе, в свою очередь, с негодованием пожаловался на бабок и был страшно возмущен, якобы наговорили, что он плохо ухаживал, и бедным бабкам от него досталось. И, по-видимому, как раз не тем, кто наговорил, а близким Шуре и навещавшим ее. Испытание... Теперь некоторые из них даже боялись прийти к телу. Одна из них, Тамара, из старых катакомбниц, беспаспортница, с ней Шура постоянно молилась, как раз была в доме, когда мы пришли, и все горевала из-за этого искушения. Жалко было и их, и бедного Лешу, который как мог, так и ухаживал за Шурой. Мы сами видели, как он это делал, заботливо и бережно. И вправе ли вообще кто-то судить о его уходе²⁷, если больше никто, никто этого не сделал и не подсказал ему, как ухаживать, и не помог этот уход улучшить.

Леша действительно с большой любовью относился к Шуре, с нескрываемыми слезами сказал, что вот теперь не к кому ему пойти. Тетка для него была всем: и утешителем, и наставником, и помощником. Мы вспомнили, как и Шура, в свою очередь, любила своих племянников и заботилась о них, особенно о Леше. И целый ряд историй, и трагичных, и комичных одновременно, как и многое связанное с Шурой, сразу всплыл в памяти. И неустанные сборы подарков с трогательными надписями Шуриной рукой — «Васи», «Леши», «Вани»; и ходатайства с ее забродившим земляничным вареньем перед адвокатом за любимого племянника, попавшего в плохую

²⁷ Да еще в тех деревенских условиях — в простой деревенской избе без водопровода, канализации, газа.

историю в Москве; и ее яркие рассказы о пожарах у племянника и спасении его от отчаяния у сердобольной и мудрой тетки. «Прибежал ночью в носках по снегу, кричит: “Я на себя руки наложу”, — рассказывала Шура, — это был второй пожар, и у него все погорело, все». Шура и успокаивала, и помогала. Отдавала племянникам и брату по копейке собранные ею гроши, вернее, потом и кровью заработанные.

Трудяга, она в точном смысле слова своими руками добывала хлеб насущный с ранней весны до поздней осени — все тяжелые земледельческие работы в огороде и бескрайнем картофельном поле. Кроме этого все лето сбор ягод и грибов в лесу, консервирование, соленье, сушка и т. п. Уход за птицей и скотиной. Поездки с неподъемными мешками картошки или бараньими тушами на рынок и обратно с такими же неподъемными мешками муки и других необходимых вещей, купленных на вырученные гроши. Ее руки, огромные заскорузлые пальцы лучше всяких слов свидетельствовали о постоянном тяжелом крестьянском труде. Но она не жаловалась на свою долю, а, напротив, жалела несчастных городских жителей, запертых в каменные клетки и лишенных и чистого деревенского воздуха, и своих овощей, «картошки, моркошки», огурцов, земляники и т. п. Всегда старалась привезти своих гостинцев. «Как можно приехать с пустыми руками?» — говаривала и тащила на себе такие рюкзаки и сумки, что мужчины с трудом доносили от лифта до двери по коридору. А она волокла за четыреста с лишним километров: по селу до автобуса или попутки, по райцентру на поезд, в Москве с поезда на метро, с метро опять на автобус. Неутомимая, неугомная...

* * *

И вот все кончено. Она упокоилась от своих земных трудов и страданий и мирно поживает в красном углу

своей избы. Вернее, это ее изможденное тело пребывает там, а душа, душа-то... Вероятно, готовится в путь. По церковному преданию, до третьего дня она еще где-то на земле пребывает, обходит все любимые места, незримо бывает рядом с любящими и скорбящими близкими, а потом на третий день отправляется на суд Божий. Все это, конечно, известно неточно, гадательно, «как бы сквозь тусклое стекло». Но одно определенно точно: как воздух телу при жизни, так и молитвы церковные нужны душе по исходе ее из тела...

В Шурином селе — Сысой — это хорошо известно. И все верующие, в основном, увы, это только пожилые женщины, собираются на погребение. Они все знают церковную службу, многие поют наизусть, несмотря на то что советская власть лишила их нормальной церковной жизни. Большинство из них никогда не только не бывали в храмах, но и не видели священников. С раннего детства вся их жизнь пришлась на годы лютого богоборчества, когда советская власть планомерно уничтожала веру и вытравляла все святое из души народа. Как и повсюду, здесь, на юге Рязанской области, после закрытия и разрушения всех церквей и монастырей в округе на рубеже 1930-х годов, народ остался без духовного окормления, без пастырей. Однако веру сохранил...

Немало этому способствовали монахини Бавыкинского монастыря, его развалины видны на краю Шуринового села. В свое время жизнь обители славилась своей строгостью и благочестием, а монашеский хор — великолепным пением... После закрытия монастыря насельницы, по совету своего духовника, расселились по близлежащим селам. Со своими послушницами они продолжали исполнять молитвенное правило и отправлять все монастырские службы. Местные жители приходили к ним на молитву, обучались чтению и пению и потом могли и сами справлять службы. Так молитвы не прекращались, даже когда многие из мона-

хинь были арестованы и посажены в тюрьмы. Как монахини, так и большинство поселян не признавали и «сергианских» церквей. Все знали, что такое декларация 1927 года, считали ее предательством, а автора называли «Иудой-предателем». После войны отказались признать и его преемников и не ходили в открытые кое-где в районе и области храмы, продолжали молиться мирским чином.

Кто-то, как наша Шура, пытался отыскать тайных истинных священников, кто-то боялся ошибиться и не искал, кто-то позже все же отыскивал добрых батюшек в открытых храмах и, скрепя сердце, стал их посещать в последнее время. Вообще, нынешнее положение, как и судьба этого верующего народа в целом, — отдельная тема. Нам же довелось присутствовать на их традиционном молении, которое, очевидно, совершалось ими, как и прежде, на протяжении десятилетий. Так, в богоборческом Советском Союзе крестьяне-христиане села Сысой Сараевского района Рязанской области неизменно провожали усопших... нет, не просто на кладбище... На кладбище они относили с почетом и благоговением тело, как и полагается по христианскому обычаю, но провожали они всем миром христианскую душу и провожали ее горячей церковной молитвой.

Мы отходили ненадолго к реке подышать воздухом, и когда вернулись, служба уже началась. Из открытого окошка слышалось пение. Пели предначинательный псалом, но как необычно и непривычно. Шурин домик был полон. Все — в черном и со свечами. Маленькая Шурина внучатая племянница, долгожданная дочка Леши, тихонько ходила между всеми с зажженной свечой в руках, внимательно поглядывая то на свечу, то на гроб и не издавая ни единого звука. Пели и читали две женщины, им вторили все остальные. Вот тут-то мы впервые поняли, о каком своем «тоне» нам все толковала Шура во время своих приездов в Москву. Она все пы-

талась подладиться к нам, но не всегда удачно, и все советовала нам бросить наш напев. Но с ней петь было вообще невозможно. Да мы серьезно и не относились к ее пению, считая его чисто деревенским, грубым и неправильным.

Но тут у гроба Шуры мы услышали хор ее односельчан и вдруг ощутили всю силу и глубину этого народного пения. И пред ним наше пение показалось таким жалким, искусственным, ненастоящим (действительно, во многом доморощенное и самодеятельное). Да что говорить о нашем пении (блеянии)... Казалось, что никакое самое безупречное пение профессиональных церковных хоров, правильное и красивое по внешней форме, но лишенное глубины и духовной силы, не может сравниться с этим народным пением-плачем. Резкий, пронзительный высокий голос одной из ведущих службу просто раздирал душу. А когда ей вторил хор низких голосов, то казалось, что рыдает сама земля.

Это был самый настоящий крик и плач, действительно исходящий из недр русской земли. Все это невозможно передать словами, невозможно как-то описать. Это нужно слышать. Это была та самая живая традиция, которая и передается от поколения к поколению²⁸. Но мало того, этот плач, именно покаянный, исполненный надежды, а не отчаяния и безысходности, был не чем иным, как заупокойной всенощной. С точным следованием Типикону, за малым исключением, с исполнением по соответствующим гласам всех стихир и тропарей и даже ирмосов канона. Очевидно, что все это было передано теми монахинями, с которыми начинали молиться эти женщины или их родители более полувека назад.

²⁸ Это так же как и со знаменным распевом, когда никакие современные расшифровки крюковых знамен ничего не могут дать для понимания того, как пели по этим крюкам в русских церквях в допетровскую эпоху.

Шура нам все время рассказывала о своей наставнице, матушке Магдалине, монахине из Бавыкинского монастыря. Ее хорошо знали в селе. После смерти Сталина, в середине 1950-х годов, матушку Магдалину выпустили из тюрьмы, так как Шурины односельчане взяли ее на поруки. Она была уже старенькая, просила помочь ей вычитывать правило. Шура, тогда молодая девушка, взялась ей помогать. Матушка Магдалина научила ее читать, объяснила службы, давала духовные советы. Тепло вспоминала матушку Магдалину и баба Маня (Мария), оставшаяся после службы читать псалтырь у гроба Шуры. Она рассказала, что матушка Магдалина еще и лечила людей, хорошо знала народную медицину. Она просто спасла саму Марию, когда у той было страшное воспаление груди после родов. Увидев распухшую и просто синюю грудь, матушка сказала: «Ой, детка, пусть твой мужик найдет зайца, снимет его шкуру. В горячее молоко опустишь ее и на грудь». Муж Марии пошел к егерю, тот подстрелил зайца, все сделали, как она сказала. И Мария выздоровела. Сама Мария к вере по-настоящему пришла лет двадцать назад, после болезни и кончины единственной дочери. Та очень страдала и умерла от опухоли головного мозга, оставив пятилетнего сына.

Бабушка вырастила сироту, да так, что теперь взрослый внук, уже женившийся и определившийся в жизни, часто говорит: «Бабуль, а я и не чувствовал, что я сирота». С тех пор Мария посвятила всю жизнь молитве, постоянно молится, и ее всегда зовут вычитывать псалтырь по усопшим. Почти всю ночь после того, как разошлись все после службы, она непрерывно читала. Спокойно, ровно, умиротворенно. Наутро было погребение. Опять собрались все, вычитывали часы и обедницу, а после этого понесли гроб на сельское кладбище.

Прости, Шура, что из-за церковных неурядиц и разногласий, а более всего по нашим грехам и недостойнству мы не смогли ни облегчить тебе страдания при жизни, ни проститься с тобой перед кончиной. Пусть эти строки воспоминаний будут нашим прощанием с тобой здесь на земле и нашим слабым, но искренним молитвенным вздохом о тебе в надежде на нашу встречу в ином мире, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхания, но жизнь бесконечная».

Приложение I

Архивные материалы

«Союз Православной Церкви» в Чувашии. 1929–1932¹

В то время когда в СССР началось очередное наступление на религию, когда, используя декларацию митрополита Сергия и возникшее из-за нее разделение в церковной среде, богоборная власть расправлялась с антисергианской оппозицией, в Чувашии ревнители православия, не принявшие декларации, развернули активную деятельность. В Малояльчикском и Батыревском районах они создали организационное объединение, которое имело столь сильное влияние, что грозило сорвать все планы безбожников по закрытию церквей и проведению коллективизации.

В марте 1929 года на благочинном собрании Малояльчикского благочиния в селе Байглычево был создан

¹ Малоизвестные факты о наличии антисергианской оппозиции в Чувашии. По материалам следственного дела № 237 1932 года по обвинению участников к/р организации «СПЦ» ЧАССР — Григорьева А. Г., Хрисанфова А. Х., Чернова и других по ст. 58-10 и 58-11 УК, переданного из архива ФСБ Чувашской Республики в Госистархив Чувашии.

«Союз Православной Церкви». Инициатива его создания принадлежала псаломщику церкви села Новые Шимкусы Александру Григорьеву². Убедившись в неканоничности митрополита Сергия, он решил создать объединение духовенства и мирян для сохранения чистоты православия. Посоветовавшись с благочинным и настоятелем церкви в селе Байглычево — священником Орловым и его заместителем священником из деревни Ап-Темяши — отцом Андреем Хрисанфовым³, Александр нашел у них поддержку. Вскоре они собрали благочинническое собрание всех тринадцати приходов, на котором предоставили возможность Александру выступить с докладом. Позднее на следствии Александр показал:

«Моя речь сводилась к тому, что в данное время митрополит Сергий сделался обновленцем, захватил самовольно церковную власть и выдает себя за местоблюстителя патриаршего престола, и поэтому нам необходимо от него отделиться, прервать с ним всякое общение и организовать свой союз. Этот союз назвать «Союз Православной Церкви» и присоединиться, т. е. признать своим епископом проживающего в г. Ульяновске ссыльного епископа Аввакума (т. е. об Аввакуме окончательно было решено на одном из заседаний правления Союза). Никаких листовок у меня на собрании тогда не было, кроме обновленческой программы и журнала «Христианин». Программу и журнал я принес для того, чтобы ознакомить собрание и доказать,

² Григорьев Александр Григорьевич, родился в 1895 в деревне Степное Яниково Батыревского уезда. Окончил 4 класса сельской школы. С 1915–1917 — на военной службе младшим унтер-офицером. Крестьянин, в семье шестеро детей. С 1925 — псаломщик в церкви села Новые Шимкусы. В 1930 — рукоположен епископом Аввакумом во иерея, служил в церкви села Новые Шимкусы.

³ Хрисанфов Андрей Хрисанфович, родился в 1890 в деревне Ап-Темяши Мало-Яльчикского уезда. Крестьянин-середняк. С 1916 по 1917 — служил в армии. С 1926 — псаломщик, с октября 1926 — иерей (рукоположен Авраамием Сызранским), с 1930 — благочинный округа по выбору благочинного собрания.

что они нарушали церковные правила и уклонились от Православия»⁴.

Как показывали свидетели, Александр Григорьев подчеркивал в докладе, что, кроме Аввакума, последователей истинного православия не осталось или им неизвестно, и что как Сергей, так и ВВЦС перешли на сторону обновленчества. Он также прочитал декларацию от Аввакума (Боровкова), где описывалась вся деятельность Сергея и указывалось его предательство советской власти. Собрание приняло решение о создании «Союза Православной Церкви», задачей которого должно было стать сохранение чистоты Церкви и борьба с разрастающимся обновленческим течением и разворотом среди духовенства. Как указывал отец Андрей Хрисанфов в своих показаниях, Союз ставил перед собой следующие задачи:

«1) Борьба с безбожием; 2) Борьба за объединение духовенства и мирян вокруг союза; 3) борьба со всеми церковными расколами в православной церкви, особенно с обновленческим течением, лояльно относящимся к советской власти»⁵.

Все священнослужители, вплоть до епископа, должны были подчиняться Союзу и такому епископу, на которого укажет Союз. В ведение Союза, вернее, его правления входило и назначение священников в приходы. В правление Союза были избраны Григорьев Александр (председателем), Краснов Николай⁶ и Шилов Тимофей. Григорьев вместе со священниками Орловым и Хрисанфовым составили устав «СПЦ». Затем Александр Григорьев и отец Андрей Хрисанфов поехали в Ульяновск к епископу Аввакуму, который отбывал там

⁴ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 157.

⁵ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 169 об.

⁶ Краснов Николай Кондратьевич, родился в 1905 в деревне Аптемяши. В 1930 — рукоположен епископом Аввакумом во иерея.

ссылку. Владыка Аввакум ознакомился с уставом и программой Союза, одобрил и окончательно их утвердил, и это подтвердил на допросе Григорьев:

«Аввакум тогда нам сказал: “Крепко стойте за чистоту православия и объединяйте вокруг себя духовенство и верующих”. Непосредственное руководство от епископа Аввакума мы получали до его ареста, т. е. почти до 1931 года. К нему в разное время ездили с моими записками священники Краснов и Макаров, которых он же рукоположил в священники. После ареста Аввакума наш Союз остался без епископа, так как других епископов “православных” мы не знаем и за церковными службами поминаем до сего времени еп. Аввакума»⁷.

Священнослужители и активные миряне Союза Православной Церкви, или «аввакумовцы», как их стали называть, вызвали заметное беспокойство у местных властей своей религиозной активностью. Они вели большую религиозную работу среди населения и препятствовали распространению безбожия и колхозного строительства во всем Мало-Яльчикском и соседних с ним районах. Повсюду проводились тайные собрания. В январе 1930 года в деревне Нижнее Янашево в проруби реки Булы была найдена икона Божией Матери, после чего в народе распространился слух о знамении свыше от Бога. Одновременно на заборе появилась надпись на чувашском языке: «Кто идет в колхоз, тот идет в ад». Многие крестьяне не вступали в колхозы, а вступившие стали писать заявления о выходе.

В январе 1930 года был арестован благочинный округа, священник Орлов, в котором власти видели одного из главных организаторов тайных собраний. Тогда же местные партийцы приняли решение к 26 января снять колокола в оставшейся без священника церкви села Байглычево. Однако староста Димитрий Сусметов 25 января, согласно материалам следственного дела,

⁷ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 159.

привез *«неизвестно откуда попа Кузьму, который с 6 утра 26 января начал службу в церкви»*. Монах Феофан и монахиня Ирина ходили по дворам и звали народ на службу. Церковь была переполнена, служба шла долго. По ее завершении были собраны подписи верующих за оставление колоколов. Дальнейший ход событий излагается в следственном деле так:

«После составления списка верующих (регистрации) бывший в церкви монах Давыдов выступил с речью, где сказал, что безбожники собираются закрыть церковь, снять колокола, и призвал верующих не допустить этого, не останавливаться перед пролитием крови. Даже в заключение предложил гражданам верующим от церкви не отходить и в случае попытки актива безбожников или антихристов, как он выразился, ударить в набат, созвать верующих и защищать церковь до последней капли крови.

В результате призыва фанатика, слепого монаха Феофана Давыдова, народ после окончания службы не расходился, а толпился около церкви. Сельисполком села Байглычево, узнав, что около церкви творится что-то, вызвал попа, церковного старосту Суسمетова и монаха Феофана в канцелярию с целью арестовать. В это время послышался звон набатного колокола, и толпа верующих около 300 человек, собравшись около канцелярии СИКа, требовала освобождения задержанных, угрожая в противном случае расправой. Ввиду создавшегося положения все трое задержанных были освобождены, работники Сельисполкома разбежались»⁸.

По-видимому, по звону колокола прибыли также и крестьяне из соседней деревни Алексеевка, как было заранее договорено. Отстоять церковь и своих братьев верующим, однако, удалось ненадолго. Вскоре власти арестовали главных *«зачинщиков беспорядков»*. 12–13 июня 1930 года в селе Малые Яльчики состоялся суд. Староста храма Суسمетов Димитрий⁹

⁸ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 139 об.

⁹ Середняк из села Байглычево, тридцати четырех лет.

был приговорен к 5 годам лагерей, Шилов Тимофей, секретарь правления «Союза Православной Церкви»¹⁰, — к 10 годам лагерей, слепой монах Феофан Давыдов — к году ссылки в отдаленные места страны.

Тем не менее деятельность «аввакумовцев» продолжалась. После ареста Орлова благочинным был избран священник Андрей Хрисанфов из деревни Ап-Темяши. В священнический сан он был рукоположен епископом Авраамием Сызранским в октябре 1926 года, пошел он в священники, по его словам, *«по сильному религиозному убеждению и просьбе верующих»*. Сразу после своего рукоположения отец Андрей организовал в своей деревне в день Октябрьской революции в 1926 году крестный ход *«и тем самым сорвал проведение демонстрации, которую планировали коммунисты»*.

В своем доме отец Андрей устроил церковь, или молитвенный дом, как называли его односельчане. Большую помощь ему оказывали его ревностные прихожанки Мария Архипова и Евдокия Егорова. Их дом находился рядом с молитвенным домом. По свидетельским показаниям, они *«убирают пол, топят печки, ухаживают за лампадами и иконами, почти все время проводят в молитвенном доме; принимали у себя на дому бродячих монашек»*. Отец Андрей подготовил к принятию священнического сана Максима Архипова¹¹, Николая Краснова и других, которых рукоположил в 1930 году епископ Аввакум (Боровков). В материалах следственного дела отмечалось, что *«отец Андрей заставлял венчаться»*, таким образом тормозя раскулачивание и коллективизацию. На самом деле отец Андрей отказывался венчать молодые пары, если они были колхозниками, и требовал их выхода из колхоза до венчания.

¹⁰ Житель деревни Избахтино, сорока семи лет.

¹¹ Архипов Максим, родился в 1886 в деревне Ап-Темяши. В 1930 — рукоположен епископом Аввакумом во иерея.

7 октября 1931 года за несплату налога и самообложения отец Андрей был приговорен к одному году лишения свободы. В 1932 году он был привлечен к следствию как один из *«инициаторов и руководителей к/р религиозной организации “аввакумовцев” “Союза Православной Церкви”*». Ему вменялось, что он *«систематически в течение ряда лет проводил а/с деятельность, направленную к подрыву проводимых совластью мероприятий, к срыву коллективизации, к восстановлению старого монархического строя; в 1930 г. в момент снятия колоколов восстанавливал религиозную массу на массовые выступления»*¹².

Тогда же были арестованы и другие священнослужители, и активные миряне-«аввакумовцы». Одним из главных руководителей следствие считало Александра Григорьева, инициатора создания «Союза Православной Церкви»¹³. Он действительно оказывал огромное влияние на верующих. Рукоположенный в священнический сан епископом Аввакумом в начале 1930 года отец Александр служил в храме села Новые Шимкусы, прежний настоятель которого, иеромонах Филимон, также поминавший епископа Аввакума, был уже арестован. По показаниям свидетелей, отец Александр служил в храме ежедневно монастырскую службу, по-видимому, это были долгие уставные службы, с раннего утра до четырех часов дня. После службы долго проповедовал и вел беседы с верующими: сообщал новости о советской власти, о международном положении, говорил о том, что *«скоро война, и Соввласти конец»*. На службы не допускал колхозников, призывая их из колхозов выходить, и, как показали свидетели, выставлял «часовых» у дверей храма, чтобы не впускали их в церковь.

Церковь посещали не менее 1500–1700 человек. Многие женщины шли на службы из окрестных дере-

¹² ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 166.

¹³ В материалах следственного дела его фамилия идет первой.

вень за тридцать-сорок верст. Под влиянием отца Александра многие женщины в своих деревнях выступали против колхозов. Так, в деревне Полевые Буртасы девятнадцать хозяйств вышли из колхоза под влиянием прихожанок отца Александра. Житель этой деревни, Анисифор Васильев, говорил, что его мать собирала женщин и убеждала их выходить из колхоза:

«Колхоз создан чертом... Есть не дадут... Бог нам не велел вступать в колхоз, а если мы нарушим это, то мы попадем в ад. Долго нам не жить, помрем, соблюдая законы Божии, будем стараться за церковь и Бога, выйдем из колхоза женщины все, пускай оставят нас голыми, ибо мы родились голые. Будем проповедовать это женщинам-колхозницам»¹⁴.

В селе Сабанчино в результате деятельности религиозной группы, связанной с «Союзом Православной Церкви», колхоз «Вперед», как показал председатель правления, развалился на 90 %. Под влиянием Антона и Евдокии Александровых и Андрея Антонова, которые днем и ночью ходили по дворам и проповедовали, о выходе из колхоза подали заявления в 1930 году более ста дворов. 11 января 1932 года Евдокия Александрова устроила женское собрание и агитировала за выход из колхоза, и все женщины написали заявления о выходе.

Этой же «религиозной группировке», как указывает свидетель, удалось добиться открытия закрытой прежде церкви в этом селе (и это в момент нарастания антирелигиозной кампании!). Под влиянием Евдокии Александровой за открытие церкви выступили жители села Сабанчино и близлежащих деревень, среди них Григорий Петров из деревни Тораево, Николай Волков из села Сабанчино, они вместе с упомянутыми выше верующими собирали подписи за открытие церкви. Со-

¹⁴ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 41.

брав подписи, они обратились в районный Яльчикковский административный отдел и после ряда его посещений добились открытия церкви.

Священником был утвержден отец Герасим Чернов¹⁵, священник из села Норваши-Шигали Батыревского района. Отец Герасим по вечерам проводил беседы с верующими у себя в доме. Под его влиянием прихожанка Евдокия Александрова и другие организовали народ на выступление против снятия колоколов в 1930 году. Как указывал свидетель, снять смогли только с помощью партийного актива и милиции. После этого дом отца Герасима Чернова сгорел, причем незадолго перед этим он был конфискован, и в доме жили комсомольцы. По подозрению в поджоге отец Герасим был арестован. Евдокия Александрова, как сообщал свидетель, *«организовала толпу женщин и повела их в милицию выручать арестованного попа Чернова»*.

Еще ранее Евдокия, собрав толпу женщин, пришла с ними в канцелярию сельсовета, которая размещалась в бывшем кулацком доме, и они потребовали вселения кулаков в их бывший дом и удаления канцелярии. При этом следует отметить, что сама Евдокия Александрова названа в показаниях беднячкой. После отца Герасима в храме села Сабанчино около года служил «аввакумовский» священник Николай Краснов¹⁶. Когда финотдел наложил на него налог в 720 рублей, Евдокия Александрова обратилась к верующим после службы с призывом помочь батюшке и собрала 500 рублей, принесла их в тот же день в финотдел, к изумлению сотрудников. После ареста отца Николая Кондратьева, как указывается в показаниях свидетеля, *«Александрова Евдокия*

¹⁵ Чернов Герасим Павлович, родился в 1879 в деревне Тораево Мало-Яльчикского уезда. В 1928 — рукоположен Афанасием Казанским во иерея.

¹⁶ В свидетельских показаниях председателя упомянутого колхоза он ошибочно именуется Николаем Кондратьевым.

была командирована ячейкой «аввакумовцев» в Москву с расчетом вернуть попа»¹⁷.

Всем арестованным «аввакумовским» священникам и активным мирянам было предъявлено обвинение «в антисоветской агитации и участии в контрреволюционной организации». С марта 1932 года велось следствие. 8 мая 1932 года оперуполномоченный Чувашского отдела ОГПУ ходатайствовал о продлении срока ведения следствия по делу № 237 «по обвинению участников к/р организации «СПЦ» ЧАССР — Григорьева А. Г., Хрисанфова А. Х., Чернова и других». Он перечисляет 16 человек, среди них 7 священников, обвиняемых в том, что «они, составляя контрреволюционную религиозную организацию “Союз Православной Церкви” “аввакумовского” течения, на протяжении целого ряда лет, используя церковь, и путем бродяжничества вели антисоветскую деятельность, направленную к срыву проводимых Партией и правительством хоз.-полит. кампаний, против коллективизации». Далее перечислялись деревни и села в разных районах, где были созданы ячейки Союза¹⁸, и утверждалось, что «в результате деятельности этой организации в указанных районах в 1930 г. на почве снятия колоколов происходили массовые волнения».

Обвиняемые отрицали какой-либо политический характер своей деятельности, касательно своих политических убеждений на допросах и в анкетах подчеркивали свою беспартийность и утверждали, что им безразлично, какая власть, советская или монархическая. Так, отец Герасим Чернов на допросе в марте 1932 года сказал: «“Аввакумовское” течение ставит своей целью сплотить верующих вокруг религии, развить религию

¹⁷ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 70.

¹⁸ Ячейки были созданы «в Мало-Яльчикском районе в с. Сабанчино, в с. Б-Яльчиках и в д. Полевые Буртасы, в Батыревском районе в с. Ново-Челны-Сюрбеево и в с. Торханах и в Шемуршинском районе в д. Андреевке в быв. Андреевском монастыре».

и восстановить ее среди населения. Мы действительно призывали верующих к покаянию в грехах, к тому, чтобы поспешали до смерти, но против совласти никогда не выступали»¹⁹. Священник Игнатий Кононов²⁰ показал: «Мое убеждение таково: в колхозы вступать я считаю непростительным грехом, потому что, вступая в колхоз, приходится принимать участие в делении чужого имущества, как это было во время раскулачивания кулаков; работая артелью, приходится соприкасаться с антирелигиозниками и входить во все грешные дела артели»²¹.

Все обвиняемые были признаны виновными по статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР. 28 октября 1932 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило пятерых священников: Андрея Хрисанфова²², Герасима Чернова, Максима Архипова, Николая Краснова и Гурья Павлова — заключить в концлагерь сроком на три года. Священника Игнатия Коконова сослать в Казахстан на три года. Мирян — Терентия Макарова, Ивана Скобелева, Василия Павлова, Ивана Башкирова, Александра Федорова, Митрофана Никитина, Владимира Сафронова — выслать в Севкрай на три года, Егора Новикова — лишить права проживания в 12 пунктах с прикреплением к определенному месту жительства на три года²³.

¹⁹ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 180.

²⁰ Кононов Игнатий Кононович, родился в 1877. Крестьянин, раскулачен. В 1930 — рукоположен епископом Аввакумом во иерея. Служил в селе Новочелны-Сюрбеево Батыревского района.

²¹ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 195 об. — 196.

²² Хрисанфов Андрей Хрисанфович, родился в 1890 в деревне Аптемяши Мало-Яльчикского уезда. Крестьянин-средняк. С 1916 по 1917 — служил в армии. С 1926 — служитель культа: псаломщик, с октября 1926 — иерей (рукоположен Авраамием Сызранским), с 1930 — благочинный округа по выбору благочинного собрания. 5 апреля 1932 — арестован.

²³ В данном протоколе не упоминается инициатор создания «Союза Православной Церкви», отец Александр Григорьев. Нет сведений

«Постановление»

Заседания «Союза Православной Церкви» Мало-Яльчиковского района Чувашской Автономной Республики, составлено 21 мая 1929 года²⁴.

Блюстителям храма Божьего священникам Церкви вместить в обязанность следить и проводить в жизнь нижеследующие правила:

1) Священники должны разъяснить всем прихожанам своей церкви и образумить их, чтобы они каждый год говели, регулярно посещая храм Божий, принимали в себя Тело и Кровь Христовы, соединились бы с Христом Богом, жили бы угодной Богу жизнью. Кто этим правилам Церкви не подчиняется, тех следует отделить от Церкви.

2) Безбожников, живущих безбожной жизнью, взять на заметку, немедленно отстранить их от Святых Таинств и от Церкви.

3) Строго соблюдать 59-е правило Василия Великого. Не давать живущим без венца принимать Тело и Кровь Христовы. Точно так же не допускать приведения родственниками, живущими без венца (советским браком), детей на причастие. Дети этих родителей могут быть допущены к причастию только их крестным отцом или крестной матерью.

4) Если верующий в течение года не принимает Тело и Кровь Господни, то отделяется от Церкви, если умрет, не допускать похороны его религиозным обрядом, хоронить без покаяния, панихиды и отпевания.

5) Вменить в обязанность священникам ежегодно представлять в правление Союза в срок списки верую-

еще об одном обвиняемом — Автономове Иване Автономовиче из деревни Степные Шихазаны Батыревского района. Вероятно, они были осуждены по другому делу.

²⁴ Перевод с чувашского языка.

щих, как посещали церковь и принимали Тело и Кровь Христовы.

6) Если к священникам обращаются за требами обновленцы, прежде чем их совершать, нужно тщательно обдумать этот шаг.

7) Не допустить верующим выдавать своих дочерей замуж в обновленческие приходы.

8) Детей, крещеных обновленческими попами, не допускать к причащению без благословения епископами и без нового их миропомазания. Кроме того, не допускать к причащению до тех пор, пока родители не дадут божественную присягу, что в дальнейшем не будут общаться с обновленческими священниками. Только тогда допустить к причастию. Не допускать живущим без венца и не посещающим церковь держать ребенка при крещении — быть кумом или кумой.

9) Не допустить исполнения службы и треб священниками в хмельном или выпившем виде. Священники должны быть опрятны при исполнении своих обязанностей.

10) Как священники, так и помощники их не должны курить табак.

11) Не допускать венчание разведенных хотя бы судом мужа с другой женщиной, а жены с другим супругом, пока не разрешит Союз на это дело и не благословит епископ»²⁵.

²⁵ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 146–147.

Письма уфимских архиереев к чувашской пастве²⁶

«М. С. О. Н. Г. I. X. С. Б. п. н. А.

Возлюбленный о Христе брат ...²⁷

Вчера я получил твое письмо, а сегодня отвечаю. Приветствую тебя и брата ...²⁸; благодарю вас всех за любовь вашу и доверие ко мне грешному. Возлюбленные мои братия! Правду вы пишете, что тяжелое время мы все переживаем. И потому нам очень тяжело, что пастыри и епископы оставили свою паству и живут не по Христову закону, а по чужим незаконным приказаниям.

Вы пишете, что собираетесь для святой молитвы в одно место, так и молитесь. Это очень хорошо. Но вы все-таки должны избрать себе священника-пастыря, который хоть раз в месяц или раз в два месяца приезжал бы и служил бы у вас Божию службу. Главное, изберите человека хорошей жизни и с чистой совестью. Его и слушайте, с ним и молитесь!

А назначенных священников не принимайте; все они назначены антихристом и служат антихристу. А вы каждого священника испытывайте; и если он благочестивой жизни, принимайте, а если пьяница и блудник — гоните его от себя!

Вы спрашиваете, можно ли иеромонаху в приходских храмах крестить и венчать, — отвечаю: можно; и в миссионерских приходах всегда иеромонахи даже венчали браки.

Дорогие мои братья! Боюсь ошибиться и сказать вам что-нибудь не на пользу, потому что за тысячи верст трудно рассмотреть, что нужно.

А вот советую вам съездить в Казань — хоть одному человеку. Там живет один ссыльный священник и епископ Стефан. Вот посоветуйтесь с ними, что вам делать. Я не знаю их адреса, но вы найдите Марью Васильевну Борисову, — она вам все расскажет. Живет она в Суконной Слободе, Спартакская ул. — Малое кольцо, дом 87. Она вам укажет, где живут честные священники. А еписко-

²⁶ Изъяты при аресте у иеромонаха Гурия (Павлова).

²⁷ Имя замазано чернилами.

²⁸ Имя замазано чернилами.

па Стефана упростите, чтобы он был вашим епископом и чтобы он не слушал митрополита Сергия, явного изменника святой Церкви и обновленца. Митрополит Сергий очень обижает епископа Стефана за то, что Стефан хороший человек. В Казани еще найдите отца Ксенофонта и отца Аркадия, у них можно и исповедоваться.

Господь да благословит и укрепит вас всех на путях Божиих; помните, что сказал Господь: “блаженны изгнанные правды ради” и еще “блаженны алчущие и жаждущие правды”. Уговорите хоть одного или двух священников не подчиняться незаконным епископам.

Ваш грешный богомолец и слуга Епископ Аввакум²⁹.

1928, авг. 3»³⁰.

* * *

«+

Господи благослови.

Братиям чувашам.

Дорогие братия чувашаи,

Вы сами знаете, как сейчас раздирают Церковь Божию, исполнилось пророчество, и теперь возстали лжепророки и лжепастыри, которые раздирают и продают достояние Божие.

Вы же помните и знайте, что теперь нужно с особенной твердостью беречь святую веру и святые предания, переданные нам от апостолов и святых отцев, а потому и вы устраивайтесь сами и избирайте себе сами достойного епископа, а не ждите, пока к вам пришлют какого-нибудь обновленца, который придет и разрушит у вас всякое церковное дело.

Теперь много стало архипастырей и пастырей ложных, христородавцев и предателей святой истины, остерегайтесь

²⁹ Очевидно, это письмо принадлежит архиепископу Андрею (Ухтомскому), а подпись Аввакум сделана по ошибке при переписке.

³⁰ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 142–143.

таковых. Не сообщайтесь с таковыми, твердо стойте за святое Православие.

Помолитесь и обо мне
Аввакум, Епископ Старо-Уфимский
21 октября с/с. 28 г. г. Симбирск»³¹.

* * *

«+

Возлюбленные братья о Христе Иисусе Господе нашем —
деревни Хоружа!

Милость и благословение Спасителя нашего да будет со всеми Вами.

Господу угодно стало, чтобы избранный Вами брат Симеон Павлов, а ныне честный отец иеромонах Гурий являлся пастырем Вашим и помог Вам во всех духовных нуждах Ваших. Берегите его и сами помогайте ему, ибо он еще молод, хотя и наградил его Господь чистою душою и добрым сердцем. Благодарим Вас за любовь и доверие к нашему Архипастырю владыке Андрею и ко всем нам — его ученикам. Владыка Андрей любил всегда чувашский народ и старался послужить ему, и мы также любим Вас и готовы помогать Вам во всех нуждах Ваших. Поэтому обращайтесь к нам со всем тем, что будет Вам необходимо и нужно, и мы готовы с радостью послужить Вам. Да сохранит всех Вас Господь молитвами Пр. Богородицы и святителей Гурия и Германа Казанских чуд<отворцев>. Просим Вас помолиться о нас.

Смиренный Епископ Вениамин со всею Уфимскою Церковью.

19.10. 28 г.»³²

³¹ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 144.

³² ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 145.

**Из материалов следственного дела
иеромонаха Гурия Павлова**

«Утверждаю»

Арест санкционирую

Министр Госбезопасности
Чувашской АССР

Полковник
(Митряшов)

Прокурор Чувашской АССР

Старший Советник Юстиции
(Сидоркин)

25 ноября 1950 года

25 ноября 1950 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(на арест)

1950 года, ноября 25 дня

город Чебоксары, ЧАССР

Я, зам. начальника отделения МГБ Чувашской АССР майор Кульков, сего числа рассмотрев материалы о преступной деятельности —

ПАВЛОВА Семена Павловича, он же «Гурий», 1906 года рождения, уроженца дер. Средние Кибечи, Шихазанского района, Чувашской АССР, происходящего из семьи крестьянина-середняка, по национальности чуваша, гражданина СССР, беспартийного, одинокого, бывшего священника и иеромонаха, без определенного места работы и жительства.

Н А Ш Е Л:

ПАВЛОВ С. П., будучи враждебно настроенным к Советской власти, в 1929 году вступил в контрреволюционную церковно-монархическую организацию, именовавшую себя «Союзом православной церкви», возглавлявшуюся ссыльным епископом Аввакумом.

Объединившееся в эту контрреволюционную организацию реакционное духовенство и кулачество вело активную борьбу с Советской властью, провоцируя массовые выступления населения против организации колхозов.

В 1932 году ПАВЛОВ С. П., в числе других участников этой организации, был арестован по ст. ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР и осужден Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ к 3 годам заключения в концлагерь, откуда в 1933 году совершил побег и только в 1946 году был задержан и осужден Шихазанским Народным судом по ст. 82 ч. 1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы с применением к нему амнистии по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7/VIII – 1945 г.

Возвратившись из места заключения, ПАВЛОВ С. П. снова перешел на нелегальное положение и возобновил свою враждебную деятельность.

Странствуя по населенным пунктам республики, он занимается обработкой верующих в антисоветском духе и призывает их не признавать Советскую власть, не вступать в колхозы и не принимать участия в мероприятиях, проводимых партией и Советским правительством.

Осужденная участница антисоветской группы, существовавшей в гор. Канаше, БАТЕЕВА Е. К. на допросе 22/XI-1947 показала:

«Я, проживая в г. Канаше, в течение 6–7 лет поддерживала связь с Гурием <...>, которые, как и я — БАТЕЕВА, являются активными последователями религиозного учения, именуемого “Истинно-

православные христиане единой святой соборной апостольской церкви”...

Моя связь с названным выше последователем ИПХАЦ, т. е. тихоновской ориентации, с Гурием <...>, была на почве общности религиозных и антисоветских убеждений... Они, так же как и я, ныне действующую церковь не признавали, считая, что духовенство нарушило истинно-православную веру и стало на услужение Советской власти, в связи с этим не признавали действующую церковь, также не признавали Советскую власть, считая ее антихристовой властью».

Активный последователь «Истинно-православной церкви» иеромонах ВАСИЛЬБЕВ М. В. на допросе 26/IX – 1950 года в отношении ПАВЛОВА показал:

«Я знаю иеромонаха по имени “Гурий”, он тоже скрывается от органов Советской власти с 1932 года. “Гурий”, как и я, является противником Советской власти, и ее он тоже не признает и ненавидит...

В совместных беседах при встречах со мной “Гурий” говорил, что церкви в данное время продались Советской власти и в них служба идет за Советскую власть и за СТАЛИНА. Поэтому он верующим тоже, как и я, ходить в церкви не советует и не советует верующим вступать в колхозы, называя их антихристовыми организациями...»

Допрошенный в качестве свидетеля Ф. И. В. 23/IV – 1950 года показал:

«При встречах со мной “Гурий” и “Митрофан” меня учили, чтобы я твердо стоял в вере “истинно-православных христиан”, последовал их примеру, не признавал Советскую власть, не подчинялся ей и не выполнял ее законы.

«Гурий», будучи у меня дома летом 1947 года, узнал о том, что я вступил в колхоз, тогда мне заявил: «По учению истинно-православной веры тебе нельзя было вступать в колхоз и подчиняться этой власти, а ты продался, вступил в колхоз и не слушался меня»».

Свидетель П. Я. П. показал, что ПАВЛОВ С. П. в одной из встреч обрабатывал его в антисоветском духе. Не рекомендуя вступать в колхоз, он клеветал на жизнь колхозников и «предсказывал» скорую гибель Советской власти:

«Я Советскую власть не признаю, так как эта власть антихристова, безбожная. Советскую власть я ненавижу за то, что она меня сажала в тюрьму, а сейчас не дает спокойно мне жить, все время меня преследует».

«В колхоз не вступай, так как эти колхозы скоро развалятся. При колхозах люди стали жить плохо, только голодают, даже досыта картошку не едят, потому что ее нет, тогда как раньше у каждого крестьянина амбары стояли полные с хлебом. Вот до чего довела эта антихристова власть. Скоро конец настанет Советской власти».

ПАВЛОВ С. П. в начале 1947 года, будучи в дер. Средние Кибечи Шихазанского района, в беседе со свидетелем П. А. П. распространял клевету на Советскую власть, он говорил:

«Я стою за учение патриарха Тихона, который открыто выступал против Советской власти, а теперь вместо него стал патриарх Алексей, который предал церковь Советской власти, поэтому церкви стали советскими, и попы там служат, продавшиеся Советской власти. Я иду против Алексея. Действующие церкви я не признаю, так как они открыты Советской властью и служат в них по-

советски. В этих церквях никакой истинности не стало».

В 1947 году ПАВЛОВ во время получения справки в Челкумагинском сельсовете в присутствии свидетеля Е. Г. Е. клеветал на Советскую действительность:

«Советская власть верующих людей преследует на каждом шагу, не дает жить спокойно... Вот теперь какой закон Советской власти стал, даже нельзя о ней говорить правду».

Преступная деятельность ПАВЛОВА С. П. подтверждается показаниями свидетелей <...>.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 158 и 175 УПК РСФСР —

ПОСТАНОВИЛ:

ПАВЛОВА Семена Павловича, он же «Гурий», без определенных занятий и без определенного места жительства, подвергнуть аресту и обыску.

Зам Начальника Отделения МГБ
ЧАССР
Майор
Кульков

СОГЛАСНЫ:

Начальник След. Отдела МГБ ЧАССР Кордус
Начальник След. Отдела МГБ ЧАССР Лебедев³³.

³³ Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2669. Д. 3116. Л. 2–6.

ПРИГОВОР

Именем Российской Советской Федеративной
Социалистической Республики

1952 года апреля 10–11 дня, Судебная Коллегия по уголовным делам суда Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики в составе: председательствующего — Павловой, народных заседателей — Буторовой и Платонова, с участием государственного обвинителя — прокурора Гаврилова, адвокатов — Дубровиной и Никифорова, при секретаре — Даниловой рассматривала в закрытом судебном заседании в гор. Чебоксарах уголовное дело по обвинению гр. гр.:

ПАВЛОВА Семена Павловича, рождения 1906 г., уроженца дер. Средние Кибечи, Шихазанского района, Чувашской АССР, происходящего из крестьян, беспартийного, грамотного, одинокого, по национальности чуваш, гр-на СССР, ранее судимого в 1932 г. по ст. ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК, в 1946 г. по ст. 82 ч. 1 УК РСФСР, бывшего служителя религиозного культа, до ареста по данному делу проживавшего без определенных занятий и местожительства на нелегальном положении.

ИГНАТЬЕВОЙ Татьяны Игнатъевны, рождения 1911 г., уроженки дер. Ой-Кассы, Чурачинского района, Чувашской АССР, происходящей из крестьян, беспартийной, одинокой, грамотной, по национальности чувашка, гр-ки СССР, ранее не судимой, до ареста проживавшей в гор. Цивильске, Чувашской АССР, в своем доме.

ИГНАТЬЕВОЙ Марии Игнатъевны, рождения 1924 г., уроженки дер. Ой-Кассы, Чурачинского района, Чувашской АССР, происходящей из крестьян, беспартийной, одинокой, грамотной, по национальности чувашка,

гр-ки СССР, ранее не судимой, до ареста проживавшей в гор. Цивильске, Чувашской АССР, в своем доме.

РЫБКИНОЙ Матрены Федотовны, рождения 1922 г., уроженки дер. Вурман-Кассы, Октябрьского района, Чувашской АССР, происходящей из крестьян, беспартийной, одинокой, имеющей среднее медицинское образование, по национальности чувашка, гр-ки СССР, ранее не судимой, до ареста по данному делу проживавшей в гор. Цивильске, Чувашской АССР,

в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР всех четверых.

Выслушав объяснения подсудимых Павлова, Игнатъевой Т., Игнатъевой М., Рыбкиной М., показания свидетелей, доводы представителя государственного обвинения и защиты, проверив материалы предварительного следствия, Судебная Коллегия

У С Т А Н О В И Л А:

Подсудимые по данному делу Павлов, Игнатъева Т., Игнатъева М. и Рыбкина, являясь активными участниками Цивильской группы нелегальной церковно-монархической организации «истинно-православные христиане единой святой апостольской церкви», руководствуясь контрреволюционными воззваниями и призывами бывшего патриарха Тихона, под прикрытием непризнания легально существующей церкви проводили активную антисоветскую деятельность в Чувашской АССР.

Практическая деятельность каждого из подсудимых по данному делу выражается в следующем:

ПАВЛОВ Семен Павлович после совершения побега из места заключения, где он отбывал наказание за антисоветскую деятельность, с мая месяца 1933 года по декабрь месяц 1951 года проживал на нелегальном по-

ложении под именем странствующего монаха «отца Гурья». Скрывался он от органов Советской власти, разъезжая по Ленинградской, Московской, Горьковской областям, Башкирской, Татарской, Марийской и Чувашской АССР.

Находясь на нелегальном положении, Павлов восстановил связь с антисоветской церковно-монархической организацией, так называемой «истинно-православных христиан единой апостольской церкви», действующей на территории Чувашской АССР.

В 1935 году восстановил связь с бывшим иеромонахом Митрофаном, осужденным уже в 1951 году за открытое антисоветское выступление, монашкой Батеевой, осужденной в 1947 г. за активную антисоветскую деятельность.

В 1946 году в деревне Средних Кибечах, Шихазанского района, Чувашской АССР, создал антисоветскую группу «истинно-православных христиан единой святой апостольской церкви», куда были вовлечены бывшие монашки Максимова, Батеева, Кузнецова, Молчанова, Федорова и др.

В 1946–1947 гг. в дер. Средних Кибечах Павлов, в присутствии свидетелей, высказывал свое враждебное отношение к существующему строю, распространял клеветнические измышления о колхозах и возводил клевету на Советскую действительность.

В 1949–1950 годах Павлов создал антисоветскую группу в гор. Цивильске, в которую вошли Игнатьевы Татьяна и Мария, Рыбкина Матрена — подсудимые по данному делу, Михайлова, Майорова.

В созданных и руководимых им антисоветских группах «истинно-православных христиан единой святой апостольской церкви» Павлов систематически проводил антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий партии и Советского правительства. Часто организовывал сборище своих единомышленников в квартире, т. е. в доме Игнатьевых в городе Цивильске,

где распространял антисоветскую рукопись под названием «Дивное видение Иоанна Кронштадтского», «Святое письмо», содержащее злобную антисоветскую клевету на Советский строй и руководителей ВКП(б) и Советского государства.

Подсудимый Павлов в предъявленном обвинении, как на предварительном следствии, так и на суде, виновным себя признал полностью.

ИГНАТЬЕВА Татьяна Игнатьевна, будучи связана с подсудимым Павловым с 1930 г., в 1950 г. вступила в Цивильскую группу «истинно-православных христиан единой святой апостольской церкви», организованную Павловым, и проводила в этой организации активную антисоветскую деятельность.

В своей квартире организовала нелегальное собрание участников Цивильской антисоветской группы, на которых, наряду с выполнением религиозных обрядов, проводилась антисоветская агитация, направленная на почве враждебного отношения к Советской власти к отказу от участия в проводимых мероприятиях партией, Советским правительством. Также на этих собраниях читались и обсуждались антисоветские рукописи «Дивное видение» и «Святое письмо».

Подсудимая Игнатьева в антисоветской организации проводила практическую работу по вербовке новых членов. Ею же была вовлечена в эту группу ее родная сестра Игнатьева Мария, до ареста работавшая фельдшерницей в гор. Цивильске. Она же проводила антисоветские высказывания в присутствии свидетеля Сергеевой.

Подсудимая Игнатьева Татьяна в предъявленном обвинении виновной себя не признала, но свои антисоветские высказывания полностью признала.

Подсудимая ИГНАТЬЕВА Мария Игнатьевна, являясь с 1950 г. участницей Цивильской антисоветской подпольной церковно-монархической организации «истинно-православных христиан единой апостольской церкви», разделяя антисоветские взгляды руководителя анти-

советской группы Павлова и участницы этой же группы, своей сестры Игнатьевой Татьяны, враждебно относилась к Советской власти, уклонялась от проводимых мероприятий Советским государством. Активно участвовала в нелегальных сборищах антисоветской группы, читала среди участников антисоветские рукописи «Дивное видение» и «Святое письмо». В знак полного непризнания Советской власти демонстративно сожгла свой профсоюзный билет. Подсудимая Игнатьева Мария виновной себя в предъявленном обвинении, как в ходе предварительного следствия, так и на суде, полностью признала.

Подсудимая РЫБКИНА Матрена Федотовна установила в 1949 году через бывшую монашку Федотову Анастасию связь с подсудимым по данному делу Павловым, в 1950 г. вступила в Цивильскую антисоветскую подпольную церковно-монархическую группу. Рыбкина, как участница данной группы, принимала активное участие в проводимых нелегальных сборищах, где, наряду с отпращиванием религиозных обрядов, велась антисоветская агитация, направленная против Советской власти и проводимых ею мероприятий. Среди окружающих лиц распространяла антисоветское «Святое письмо», проводила вербовку лиц в составе антисоветской нелегальной группы. Так была завербована Рыбкиной воспитанница Цивильского детского дома Майорова. Подсудимая Рыбкина в предъявленном обвинении виновной себя признала полностью.

Судебная Коллегия, считая преступления подсудимых Павлова, Игнатьевой Т., Игнатьевой М., Рыбкиной М. по ст. 58-10 ч. 2 УК и 58-11 УК РСФСР материалами дела доказанными, а потому, руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР,

П Р И Г О В О Р И Л А:

Подсудимого Павлова Семена Павловича, на основании ст. ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР, с примене-

нием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни», подвергнуть к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на двадцать пять (25) лет с поражением в избирательных правах после отбытия наказания на пять (5) лет с конфискацией изъятых вещей при аресте Павлова в доход государства.

Зачесть предварительное заключение Павлову с 25 декабря 1951 года.

Подсудимых Игнатъеву Татьяну Игнатъевну, Игнатъеву Марию Игнатъевну и Рыбкину Матрену Федотовну, на основании ст. ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР, подвергнуть к лишению свободы сроком на десять (10) лет каждую с поражением в избирательных правах после отбытия наказания на пять (5) лет каждую с конфискацией лично принадлежащего имущества осужденным.

Зачесть предварительное заключение осужденным: Игнатъевой Татьяне Игнатъевне с 23 декабря 1951 года, Игнатъевой Марии Игнатъевне с 22 января 1952 года и Рыбкиной Матрене Федотовне с 27 декабря 1951 года.

Меру пресечения — содержание под стражей в отношении осужденных оставить без изменения.

Взыскать с осужденных Павлова С. П., Игнатъевых Марии и Татьяны, Рыбкиной Матрены в пользу Чебоксарской юридической консультации за выступление адвокатов Дубровиной и Никифорова по 250 руб. с каждого.

Приговор может быть обжалован в Верховный Суд РСФСР в 72-х часовой срок с момента вручения копии приговора осужденным.

П/п Председательствующий

Члены:

Павлова

Буторова

Платонов³⁴.

³⁴ Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2669. Д. 3118. Л. 58-61.

«УТВЕРЖДАЮ»

НАЧ СЛЕДОТДЕЛА МГБ ЧАССР

Полковник (ЛЕБЕДЕВ)

«10» января 1952 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1952 года, января «10» дня, гор. Чебоксары.

Я, Зам. Начальника Следственного Отдела МГБ Чувашской АССР майор Петров, рассмотрев материалы следственного дела № 2516 по обвинению Сапожникова М. А., Гурьева В. Г., Таймуковой А. Ф. и других в числе 15 человек в преступлении, предусмотренном ст. ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР,

Н А Ш Е Л:

При аресте Гурьева М. Г., Гурьева В. Г., Таймуковой А. Ф., Марковой М. М. и других обвиняемых изъяты следующие рукописи религиозного содержания:

1) «Дивное видение протоиерея Иоанна Кронштадтского». 1907 г.

2) Отрывки из писания святого Иринея, епископа Леонского «О тираническом царстве антихриста».

3) Записи из книги «24 протокола сионских мудрецов».

4) «Чудесное сновидение послушницы Тихвинского-Введенского монастыря».

5) «Святое письмо».

6) «Сывахра олак уменчех» («Близ есть при дверях»).

7) «Святой преподобный Василий...»

8) «Жизнь унылая настала, лучше братцы умереть».

Принимая во внимание, что названные рукописи необходимо подвергнуть рецензии для установления, не являются ли они по содержанию антисоветскими, руководствуясь ст. ст. 63 и 169 УПК,

ПОСТАНОВИЛ:

Для проверки и дачи рецензии по указанным рукописям назначить комиссию в составе: начальника Главлита Чувашской АССР Волкова М. А., работника Чебоксарского ВКП(б) тов. Сютрукова А. Ф. и ученого секретаря Чувашского Научно-исследовательского института языка и литературы Кузьмина В. Л., под председательством первого.

На разрешение Комиссии поставить вопрос: дать заключение по каждой рукописи, не являются ли по содержанию антисоветскими.

Зам. Начальника Следственного Отдела МГБ ЧАССР
Майор
(Петров)

* * *

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

21 января 1952 года, г. Чебоксары.

Мы, нижеподписавшиеся члены комиссии, на основании постановления Следственного Отдела МГБ Чувашской АССР от 10 января 1952 года, в составе Волкова М. А. — начальника Главлита Чувашской АССР (председатель) и членов комиссии: Кузьмина В. Л. — ученого секретаря Чувашского Научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Сют-

рукова А. Ф. — сотрудника Чебоксарского ГК ВКП(б), подвергли рецензии нижеследующие религиозные рукописи:

1) «Дивное видение протоиерея Иоанна Кронштадтского. 1907 г.» в 10 экземплярах, начинающееся словами «Господи благослови» и кончающееся словами «преподобного Серафима. Аминь».

2) Отрывки из писания святого Иринея, епископа Лионского «О тираническом царстве антихриста» на 1 листе тетрадной бумаги в клетку.

3) Записи из книги под названием «24 протокола сионских мудрецов», начинающиеся словами «В герм. университетах» и кончающиеся... «государства будучи замкнуты, как крепкими тисками» на 4 листах.

4) «Послание старцам Оптиной пустыни монахам и мирянам» на 4 листах.

5) «Исповедание грехов генеральное» на 5 листах.

6) Записи из религиозной толковательной книги «Апокалипсис» на 7 листах.

7) Выписки из книги «Близ есть при дверях о признаках антихристовых» на 10 листах.

8) «Жизнь унылая настала» на 2 листах.

9) «Чудесное сновидение послушницы Тихвинского Введенского монастыря 5 декабря 1902 года» на 9 листах.

10) «Близ есть при дверях» на чувашском языке на 9 листах.

11) «Святое письмо» на чувашском языке на 2 листах.

12) «Святой преподобный Василий...» на чувашском языке на 27 листах.

Проверив и изучив содержание представленных рукописей, установили следующее:

Все перечисленные рукописи написаны разными лицами; большинство рукописей имеют поношенный

вид, что свидетельствует о частом их чтении и передаче из рук в руки.

По своему идейному содержанию и политической направленности рукописи являются антисоветскими. В них под прикрытием религиозной фразеологии проводится антисоветская пропаганда против ВКП(б) и Советской власти, а именно:

Рукописи в количестве 10 экземпляров, написанные разными лицами, под названием «Дивное видение протоиерея Иоанна Кронштадтского» одинаковые по своему содержанию.

Каждая рукопись начинается с описания свержения царя в революцию 1917 года в России.

«...Кругом бегают разные звери (люди. — *замечание цензоров*) и лезут к трону. На троне сидит Николай II очень бледный. И вдруг трон пошатнулся, помазанник божий упал, и корона покати-лась. Помазанника божьего не стало...»

Далее в рукописях описывается приход Советской власти и в злобных измышлениях возводится клевета на преобразование и строительство Советского социалистического государства, на советскую действительность, на вождей большевистской партии и Советского государства и на советский народ:

«...Масса людей валяется, умирают от голода, едят траву, землю, друг друга, а псы пожирают трупы их, везде страшное зловонье. Кругом умирают, извергают из уст страшное кощунство и богохульство... Вот я вижу мрачный престол... вместо икон какие-то портреты со звериными лицами с острыми колпаками, а на престоле не крест, а громадная пятиконечная звезда... чаша стоит, а из чаши зловонье идет так, что страшно и жутко было на это все смотреть... На престол прыгнула какая-то мерзкая женщина, вся в красном со звездой на лбу, и завертелась на престоле... Кричала как ночная сова: “Я теперь свободная стала”...»

Идут дети, страшно измученные, на лбу у каждого звезда пятиконечная... и сильно кричали: “Отцы святые, помолитесь за нас, мы сильно страдаем, нас не крестили, а звездили”... Я вижу горы книг... Это еретические книги, которые заражают весь свет своим мерзким учением и богохульством... Затем я вижу идет масса народа, все одеты в красное и несут огромную пятиконечную звезду. На каждом конце звезды по двенадцати бесов, а в середине сам сатана сидел — князь тьмы со страшными рогами, глаза крокодиловые, пасть извергает злобную пену на этот народ. Люди пели: “Вставай, проклятьем заклеянный”... Вдруг появилась масса бесов — все в красном, как головни в печи, и начали клеймить народ, прикладывая каждому печать антихриста на лоб и на руки выше локтя... Вошли в храм... И вижу престол посреди храма, на престоле сидит в красной порфире всемирный царь... антихрист. Он был зол, как тигр. Вдруг он встал на престол и закричал звериным голосом: “Я ваш бог и царь, кто не примет моей печати, тому смерть”... Все люди пели и поклонялись ему и стали подходить к клейму с левой стороны и получать печать, целуя его страшную лапу...»

Эти приведенные выдержки и все остальное содержание каждой рукописи открыто направлены на борьбу против Советской власти, руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Далее в рукописях указывается конечная дата — 1954 год, «затем он (старец) посохом указал на западную сторону стены и тем же посохом начертил: 1914–1917–1919–1920–1930–1933–1954», которая призывает от всего отрешиться и в напряженном ожидании готовиться к концу мира:

«Не скрывай сего, скоро, скоро конец Мира, молись богу, он милостив к рабам своим».

Кроме того, в конце каждой рукописи дается призыв о распространении среди населения их явного антисоветского содержания:

«Что ты читал, напиши все и передай православным христианам...»

Подвергнутые анализу рукописи «О тираническом царстве антихриста» на 1 листе, «Близ есть при дверях» на чувашском языке и «Близ есть при дверях о признаках антихристовых» являются аналогичными по содержанию.

Они направлены на агитацию среди политически отсталой религиозно настроенной части населения о не признании Советской власти, как «власти антихриста», посеять страх и религиозное суеверие о якобы скором наступлении конца мира и этим настроить население против стремления к жизни и выполнения проводимых мероприятий ВКП(б) и Советского правительства.

Рукопись в виде отдельных записей из книги под названием «24 протокола сионских мудрецов» на 4 п./листах.

На лицевой стороне первого п./листа рукописи нарисована эмблема СССР — пятиконечная звезда, которая по объяснению автора книги или рукописи является «символом слугителей дьявола».

На оборотной стороне этого п./листа нарисованы три шестиконечные звезды разного размера, на одной из этих звезд изображена фашистская свастика и змея, держащая свастику. Объяснения к этой звезде у автора нет.

В остальном содержании рукописи есть призывы, обращение к рабочим, чтобы последние вступали в ряды социалистов, анархистов, т. е. врагов рабочего класса, реакционных лакеев империализма. На странице 2 об. ведется пропаганда о войне и завоевании в ней капиталистическими странами России. На обороте по-

следней страницы автор рукописи словами «сионских мудрецов» пишет свои антисоветские взгляды:

«Наша цель уже в нескольких шагах от нас. Остается небольшое пространство, и весь пройденный нами путь готов уже сомкнуть свои цепи символического змея, каковым мы изображаем наш народ. Когда этот круг сомкнется, все европейские государства будут им замкнуты, как крепкими тисками».

Рукопись в целом является идеологически вредной и, как наглядное пособие, направлена на проведение а/с агитации против Советской власти.

В рукописи «Послание Оптиной пустыни монахам и мирянам» под видом старых церковно-монархических догмат «апостолов» ведется антисоветская агитация, рассчитанная на религиозно настроенную часть населения, о необходимости проведения борьбы против распространения в народе «ереси безбожия». Рукопись начинается предупреждением, что

«...в последние дни, как говорит апостол, наступят времена тяжелые... Враг рода человеческого действовать будет с хитростью, чтобы... склонить к ереси избранных – верующих».

Этими словами выражена враждебность «духовной паствы» старой монархической церкви к декрету Советской власти об отделении церкви от государства и школы от церкви. Эти мероприятия, проведенные Советским правительством, осуждаются в рукописи злобными клеветническими выпадами:

«Еретики возьмут власть над церковью... первым делом их будет гонение... заточение в ссылки истинных пастырей... ибо бес, руководящий ересью, не терпит благочестия».

В рукописи также возводится злобная клевета на коммунистов, что выражено следующими словами «Узнавай сих волков в овечьей шкуре по их горделивому нраву, сластолюбию и властолюбию...»

Кроме того, рукопись словами «Мужественно стой в вере и, если нужно, с радостью терпи изгнание и другие скорби, ибо с тобой будет Господь и святые мученики и исповедники...» призывает политически отсталую религиозную часть населения враждебно относиться к существующему Советскому строю.

Рукопись под названием «Исповедание грехов генеральное» содержит в себе пять разделов под следующими наименованиями:

- 1) Глаголемое перед иереем от лица кающегося;
- 2) О причащении святых Таин;
- 3) Рассуждения божественного причащения: ибо не рассуждай суд себе яст и пьет;
- 4) Рассуждение второе, на отчаяние в равенстве;
- 5) Преклонение пречистым христовым тайнам.

Изложение всей рукописи сделано на славянском языке, где кающийся в грехах по готовому шаблону исповеди проклиная себя в содеянном «всех моих грехов, и их же зле содеях, мыслью, словом, делом и всеми моими чувствами, яко во грехах родихся, во грехах воспитаня и во грехах по крещении даже до сего часа пожил есмь».

По названному покаянию выходит, что каждый советский гражданин виновен во всей его работе мыслью, словом, делом, поведением. Он становится грешным еще во чреве матери, во время рождения, воспитания и грешником пребывает всю свою жизнь до тех пор, пока не откажется от всей окружающей советской действительности, т. е. от всего прогрессивного, растущей радостной жизни и от труда строителя коммунистического общества.

Далее клятва в рукописи выражена в следующих словах: «Каюся и желаю и повиную себя господу богу моему быти представляю: в день судный будете ми свидетели противо дьявола, врага и неприятеля рода человеческого, яко сия вся аз исповедах».

В переводе это означает: в день судный прошу бога быть свидетелем и тогда докажу свою верность против дьявола, врага и неприятеля рода человеческого, против того, что меня окружает. Это содержание и подобные толкования «об исповеди» в других разделах рукописи направлены на разложение неустойчивых в политическом отношении людей в антисоветском религиозном духе.

Рукопись на 7 листах. Содержит отдельные записи из религиозной толковательной книги под названием «Апокалипсис».

В рукописи в разных вариантах описывается об «антихристе» и дается объяснение, «толкование», что подразумевается под «антихристом». Например, на страницах второй, третьей в объяснениях об «антихристе» говорится:

«Это есть незаконная великая русская революция, дьявол дал свой дух в зверинообразных людей, с их злым ораторством в собраниях и вся современная печать антихриста своей хитростью, обманом дает свободу собраний и слова, и зло во всей силе разлилось по всей России и по всему миру, а кто этому не подчиняется, противится, будет убит... дьявол, антихрист, его помощники революционеры, которые захотели сделаться земными царями, и вой их — это все забастовщики, они собрались все вместе с их союзами и политически нечестивой силой, они собрались сотворить брань противу православной апостольской церкви, противу всех законов царя и всего святого воинства, людей право правящих и истинно-православных христиан...

Антихрист и лживый пророк приготовил народ своим богопротивным сочинением к богоотступничеству и царю. Антихрист только явил начало русской революции, движение это как бы

знаменем явилось в народе от действий антихриста. В движении оказалась непокорность к царю, правительству и хула на святую церковь и бога. Люди прельстились освободительным движением, а антихрист дал им знамение общим усилием улучшить свой быт жития, но это было знаменем для прельщения всех людей и таким планом дать способ всем объединиться против самодержавного царя на церковь и бога. Кто признал это явление нормальным и чтит его антихриста, т. е. признавал своим правителем открытого бого-отступника, то все поклоняющиеся его иконе будут живыми ввержены вместе с городом-блудницей в озеро огненное, в огненное мучение на веки бесконечные. Во время нечестивого царства антихриста выльется чаша последнего гнева божия и на весь мир гнев божий будет простираться во всей силе».

Приведенные слова и все остальное содержание рукописи возводит злобную антисоветскую клевету против ВКП(б) и Советской власти, вождей большевистской партии и Советского государства.

Рукопись под названием «Жизнь унылая настала» составлена в стихотворной форме, в которой сначала до конца выражено недовольство и озлобление на советскую действительность, что достаточно наглядно подтверждается словами в рукописи:

«Жизнь унылая настала, лучше братцы умереть, что вокруг нас происходит, тяжело на все смотреть. Уж пошли везде несчастья, разлились по всей стране, все забыли благочестья, продались сатане».

Далее в рукописи в той же стихотворной форме осуждаются законы Советской власти по всем вопросам строительства, образования и культурного роста советского народа и в то же время восхваляется все старое, реакционное, проповедуется консерватизм.

В рукописи под названием «Чудесное сновидение послушницы Тихвинского Введенского монастыря» описывается жизнь одной послушницы Феклы, которая с 17 лет находилась в монастыре «почти неграмотная, с трудом читала псалтыри, целыми днями была в монастырских послушаниях, усердная в труде, кроткая, скромная, живущая в страхе божием. В настоящее время ей 33 года, несколько лет она жила при больной старице и ходила за ней безропотно...»

За такую жизнь, угодную богу, как лучшую награду она якобы получает доступ в царство грешных, где в сопровождении и охранении святого Георгия обходит все места великих мучений грешных людей. Далее в рукописи описывается страдание и жестокие мучения в «аду» (кипячение в котлах, обжигание пламенем, высасывание крови змеями и т. п.) со всеми теми людьми, которые ведут «богохульную жизнь», отходят от веры в бога и не почитают религиозных праздников.

Содержание данной рукописи направлено на агитацию среди религиозной части населения, особенно среди женщин, в необходимости в условиях советской действительности перехода на нелегальный «монастырский» образ жизни, настраивает советских граждан против участия в проводимых мероприятиях партией и Советским правительством.

В рукописи под названием «Святое письмо» указано: якобы в одной стране мальчик услышал, как ангел заговорил с неба человеческим голосом о том, что в 1951 году будет большой ливень, невыносимая жара, моря затопят берега, погибнет половина населения вселенной и божьим судом завершится всемирная война. Кроме того, в письме пишется, что «восстанет народ на народ, брат на брата и будет пролито много крови», чтобы люди верили в бога и не забывали божьего суда и т. п. и т. д.

Приведенные слова и все остальное содержание рукописи направлено на распространение при совет-

ской действительности религиозного суеверия, напряженного состояния и страха среди населения и призывает этой рукописью политически отсталых людей на отказ от участия в проводимых мероприятиях ВКП(б) и Советским правительством.

В рукописи под названием «Второе спасение Григория учеником святого Василия» от начала и до конца под видом сновидения описывается, как происходит божий суд над верующими и неверующими и тяжелые невыносимые страдания людей, попавших по определению бога в «ад» за свои грехи при жизни на земле. Содержание всей рукописи направлено на распространение среди населения религиозного суеверия и чувства страха о «предстоящем страшном божьем суде». Рукопись по своему содержанию является антисоветской и вредной, и она направлена против мероприятий партии и Советского правительства.

Исходя из анализа всех выше перечисленных документов (рукописей), комиссия считает, что хранение и пользование этими составленными рукописями в советской действительности следует расценивать как стремление к подрыву устоев нашего социалистического строя.

Председатель Комиссии,
начальник Главлита Чуваш. АССР
(ВОЛКОВ)

Члены Комиссии:
Ученый Секретарь Чувашского
Научно-Исследовательского
Института языка, литературы и истории
(КУЗЬМИН)

Сотрудник Чебоксарского ГК ВКП(б) (СЮТРУКОВ)³⁵.

³⁵ ГИАЧ. Ф. 2669. Д. 3117. Л. 179–189.

* * *

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Президиума Верховного Суда РСФСР

Гор. Москва

31 мая 1989 г.

Президиум Верховного Суда РСФСР в составе:

Председателя — Верина В. П.

Членов Президиума — Вячеславова В. К., Жуйкова В. М., Карасева И. Н., Лукашова Ю. А., Меркушова Е. А., Свиридова Ю. А., Сергеевой Н. Ю.

Рассмотрел дело по протесту И. О. Прокурора РСФСР Трубина Н. С. на приговор Верховного суда Чувашской АССР от 11 апреля 1952 года, по которому

П А В Л О В Семен Павлович, 1906 года, уроженец деревни Средние Кибечи Шихазанского района Чувашской АССР, чуваш, —

О с у ж д е н по ст. ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

В кассационном порядке дело не рассматривалось.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 9 сентября 1955 года исключено из приговора обвинение Павлова по ст. 58-11 УК РСФСР и дело в этой части прекращено производством за недоказанностью обвинения, снижено ему наказание по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР до 10 лет лишения свободы, а в отношении осужденных Игнатъевой Т. И., Игнатъевой М. И. и Рыбкиной М. Ф. приговор отменен с прекращением дела производством за отсутствием в их действиях состава преступления.

В протесте поставлен вопрос об отмене приговора и определения также в отношении Павлова с прекраще-

нием дела производством за отсутствием в его действиях состава преступления.

Заслушав доклад члена Верховного Суда РСФСР Петухова И. С. и выступление заместителя Прокурора РСФСР Землянушина И. С., поддержавшего протест,

Президиум Верховного Суда РСФСР

У С Т А Н О В И Л:

Павлов признан виновным (с учетом изменения приговора определением от 9 сентября 1955 года) в антисоветской агитации.

Просьба в протесте об отмене приговора мотивируется тем, что Павлов, руководствуясь своими религиозными убеждениями, отказывался признавать Советскую власть, заявлял, что подчиняется только богу, и по этим основаниям не участвовал в проводимых партией и правительством мероприятиях, — однако все это не является антисоветской агитацией и не образует состава преступления.

Президиум Верховного Суда РСФСР находит протест обоснованным.

Из показаний свидетелей видно, что Павлов и другие религиозные граждане, так называемые «истинно-православные христиане», собирались вместе и обсуждали вопросы, связанные с религией, читали религиозную литературу, проводили соответствующие их верованиям обряды. Они, в том числе Павлов, отказывались от голосования при выборах органов власти. Павлов отрицательно отзывался о колхозах.

Все эти действия не сопровождались призывами к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти и не являются антисоветской агитацией.

Исходя из этого и руководствуясь ст. 378 п. 2 УПК, Президиум Верховного Суда РСФСР

ПОСТАНОВИЛ:

Приговор Верховного Суда Чувашской АССР от 11 апреля 1952 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 9 сентября 1955 года в отношении Павлова Семена Павловича отменить, дело о нем производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления³⁶.

³⁶ ГИАЧ. Ф. 2669. Д. 3117. Л. 322–324.

Приложение II

Воспоминания об архипастырях и пастырях

Из воспоминаний схиигумении Сергии

1. Архиепископ Андрей Уфимский

Я ходила, конечно, с молодых лет в Церковь. В Уфе сорок церквей было. Много видела и епископов разных, но как-то после встречи с архиепископом Андреем, в миру князем Ухтомским, вся моя жизнь переменялась: я полностью обратилась ко Господу. Мне было двадцать два года тогда. Я слышала, как говорят, с каким восторгом: «Владыка приезжает в Уфу». И я тоже выразила желание большое повидать владыку. Я почему-то опоздала к началу. Уже церковь была полна народу, и в ограде был народ. Пришла, тихонько пробралась, встала в уголочек. И смотрю — как раз Херувимскую тогда пели, — владыка стоит с распростертыми руками. Я не могу глаз оторвать от него. И других я видела, но это было что-то необыкновенное такое: я чувствовала, что он молится, а душа его прямо вся в Боге. И вот я смотрю, смотрю, за каждым движением его слежу.

И вот, когда он вышел благословлять всех — а ведь сколько народу было, — его взгляд встретился прямо с моим взглядом, совсем неожиданно для меня. Я очень удивилась и почувствовала сразу какое-то горение, словно огнем обожгло сердце мое. Это длилось несколько мгновений, я не знаю сколько, но знаю, что очень немного времени было все это. Он благословил, ушел в алтарь. А я стою, молюсь и вот чувствую, что-то со мной случилось, как будто мне что-то понятно стало, раньше не так это было понятно. Я стою, прямо-таки ноги мои к полу приросли. Кончилась литургия, стал народ ко кресту подходить. Священник держит крест, а владыка стоит рядом и благословляет. Люди идут-идут, а я не могу, не могу подойти никак. Уже народу немного осталось, и я подхожу под благословение. И такой у него какой-то орлиный взгляд, посмотрел так на меня серьезно, благословил, пожал мне руки: «Христос с тобою, чадо мое». Меня прямо-таки всю потрясло даже от таких слов. Ну, я прошла дальше, встала в сторону.

Стали все уходить, и он вышел из храма. Народ был так рад, что он вернулся. Уфа очень любила его. И даже за оградой был народ, не уходили, ждали, пока он выйдет. Не знаю, что такое со мной происходило, но я вдруг поняла: почему это Христос на землю приходил, почему все стремится к Нему, мне как-то стало понятно все. Пришла домой — я с родителями жила — и как в тумане на все смотрю. Взяла Евангелие, стала читать. Раньше я брала Новый Завет, и надо мне было нудить себя, чтобы что-то прочитать. А тут, когда я начала читать, что-то такое по-другому я поняла, как будто сердце у меня открылось. И я прочитала подряд, не за один раз, но я всех четырех евангелистов прочитала, и у меня все больше и больше глаза открывались.

Владыка служил только в трех церквях, а остальные церкви были уже «подписанные», и он в них не служил. Где он служил, туда и народ шел. В других

церквях никого нет, десяток старушечек, и все. А у нас в Симеоновской церкви полно народу. И если в другом месте служил, мы все туда бегали. Тогда не было трамваев в Уфе, так мы пешком ходили все. Проповеди, конечно, хорошие говорил. Все были в восторге. И, где бы он ни был, меня ничего не могло удержать, я всегда ходила к нему.

В 26-м году он приехал, а в 27-м году его арестовали. Арестовали в Духов день. Помню: раннюю литургию отслужил он, и повезли его на станцию. Люди, знаете, все плакали: было так тяжело расставаться. А я — словно сердце у меня вырвали, — я места себе не находила нигде. Вот его привезли на пролеточке на станцию. Несколько мужчин окружили его, удерживая людей. А народ хватает, целует рясу. Он идет, благословляет, благословляет всех. Вышли на перрон — там стоял московский поезд, — и сразу его провели в вагон. Ближе уже нельзя было никому подойти. И стояли все, смотрели. Народу было... Слезы капали у всех. Тут поезд тронулся. Владыка стоит в тамбуре, благословляет. Сначала поезд тихо-тихо стал удаляться, потом быстрее, и он платочек взял, и уже не видно ничего, только платочек видно было. И все, увезли нашего владыку. И с тех пор мы его не видели. Это было в 27-м году, ему было тогда 55 лет.

Собрались на вечерню. Начали молиться, стали все на колени. И заплакали все, сначала про себя, а потом общий гул появился. Поплакали-поплакали, но что же делать: увезли, и все, не видели больше владыку. И храм у нас остался пустой.

2. Иночество

Стала я читать больше, и для меня совсем новый мир открылся. И духовные переживания начались. Вот что-то непонятно мне, какой-либо вопрос появится

помимо воли, и я думаю день, потом появится ответ на этот вопрос — но это помимо воли моей, — и так опять. Читала книги, а там все о посте. Читала, как мало святые отцы ели хлеба, как много молились. Читала и думала: «Так что же? Это ведь не сказки, не выдумки, они такие же были люди. Почему бы и мне не начать, все это на себе не попробовать?» И я начала понемногу воздерживаться. Семья наша была большая: папа, мама, пять сестер и два брата. Но помощи ни от кого не было. Никто меня тогда не поддерживал. Родители мои не были рады, что я пошла по этому пути. А вскоре у меня уже и потребность в духовной матери появилась. Ну что своя мать: накормить, напоить, одеть, и все. А у духовной матери другое назначение: она хочет чадо свое ко Господу привести. Поэтому как-то собрала я свое барахлишко, часть сестрам раздала, а себе самое необходимое взяла. Машинка швейная у меня была, шила я. И приехала со всеми этими вещами в церковную сторожку к матушкам. Монахиня Иоанна, старшая из них, даже напугалась. Но они мне не отказали, конечно, приняли меня, и я там у них осталась жить. Матушки переписывались с владыкой Андреем¹, и он, смотрю, пишет: «Да Бог благословит, пусть живет».

В 1928 году у нас снова появился епископ — епископ Вениамин (Троицкий). Владыка Андрей в ссылке постриг его в монашество и отправил на послушание в Уфу. Приехал он из Ташкента архимандритом, здесь его повезли к схиепископу Петру², и тот вместе с епископом Иовом³ посвятил его во епископа Байкинского.

¹ В то время владыка Андрей вновь находился в ссылке в Средней Азии.

² Владыка Питирим (Ладыгин), в схиме Петр, епископ Нижегородский, викарий Уфимский (около 1857 г. — 1.10.1950 г.).

³ Владыка Иов, епископ Уфимский. В 1912 году владыка Андрей, будучи на Сухумской кафедре, встретил семнадцатилетнего послушника на Кавказе. Он жил вместе с одним монахом в собственноручно

И стал владыка Вениамин служить в Симеоновской церкви нашей. Несколько послужил, и я от него приняла иночество с именем Рипсимия. Мне было 25 лет тогда.

3. Ссылка

Ходила, молилась я и не замечала сначала давления власти. Но власть за нами следила, мы были для нее враги. И, конечно, владыка Андрей был для нее враг, «черным князем» они его называли. Когда его арестовали, сколько клеветы на него было... А он о себе говорил: «Я только был в пленках князь, и больше я князем не был». Он с юности пошел по духовной линии, какой уж здесь князь, он все испытал в жизни... Только год прослужил у нас и епископ Вениамин, в 1929 году его арестовали. В то время сроки давали небольшие — 3 года, как правило. И мы опять остались одни. В 1930 году и меня арестовали тоже. Пришли ночью, сделали обыск и повели меня пешком через город. Темно, двое конвоиров ведут по середине улицы неизвестно куда. А я, знаете, ведь совсем молодая тогда была. Но страха не было, я чувствовала, что Господь рядом...

Довели до тюрьмы, я перекрестилась и переступила порог. Камера была переполнена. На нарах лежали люди, и под нарами, и на полу. Не знаю, куда стать. Вдруг слышу, кто-то зовет меня: «Рипсимия!» Я с трудом пробралась туда. Это была знакомая верующая. Устроилась возле нее на полу. Пол был грязный, ночью все время ходили, наступали на меня. Было так душно, что у меня там вскоре начались сердечные при-

созданной келье в пещере в горах. Владыка Андрей тайно рукоположил его во епископа в 1924 году. В 1930 году владыка Иов окормлял два прихода, состоявшие из верных чад владыки Андрея, затем был арестован.

ступы. Дышать нечем, подойду к двери, у глазка подышу немного. Лето, жара. Выводили на прогулку на несколько минут. Рядом с камерой стоял смертный ящик. Если кто умирал, складывали туда, пока не наполнится.

Много рядом людей страдало. И так мне было жалко их, так хотелось помочь им всем. Готова была все их сроки себе взять, только бы их отпустили! Три месяца была под следствием. Говорил мне следователь: «Напрасно вы губите свою молодость, зачем вы слушаете так своих священников?» А я всегда знала твердо: раз мои отцы по этой тропиночке пошли, значит, и я за ними должна идти. Дали мне ссылку – город Самарканд, 3 года. На пути в Самарканд в Самарском изоляторе была — страшный изолятор был... Такая, знаете, тюрьма старинная. На десять минут выпускают подышать воздухом и снова в камеру запирают. В общем, испытала я тогда эту тюрьму, до конца узнала, что такое тюрьма.

Через шесть месяцев попала в Ташкент. В Ташкентской тюрьме было лучше. Там двери открывали, мы на воздухе сидели. И ручеек рядом протекал, нам свободней было. Из Ташкента взяли тех, которые были назначены в Самарканд, меня и еще одного мужчину. Вместе с нами в Каттакурган везли целый вагон бандитов. И когда ехали через Самарканд, нас никто не встретил, чтобы нас принять, и нас дальше в Каттакурган повезли. Это далеко, Каттакурган. И такой, знаете, там был песок, как снег, до колена почти проваливалась нога. Этих бандюшек всех в тюрьму посадили, мужчину, моего попутчика, туда же поместили. А женщина только я была одна, а там женских камер не было. Ну и что, куда меня деть-то?

И вот там, в тюрьме, была такая временная лачужка. Там сидела одна женщина, анашу она продавала, за это ее и посадили. Меня туда и поместили. При-

несут грамм 400–500 хлеба и немного воды — и все, потому что я не числилась в тюрьме, я для них была чужая. И еще такая же была камерка, мужчины там сидели, узбеки, «Узбекистан» называлась. Они этой женщине давали еду. Им жены принесут передачу, они ей отделают, а она мне: «Давай садись. Пока я жива, так ничего, не умрешь». Месяца два, наверное, я пробыла там.

Надо было обратно вернуться в Самарканд, но у меня денег своих не было. Тут мужчина один как раз ехал, тот, который был в Самарканд назначен, и он за меня заплатил. И нас двоих отвезли в Самарканд. Там освободили из-под ареста. Выпустили, и куда хочешь иди. Город незнакомый, денег ни копейки нет. И не знаю, куда идти. И вот там к одной женщине старушечка ходила. И эта женщина мне говорит: «Ну, не печальтесь. Я вам дам адрес этой старушечки, Марья Ивановны, и вы пойдете к ней». И что же, дала она мне адрес, и мы пошли к этой старушечке. С этим дядечкой пошли, ему тоже негде было остановиться.

В старом городе она жила. Там такие, знаете, внутри были домики маленькие, а вокруг глиняные заборы выше роста человека с маленькой калиточкой. Пришли мы к этой старушечке. Она с мальчиком жила. Мы ей рассказали — так и так, — и она: «Ну, что же, что же, пожалуйста». Нас приняла так радушно. У ней было две комнатки. Она комнатку одну этому Александру Ивановичу отдала, а я с ней осталась. Одежда меня, а мы что ж, из тюрьмы были, из этапа тем более, грязные были. Через два дня Александр Иванович устроился на работу — мастер какой-то он был, — и комнатку ему дали. А я на работу устроиться не могу, не принимают меня на швейной фабрике, потому что я за агитацию сослана. У меня политическая статья была — 58-10-11. 10-я — значит агитация против власти, а если уж 10-11 — это групповая агитация.

Тогда карточная система была, нужно было устроиться на работу, чтобы получить карточки, и я уже в уныние начала впадать — не берут меня на работу. Знаете, мне 26 лет было, и я одна в чужом городе оказалась. Трудно было мне тогда еще. Но я думала: «Господь не оставит меня в этом положении, это мне только испытание». И не оставил Господь — приняли на фабрику все-таки. Приняли, а все равно, знаете, следили все время. Как только выйду подышать в перерыв, а жара такая, каменные стены раскаленные, и я просто задыхалась, совершенно задыхалась. У меня всегда здоровье слабое было. Потом стали признавать расширение сердца. Я ни к кому не подхожу, а около меня тот, другой, третий — следят. Одна рабочая мне потом сказала: «Знаешь, о чем меня спрашивали? Вокруг нее всегда народ. О чем она говорит?»

Так и работала. Если какой непорядок на работе — все относили на мой счет. Раз в месяц ходила в НКВД отмечаться, как ссыльная. Вот прихожу, а меня вызывают во внутреннюю комнату. Там следователь мне и говорит: «Вы будете нам доносить, что на работе у вас делается». Я отказалась, конечно. Он встал. «Пошли», — говорит. Повел меня вниз, в подвал, где камеры с людьми. Открыл ключом дверь в камеру, внутри пусто было. Сказал: «Иди домой и подумай». Ну, что же, и я целый месяц переживала, все собиралась опять в тюрьму. И хозяйке уже сказала, и домой написала. Но Господь сохранил, тогда, видно, не время было мне попасть в тюрьму. Когда снова пришла на отметку, больше ничего не предлагали. Так прошло три года...

А владыка Вениамин за Петроградом был в лагере. Там он заболел. В больнице врач сказал: «Перитонит. Операцию делать бесполезно». Ночью владыка видит во сне святителя Николая, который ему сказал: «Жизнь твоя будет продлена, но не в радость, а на скорбь». Наутро у владыки образовалось отверстие, и гной стал вы-

ходить. Он поправился, а врач сказал: «Первый раз в жизни вижу такое». После лагеря он попал в город Мелекесс. Вдруг я в Самарканде получаю письмо от владыки Вениамина. Пишет мне: «Приезжай». У меня уже заканчивался срок — три года. В Уфе меня ждали тоже, но поскольку благословение было в Мелекесс, я поехала туда. Там тоже три года мы пробыли, там я поступила работать.

4. Лагерь

В 1937 году снова начались аресты. Забирали всех подряд, не только там иеромонахов или верующих забирали, а всяких, каких попало. О, какие были жуткие аресты! Владыку Вениамина сначала арестовали. Сколько уж прошло времени, не знаю, нас арестовали: меня, его брата иерея Михаила Троицкого, монахиню Филарету, у которой владыка жил, старушечку Наталью Павловну, из Уфы она была, уважала очень владыку, за ним ездила. А вот была со мной одна инокиня, жили в одной комнате, она осталась, а меня арестовали.

Судили в Ульяновске. В первом полугодии 1937 года давали по 5 лет всем, а во втором полугодии — а меня в декабре судили — уже по 10 лет. В тюрьме били сильно. Через стенку слышно было, как били, как кричали люди. Как-то после допроса встретила в коридоре отца Михаила, брата владыки. Он был весь избит, черный, глаза заплыли: «Рипсимиюшка, ты же знаешь, я ни в чем не виноват». Потом его этапом отправили в Архангельск, и он умер в дороге. С ним была матушка Филарета. И старушка наша не выдержала, умерла на пересылке в Сызраньской тюрьме. После суда погнали и меня на этап. Я еле шла — сил нет, а чуть отстанешь, собаки хватают за ноги. Потом привезли куда-то.

Тайга. Свердловская область, Серовский район, станция Сосьва. Дальше не было пути, поезда не ходили, была сплошная тайга. И вот сюда всех на лесоповал присылали. Лагерь большой там был, рядом село, где жило начальство Севураллага. В лагере наш этап был первым, за кем привозили еще людей. Заставляли нас пни корчевать — это для всех была непосильная работа, потому что от недоедания ни у кого сил не было. Меня поставили сучки обрубать, а я ведь и топор никогда в руках не держала. Рублю-рублю, а сучья все на месте. Руку себе чуть не отрубила тогда. После этого меня отравили в столовую посуду мыть. Видела, как люди страдают, бедненькие: супчик с крупочкой какой-нибудь дадут им, так они выпьют этот супчик весь, а потом каждую крупиночку собирают в рот. Я уж там про себя-то забывала — мне людей было очень жалко.

Поджила рука, отправили на скатку бревен. Там со мной уже сердечный приступ случился. Работала, и вдруг ноги подкосились, дышать стало нечем. Прислонили меня к дереву, а вечером принесли на носилках в барак. А там сразу в лазарет. Я долго болела. Помню, один раз сердце отказало совсем: все слышу, а глаза открыть не могу, и дыхания почти нет. Слышу, говорят рядом: «Умерла». Но Господь сохранил и в этот раз. Потом четыре с половиной года я медсестрой работала. Я знакома была с медициной несколько. И косить-то нас посылали. А я и косу-то не умела держать. Так там умеешь не умеешь — давай работай.

Конечная моя, что ли, остановка: после лечения по наряду меня взяли в швейный цех. Нашли, что я портниха. К тому времени я уже инвалидность в лагере получила, и на общие работы меня не посылали. Работала в цехе закройщицей. Денег не давали, конечно, несколько. За кусок хлеба ценилась наша работа. Вот здесь я и кончила весь срок. В 1947 году в декабре месяце освободилась. Ехали долго, восемь суток. Я, помню, до

того изнемогла, что больше не могла уже. Легла около стенки, вытянулась и так и уснула. Все на свете забыла. Часа два-три, наверное, я спала, прямо на вокзале, на полу у двери. А там был какой-то старичок, священник, тоже ехал с нами, потом был еще дядечка из другого лагпункта, бухгалтер. Я когда проснулась, они говорят: «А мы вас караулили. Как вы спали хорошо...»

5. После лагеря

В Уфу въезд мне был запрещен. И ближе ста километров от Уфы нельзя было жить. Устроилась с матерью и сестрой в латышском поселке в ста километрах от Уфы. Но в Уфе я бывала, знакомые монахини там жили. Через год одна монахиня приезжает ко мне и говорит: «Поедем к схиепископу Петру». Он рядом жил, недалеко. За ним следили, и попасть к нему было трудно. Мы поехали: я, две монахини и старичок один, вез владыке святые мощи. Владыка был очень старенький — девяносто лет. Мне хотелось скорей принять мантию, а там я готова была хоть снова в тюрьму за Господа. И он постриг меня на другой день с именем Нина. Потом вернулась к сестре. В 1948 году начались аресты «повторников» — забирали всех, кто уже сидел. Соседка была латышка, она сидела, и вот ее взяли. А я ждала, что теперь придут и за мной. Председатель в поселке том уже сказал как-то сестре: «Спрашивали про твою сестру». Но не угодно было это Господу, и больше в тюрьму я не попадала.

Через два года приехали матушки от владыки Петра: «Где моя овечка? Разыщите мне ее!» Вскоре удалось устроиться в Уфе. Там служил тайно иеромонах отец Михаил⁴, которого посвятил владыка Петр, и мы стали ходить к нему. Моя мама приняла от отца

⁴ Священник Михаил Панченко.

Михаила мантию. После смерти отца Михаила нас взял к себе иеромонах Тимофей, его тоже посвятил владыка, но он был из белых священников. Ради Господа они с матушкой своей приняли монашество. За ним охотились власти, и он скрывался много лет на Кавказе. Мы уехали за ним на Кавказ. Жили там шесть лет. Двух моих сестер он постриг в мантию и вскоре после этого в 1975 году умер от астмы. Ему было уже 82 года.

А мы стали искать других истинно-православных священников. И нашли их. Но это уже другая история...

6 декабря 1994 года

О пребывании отца, затем владыки Гурия в США летом 1991 года

По записям монаха Николая⁵

Архимандрит Гурий прибыл в Свято-Преображенский монастырь в Бостоне 27 июня (10 июля) 1991 года. Епископ Гурий отбыл в Москву 30 августа (13 сентября) 1991 года.

В ночь приезда он был очень утомлен, и не только из-за дороги, но и из-за того, что не спал на протяжении четырех ночей, проводя их в усердном молении о предстоящей поездке. Было поздно, во время ужина в гостевой трапезной он извинялся за сильный кашель, пояснив, что этот кашель у него из-за того, что он спал на сырых тюремных полах.

Сначала он неохотно присутствовал на общих трапезах, опасаясь побеспокоить других кашлем. Позднее, когда я предложил ему пропустить общую трапезу и отдохнуть, он отказался и сказал, что ему нравится сидеть за столом с другими монахами — это напоминает ему первые дни его монашеской жизни. В первый понедельник своего пребывания он отказался есть овсянку, думая, что в ней было молоко. Он объяснил, что в тех монастырях, где он был в России, молочные продукты не ели по понедельникам (рыба иногда позволялась). Позднее в постный день он не хотел пить лекарство белого цвета, опасаясь, что в нем есть молоко. Он, очень нетребовательный и воздержанный в еде, всегда был доволен тем, что давали, и очень редко просил что-нибудь особенное, говоря, что все, что едят отцы, хорошо и для него.

⁵ Перевод с английского языка.

Однажды во время службы, когда была особенно жаркая погода, я предложил ему вентилятор. Но он попросил не беспокоиться, сказав, что все временное, все проходит, нужно просто потерпеть. Тогда же он рассказал, что, когда митрополит Кирилл Казанский служил во время жары, все его архиерейское облачение было мокро от пота.

Всякий раз, когда он входил в комнату или выходил, он всегда три раза кланялся пред иконами. Он крестил всю пищу или питье, лекарства, которые принимал, одежду перед тем, как надевал, любое помещение перед тем, как заходил, транспортные средства. Все, что он делал, было так просто и в то же время так благочестиво!

Отец Андрей (архидиакон из братии Св. Преображенского монастыря) сказал, что он не перестает учиться у отца Гурия всему, что он делает, даже самому простому, например, как тот опускает базиликовую метелочку для окропления святой водой. Он весь как бы пропитан благочестием — это трудно передать словами. Он знает, что он делает, и знает значение того, что он делает. Отец Гурий был очень доволен тем, что у нас в церкви нет электричества, в отличие от Синода РПЦЗ в Нью-Йорке и Джорданвилле. Он говорил, что электрический свет нужен для чтения, но не для церкви. Он считал, что буквы «ХВ» в электрических лампочках над Святыми вратами, как это делается в городских храмах, совершенно неприемлемы в церкви. Он говорил, что нельзя использовать парафиновые свечи в церкви, а только восковые.

Отец Гурий полюбил мир и тишину в монастыре, пение птиц — он говорил, что мы живем в раю. Он целовал колокола из России, ему нравился их звон. На него произвели большое впечатление монастырские мастерские, что напомнило ему Россию, когда каждый монастырь имел мастерские, чтобы содержать себя.

Ему понравились и монастырские козы, когда у него заболело горло, он попросил козьего молока. Он часто сетовал, что обременяет братию монастыря, и просил дать ему какую-нибудь работу, чтобы не оставаться праздным. Мы просили его молиться за нас, на что он заметил: «Послушание превышает молитвы, так что, пожалуйста, дайте работу».

Матушка Нина возила отца Гурия в овощной магазин и торговый центр. Он внимательно рассмотрел все товары: фрукты, овощи, рыбу и т. д. Матушка показала ему разные сорта молока. Он не мог пройти мимо отдела с кормом для домашних животных. Очень смеялся, когда матушка перевела ему надпись на собачьем печенье — «рекомендуется для собачки, когда она хорошо себя ведет». Купил медовую дыню. Ему очень понравился магазин игрушек. В другом магазине он купил парку (одежду эскимосов) и пару прорезиненных туфель. Он был поражен всем, что увидел. Чего здесь только нет! «Бедная Россия, — говорил он. — Там ничего не достать. В Москве рыбы просто не найти, а здесь в магазине более 15 сортов!» Он рассказал о «специальных» магазинах в России для «специальных людей». На следующий день он еще раз выразил свое удивление и скорбь за Россию. Несколько раз повторил это. Спрашивал, трудно ли достать сахар и дорогой ли он. Говорил, как мало людей в магазинах по сравнению с Россией. Да, Америка материально богатая страна, но вот духовно...

Однажды после беседы со мной он попросил прощения за праздные слова, которые мог произнести, и прибавил: «Молчание — золото, может, лучше вообще не говорить...» После возвращения от доктора отец Гурий на вопрос, не устал ли он, обычно отвечал: «Я же не ходил пешком!» Он всегда был кроток и терпелив у врачей, когда его осматривали или заставляли проходить всякие исследования. Он отказался снять свой натель-

ный крест во время рентгена и положил его в рот, подобно тому как он это сделал раньше во время ареста. Как-то он попросил у меня металлическую пилку, чтобы сточить острую часть корня у одного своего зуба: «К чему беспокоить Марию⁶?» Слуховой аппарат, который приобрели для него, забавлял его — он прикладывал руки к ушам, от чего аппарат свистел. Но шум на улице вызывал у него головную боль, поэтому он пользовался аппаратом время от времени, вероятно, дома он будет это делать чаще⁷.

Когда он принимал очень горькое лекарство, то с юмором восклицал: «О, как сладко, десерт!» Даже когда лекарство вызывало у него головокружение, он все равно настаивал на том, что нужно идти в церковь. Он хотел быть на всех службах, он был счастлив, что может стоять в церкви. Он молился по четкам Иисусовой молитвой, когда не мог понимать службу (на греческом или английском). Он говорил, что его кашель — это его начальник и владыка и что он освободится от него, когда его положат во гроб. Он называл себя грешным дряхлым стариком и говорил, что всякая болезнь нами заслужена по грехам. Вот поскольку он совершил столько грехов, он так и болен! Он говорил, что все его современники давно умерли: «Все в земле». Он спрашивал в деревнях, и оказалось, что никого из его ровесников в живых не осталось.

Власти не хотели давать ему разрешение на выезд — говорили о трудностях, что он может заболеть или даже умереть и они будут за это отвечать. Его спрашивали: «Как ты надеешься вернуться живым?» Он ответил: «Я надеюсь на Бога». Второе приглашение из бостонского монастыря, написанное по-английски,

⁶ Русский зубной врач.

⁷ Слуховым аппаратом никогда не пользовался в дальнейшем. — *Прим. сост.*

местные власти в районном центре Козловка не смогли прочитать и отдали на перевод в местную школу. Когда они хотели воспрепятствовать поездке отца Гурия, он им сказал: «У меня есть приглашение, и вы не можете мне препятствовать. Теперь не сталинские времена, Горбачев дал свободу, и я вас не боюсь!»

Я (отец Николай) сказал: «О, вы настоящий Гурий (по-сирийски «Гурий» — львенок). Маленький, но тем не менее лев с когтями и клыками». Он засмеялся и рассказал о своем посещении казанского зоопарка: о том, каких там видел львов, как они рычали, и о том, как к клетке обезьян он протянул свою палку, и они устроили «перетягивание каната». Отец Гурий заметил, что посещать зоопарк христианам можно — хорошо увидеть Божии создания, но клубы и театры посещать нельзя, они обиталища демонов.

Он говорил о Св. Афоне, хотел туда поехать. Говорил, что не будет общаться с духовенством там, просто поедет как паломник на неделю приложиться к святыням и вернется домой. Если такое дополнительное путешествие стоит дорого, то он может посетить архиепископа Авксентия, поехать на Афон, затем продать свой билет на самолет, сесть на пароход до Одессы и оттуда на поезде вернуться домой.

В первый же день своего приезда отец Гурий попросил повесить на стену в его комнате портрет Царской семьи. Он очень почитал Царственных мучеников. Иногда он тихонько напевал: «Боже, царя храни». Однажды он сказал: «Когда убили царя, то убили Россию...» В другой раз он сказал: «Звери, волки — они даже не побоялись убить царя!» Вспоминая о новых мучениках и исповедниках, особенно о епископах Вениамине и Аввакуме Уфимских, митрополите Кирилле Казанском, отец Гурий плакал. Он часто плакал, говоря о том, что претерпели Россия и ее народ. Воспоминания о тюрьмах и лагерях также вызывали у него слезы.

Используя выражение св. Исидора, отец Гурий назвал нынешнее советское правительство «бандой разбойников». Как говорил св. Иоанн Кронштадтский: «Россия без царя — это не Россия». Так что России больше нет. Владыка говорил: «Когда-то при царе у нас была Святая Русь, но бедная Россия умерла, и теперь у нас безбожная Россия, демоническая Россия, сатанинская Россия и антихристово правительство» (интересно, что он все же всегда говорил «Россия», и я никогда не слышал от него — «Советский Союз»). Отец Гурий очень скептически относился к политическим изменениям в России. Он говорил, что это все еще атеистическое государство и власть у них еще в руках. Они «хитрые бестии» и знают, как шпионить и выследивать других. Он планировал жить, как и раньше, скрытно. В городах легче, чем в сельской местности, где все всё знают и выспрашивают. Как и следовало ожидать, отец Гурий пользовался дореволюционным словарем: так он говорил «губерния» вместо «область», он рассказывал, что столько-то «верст» от одного места до другого и т. п.

Перед рукоположением он хотел помыться и спросил: «Где находится городская баня?» Он сказал, что у него дома есть своя баня, которую он топит сам, колет дрова, носит воду и т. д. У отца Гурия очень тонкое чувство юмора. Когда он улыбается или посмеивается, его лицо приобретает милое детское выражение. Отец Гурий очень тихий, но не замкнутый и не отчужденный, он очень наблюдательный и замечал все, что происходило вокруг. Будучи на приеме у врача, отец Гурий обратил внимание на то, как одеваются американцы. Дома в России он как-то спросил молодую девушку, почему она одета как мужчина. Та ответила: «Коммунистическое воспитание». «Так что, я вижу, и здесь, — сказал отец Гурий о прохожих, — многие женщины имеют коммунистическое воспитание».

Он очень удивлялся в прошлом году, когда в Синоде РПЦЗ все русские женщины стояли на службе и даже подходили причащаться с непокрытой головой. И священники им ничего не говорили. Я показал ему наше объявление при входе и коробку с юбками и платками для посетительниц. Он одобрил и сказал, что так и должно быть. Его люди одеваются прилично. Он вспоминал, как одевались люди в деревнях в былые времена — длинные одежды, сарафаны, мужчины носили рубашки навыпуск, подпоясанные ремнем или бечевкой.

После двух-трех литургий он выразил удивление по поводу того, что так много людей часто причащаются. Он не выражал неодобрения — он сказал, что для монахов хорошо и нормально ежедневное причащение, но он удивляется в отношении мирян. Он сказал, что дома у него строгие требования к мирянам, необходимо, чтобы они соблюдали пост по средам и пятницам и все четыре больших поста в году. Мы уверили его, что наши миряне соблюдают то же самое, а иногда и больше, и что все они находятся под руководством своих духовных отцов (отец Гурий был доволен и впечатлен). Для себя отец Гурий вычитывал полную службу и правило ко св. Причастию со всеми канонами и т. д.

Позднее, когда отец Гурий вновь обсуждал с отцом Николаем этот вопрос, он вдруг спросил в отношении множества прихожан: «Вы уверены, что все эти люди православные?» Озадаченный отец Николай ответил: «Конечно, да». Тогда отец Гурий заметил: «Но как же они могут быть православными, если даже не могут правильно перекреститься?» При этом он продемонстрировал небрежное крестное знамение этих людей (увы, это весьма распространенный недостаток среди греков — метод «чистки пуговиц», как пишет

Николай). Так же как и в другом случае отец Николай сказал: «О, Вы все видите, не так ли?» — «Да — отвечал отец Гурий, — я смотрю и вижу, что происходит вокруг меня».

15 (28) июля 1991 года в русском Свято-Воскресенском храме города Вустера отец Гурий был рукоположен в архиерейский сан. Хиротонию совершили по благословению архиепископа Авксентия три архиерея его Синода: Максим Кефалонийский, Ефрем Бостонский и Макарий Торонтский.

Отец Гурий был очень напряжен и немного печален перед своим рукоположением, опасаясь, как бы что-нибудь не помешало его осуществить. Однажды вечером он сказал мне умоляющим голосом: «Когда я вернусь в Россию, пожалуйста, не забывайте меня». Он сказал, что его люди как на иголках ждут известий и что для них это будет Пасхой. Я спросил, будет ли это Пасхой для него. Он помолчал минуту и потом сказал с ударением: «Да, будет Пасха и для меня тоже!»

Он говорил, что ничего не происходит случайно в нашей жизни — все от Бога. Знаменательно, что он должен быть рукоположен на праздник св. Владимира. «Св. Владимир первый принял христианство от греков для своего народа, вот теперь, 1000 лет спустя, я принимаю хиротонию от греков!» Об этом же говорил и митрополит Максим Кефалонийский, приехавший из Греции. После вечерни в монастыре, когда владыка Максим впервые встретился с отцом Гурием, он сказал ему, что, рукополагая его в епископский сан, они, т. е. Авксентьевский Синод, просто возвращают то, что они «взяли в долг» у Русской Церкви⁸.

⁸ В 1960-х — архиереи Русской Православной Церкви За границей восстановили иерархию ИПЦ Греции.

В течение недели перед рукоположением отец Гурий готовился читать исповедание веры, которое читает рукополагаемый во время службы. Он спокойно относился к тому, что будет рукоположен в епископский сан, — он принимает это на себя в свои преклонные годы при своих немощах ради своей паствы, которую он очень любит и за которую несет ответственность.

В субботу накануне рукоположения он не ел ничего молочного. Утром он выпил чая и съел немного хлеба с овсянкой. После этого он ничего не ел до самой трапезы в воскресенье и даже не пил воды. Он вычитал все свое правило, каноны и т. д. днем, а вечером был на всенощной службе в монастыре. Он мало спал ночью, а утром, несмотря на то что отъезд в Вустер, где должно было происходить рукоположение, был назначен на восемь утра, без четверти семь он уже сидел на кровати с посохом в руках, облаченный в рясу и клобук.

В Воскресенском храме города Вустера староста Григорий Мелехов встречал митрополита Максима хлебом-солью и очень трогательно приветствовал. Когда пришло время распаковать вещи отца Гурия и приготовить для службы, обнаружилось, что нет его новых очков. Несколько человек перерыли всю маленькую сумку, но напрасно. Что делать? Он не мог читать без очков. Тогда еще раз на всякий случай проверили сумку — и очки были там, прямо на виду поверх всех вещей.

Он прочитал исповедание веры тихо, но вышло это достаточно хорошо. На словах о Богородице он плакал. Вся служба была радостная и столь трогательная, что плакали многие. Трудно все передать словами. Отец Гурий плакал, когда во время чтения молитв на рукоположение возложил голову на престол, потом плакал, когда причащался. Позднее он сказал, что готов был рыдать всю службу, но сдерживал себя. Он также подавил несколько приступов кашля.

Возвратившись в монастырь вечером, он сказал, что, на удивление, он не устал, только ноги болят от долгого стояния. Он сказал, что благодать Божия подерживала и что он был исполнен такой радости. После службы, когда все спускались на трапезу в подвал храма, наш патер Серафим заметил, что как замечательно, что мы совершаем праздничную «катакомбную трапезу»... под землей! Это замечание повторили митрополиту Максиму, которому оно очень понравилось. Отец Виктор Мелехов (настоятель Воскресенского храма в Вустере) сказал, что отец Гурий не просто ехал на поезде и самолете, чтобы прибыть сюда, но он шел к этому дню более шестидесяти лет. Это настоящее празднование тысячелетия Крещения Руси в их приходе. Отец Виктор также сказал, что он только что звонил в Москву — там счастливы, что все прошло столь мирно и спокойно, и благодарят нас за милость к их убожеству и нищете. Телеграммы будут посланы всей пастве владыки Гурия. Затем отец Виктор обратился по-русски к владыке Гурию.

После чего взял слово епископ Ефрем. «Два Типикона и три языка, и все же мы совершили это!» — сказал владыка. Он напомнил замечание отца Пантелеймона о том, что все эти годы мы, монашествующие в бостонских монастырях, держали специальный пост перед праздником Воздвижения Честного Креста ради сострадания нашим страждущим братьям в России. И вот теперь Бог послал нам свое благословение — среди нас исповедник из России. Владыка привел слова апостола Павла о том, что Бог посрамляет сильных мира сего немощным и ничтожным в глазах мира. Слезы душили отца Пантелеймона, так что он с трудом мог говорить, подавляя их. Он произнес слова апостола Павла: «“Те, коих весь мир не был достоин, скитались в козьих шкурах, скрывались в пещерах и расселинах земли...”» Именно Епископ Гурий — один из них, и мы недостой-

ны его. Его смирению не повредит то, что я говорю, поскольку он не понимает английского. Перед нами не человек, но ангел. Мы простые убогие люди, и кто только мог мечтать, что такие иерархи будут здесь и такая хиротония состоится! Большинство основателей этого прихода умерли, но как, должно быть, они радуются сегодня!.. Сейчас очевидно, что РПЦЗ отступила от позиции своих прежних иерархов, и теперь мантия митрополита Филарета перешла архиепископу Авксентию с его Синодом, а вместе с ними теперь и епископу Гурию».

Митрополит Максим говорил трижды во время трапезы. В самом конце он сказал, чтобы «народ не боялся, и не расстраивался, и не удивлялся, если всякого сорта люди будут стараться вбить клин между греками и русскими и наполнять их слух всяким вздором в отношении друг друга. Ожидайте этого, трезвитесь, не поддавайтесь и молитесь, помня узы, скрепляющие нас». Все соглашались, что такой день, вероятно, никогда больше не повторится в их жизни.

*Список служений архимандрита
и затем епископа Гурия в США⁹:*

29 июня, несмотря на усталость, связанную с перелетом и сменой времени, выстоял всю всюнощную на праздник Петра и Павла, был на литургии и ходил к святому источнику.

1 июля поехал в Скит, исповедался.

4 июля служил в женском Рождественском монастыре на праздник Царственных мучеников.

8 июля на праздник Казанской Божией Матери служил в вустерском Свято-Воскресенском храме.

⁹ Даты по старому стилю.

15 июля на праздник св. Владимира был рукоположен в сан епископа.

19 июля был на празднике св. Серафима в Рождественском монастыре.

20 июля на праздник св. пророка Илии сослужил с епископом Ефремом в Преображенском монастыре.

22 июля — служил в вустерском Свято-Воскресенском храме.

25 июля — был на празднике прихода св. Анны.

27 июля — служил на праздник св. Пантелеймона в монастыре.

29 июля — служил в вустерском Свято-Воскресенском храме.

1 августа — первый Спас — отслужил три водосвятных молебна. Был на литургии в Рождественском монастыре.

5 августа — служил в вустерском Свято-Воскресенском храме. После литургии благодарственный молебен. Подарил золотой крест отцу Виктору.

6 августа — на праздник Преображения был на вечерне и водосвятном молебне на всенощной. Литургию сослужил с епископом Ефремом.

12 августа — служил в вустерском Свято-Воскресенском храме. Впервые надевал мантию.

16 августа — служил в Рождественском монастыре впервые как епископ.

19 августа — служил в вустерском Свято-Воскресенском храме.

26 августа — служил в последний раз в вустерском Свято-Воскресенском храме, присутствовал на крещении. После возвращения в монастырь сразу попал на вечерню, сказал, что не устал — духовный день.

29 августа — был на литургии в Преображенском монастыре.

30 августа — был на литургии в Рождественском монастыре. Прощался с монахинями.

Вечером — служил молебен о благополучном путешествии.

31 августа в пятницу — отъезд в Нью-Йорк и вылет в Москву.

После праздника Преображения отец Гурий сказал, что очень рад быть на Престольном празднике монастыря. Он был глубоко тронут тем, что во время крестного хода нес Евангелие царя-мученика. Когда прикладывался к святым мощам, положил три земных поклона¹⁰.

Владыка говорил, что ему нравится служба в Вустере, там служится по-славянски. Сначала епископское служение для него было трудно, но теперь он привыкает. Он сказал, что в монастыре, где служба на греческом и английском языках, он чувствовал себя глухим, но его растрогало, когда он услышал по-славянски ектеньи, Символ веры и «Отче наш». «У меня сжимается сердце», — говорил он, показывая на грудь.

Он говорил, что после стольких лет он счастлив опять быть в монастыре со строгим порядком и строем жизни и что он будет скучать, когда уедет. Он сказал, что, когда ушел в монастырь (в 13 лет), он так привык к монастырской жизни, что не хотел возвращаться домой, как это сделали многие после закрытия монастыря. Вот почему он переходил в другие, незакрытые еще монастыри. Потом владыка спросил, может ли он быть включен в число братии монастыря. Он говорил, что если бы не его паства дома, то он хотел бы оставаться в монастыре. Отец Пантелеймон сказал владыке, что

¹⁰ На праздник Преображения в монастыре из алтаря выносятся для поклонения все святые мощи и поставляются для поклонения братии и паломников.

здесь его дом и, если он хочет, он может сделать все свои дела в России и вернуться в монастырь, принять здесь схиму.

В другой раз после долгих служб в церкви он заплакал и сказал: «Я поражаюсь, как я приехал к вам. Это Божья Воля привела меня. Мои ноги не устают, как прежде, после службы. У меня в сердце радость от служб — я не чувствую усталости — благодать Божия поддерживает меня, Господь помогает мне». Он сказал: «Я часто молился, что если наше намерение угодно Богу, то оно осуществится. Как приятно, что митрополит Максим приехал из Греции на рукоположение. Я так счастлив, что канонический епископ приехал из Греции. Как во дни Св. Владимира, когда русские приняли веру от греков. Два или три епископа должны рукополагать другого, но не один».

Он от души смеялся, вспоминая, как митрополит Максим при первой встрече так радостно сжал его в объятиях, что едва не свалил с ног. Он надеялся, что приедет архиепископ Авксентий, но, по словам владыки, «отец Гурий этого недостойн» (на самом деле архиепископ Авксентий не мог приехать из-за болезни сердца, не позволявшей ему совершать длительные поездки, а тем более перелеты на самолете). Несколько раз владыка вспоминал, как при расставании митрополит Максим сказал, что надеется, что Господь дарует им возможность еще раз увидеться в этой жизни. Владыка Гурий не раз выражал пламенное желание также увидеться с архиепископом Авксентием лицом к лицу. «Он наш духовный глава, как патриарх», — говорил владыка Гурий и прибавлял, что до тех пор, пока ноги ходят, он чувствует, что должен ехать в Грецию, США и т. д.

Перед отъездом владыки мы посетили Бостонский небоскреб и аквариум. Владыка с большим интересом оглядел здание небоскреба с улицы перед входом. По-

том признался, что никогда не бывал выше восьмого этажа. Его поразил и обрадовал прекрасный вид сверху. Был ясный солнечный день. Он благословил город на все четыре стороны. Мы пели. Он спросил, знаю ли я тропарь Казанской иконе Божией Матери или девяностый псалом на-славянском. Он пел о Господней Премудрости, создавшей вся. Оглядывая весь город, он удивлялся, как много людей населяет землю и как Господь питает всех. В прошлом году ему говорили в Нью-Йорке, что у них есть здание в сто десять этажей, но он там не был. Он сказал, что оно качается и он не хотел бы там жить во время землетрясения или урагана.

Аквариум был целым миром. Владыка был восхищен пингвинами и их забавами. Но я не уверен, что удалось его убедить, что эти чудные создания — птицы. Когда мы проходили по центральному залу, он постоянно останавливался в изумлении перед Божьими тварями — множеством самых разнообразных по размерам и окраске рыб и прочих обитателей океана. Особый интерес у него вызвала большая морская черепаха. Владыке казалось, что аквариум — это часть моря за стеклом. И каково же было его удивление, когда он узнал, что это просто большой резервуар. «Бедные рыбы в тюрьме», — произнес он. Я уверил его, что их хорошо кормят, что они в безопасности и они не понимают, что они в плену. «Нет, они понимают», — сказал он твердо. Трудно спорить с тем, кто сам побывал в тюрьмах.

Когда мы вышли, на улице вокруг было много голубей, воробьев и чаек. Владыка сказал, что у них тоже много чаек на Волге, и пожалел, что нечем их покормить. Я купил пакет воздушной кукурузы, предложил ему ее отведать. Он съел немного, несмотря на то что у него нет зубов, и спросил, есть ли у нас такая же и хорошо было бы взять немного с собой в дорогу на самолет, так как он будет лететь в пятницу. Жаль, что у меня не было фотоаппарата для такого классического

снимка, когда владыка кормил птиц — седовласый старец в рясе, посох у плеча, а у его ног множество птиц.

Вечером накануне отъезда владыка Гурий отслужил молебен о путешествии. Это была очень трогательная и умилительная служба. Владыка Гурий, немощный старец, на коленях молился о том, чтобы Бог благословил его миссию. Вспоминались слова апостола Павла о том, что «сила Божия в немощи человеческой совершается». После окропления себя святой водой владыка окропил всех присутствующих в церкви. В конце службы владыка благословил каждого, а затем поговорил с теми, кто пришел с ним попрощаться.

Когда настало время отъезда, перед выходом из кельи он заплакал, благоговейно поцеловал все иконы на аналое и благословил все стены. Я передал ему, что отец Пантелеймон сказал, что эта комната теперь считается его кельей и он может вернуться в нее в любое время, когда пожелает. Владыке это очень понравилось. Мы также ему напомнили, что в этой комнате обычно останавливался митрополит Филарет, когда приезжал к нам. Внизу мы все вместе сфотографировались с владыкой. Потом просили у него прощения и положили земной поклон. Он настоял на том, чтобы тоже сделать земной поклон. Затем мы обняли его и в последний раз просили его благословения. Он пожелал еще раз перед отъездом услышать русские колокола. Из машины он вновь благословил всех нас, когда мы вышли его провожать.

По дороге в аэропорт мы сказали владыке, что будем постоянно возжигать свечи и молиться, пока он благополучно прилетит в Москву. Отец Пантелеймон сказал, что он разговаривал с архиепископом Авксентием и что архиепископ и монахини в Греции тоже будут молиться. Услышав это, владыка Гурий перекрестился. Он был тронут. Полет из Бостона в Нью-Йорк

прошел на удивление спокойно. Владыка был очарован прекрасным видом и смотрел вниз на сельскую местность. Он также недолго подремал. Мне позволили пройти через проверку безопасности и оставаться с владыкой, что было очень хорошо, так как его полет задерживался на час по техническим причинам. Сначала мне не позволяли пройти с ним, чтобы посадить его в самолет, но потом, когда увидели, какой он старенький, смягчились и сказали «о'кей». Я посадил его на его место, застегнул ремень и взял у него благословение. Затем сказал о нем стюардессе. Она записала номер его места и пообещала о нем позаботиться. Я подождал, пока самолет взлетит (на всякий случай), чтобы он не остался один, если ему вновь придется ждать в терминале.

Его самолет взлетел в 6:30 вечера по бостонскому времени и прилетел в Москву в 10:15 утра по московскому времени (2:15 утра по бостонскому). Из-за таможни и больших расстояний в Москве владыка прибыл к Елене (Петровой) только в 2:30 по московскому времени. Когда мы позвонили, то они буквально только переступили порог, не успев еще занести чемоданы. Владыка долетел благополучно. На таможне открывали чемоданы, но ничего не забрали, слава Богу! Встретившие его в аэропорту прихожане пели «Достойно есть».

Именной указатель

- Аввакум (Боровков), епископ 36–39, 42, 43, 50–52, 55, 56, 69, 89, 151, 255–257, 259, 260, 268–270, 308
- Авксентий, архиепископ 11, 112, 114, 312, 315, 317.
- Аверкий (Таушев), архиепископ 101
- Агафопус (Етрухин) иеромонах 56, 57
- Агния, игуменья 162, 169, 189
- Адриан, игумен 31
- Акакий Диавлийский, епископ 111
- Александров Антон 261
- Александрова Евдокия 261, 262
- Алексей (Бажанов), обновленческий архиерей 25–27
- Алексий I (Симанский), патриарх 68, 90–92, 148, 150
- Алла, инокиня 190
- Амвросий (Гудко), епископ 21, 85
- Амвросий (Капинус) схииеромонах 95, 162, 165, 168–172, 183, 185–188
- Анастасий (Грибановский), митрополит 38, 109
- Анастасия (Федотова), монахиня 70, 71, 279
- Андрей, архидиакон 306
- Андрей (Рымаренко), архиепископ 101
- Андрей (Ухтомский), архиепископ 10–14, 31–37, 39, 55, 66, 69, 89, 133, 134, 139, 143, 151, 269, 296–299
- Андроник (Богословский), епископ 25, 26
- Анисия Максимова, монахиня 59, 143
- Анна (Александра), инокиня 87, 121, 123, 202
- Анна, послушница 162, 163, 189, 190
- Антонина, монахиня 189
- Антонина, послушница 162, 163, 171, 189, 190
- Антонов Андрей 261
- Антипина Евгения 45, 131
- Антипина Ольга 45, 131, 132, 134
- Антоний (Галынский), епископ 97
- Антоний (Миловидов), епископ 36
- Антоний (Храповицкий), митрополит 109, 113
- Антоний (Чернов), монах 112, 113
- Архипов Максим, иерей 259, 264
- Архипова Мария 259
- Афанасий (Малинин), епископ 25–27

- Афанасий (Сахаров), епископ 90
- Бахметьева Александра Константиновна (Шура) 215–253
- Бахметьев Алексей 242, 243, 246, 247
- Бахметьев Василий 227
- Бахметьев Михаил 246
- Башкиров Иван 264
- Богородская Лидия 136
- Боголюбов Андрей, иерей 131
- Валентин (Русанцов), архимандрит 104
- Варнава (Прокофьев), епископ 103
- Васильев Анисифор 261
- Васильева Нюра 34
- Васильева О. 32
- Великанов Филарет, иерей 21
- Вениамин (Троицкий), епископ 14, 38–43, 59, 55, 56, 67, 89, 269, 299, 302, 308
- Вера, игуменья 162, 169, 179, 189
- Вечеслова Лидия 136
- Виссарион, иерей 222
- Виталий (Устинов), митрополит 98, 100–103, 109, 110, 240
- Волокитин Аркадий, иерей 45–49, 124–130, 133–141, 204, 205, 208
- Волокитина Анастасия Тимофеевна, матушка 48, 49, 125, 126
- Волокитин Иван Аркадьевич 139
- Волокитин Димитрий, иерей 141, 142
- Волокитина Мария Аркадьевна 49, 140, 204–210, 212–214
- Волокитина Ольга Аркадьевна 137
- Волков М. А. 282, 292
- Воронцов Сергей, иерей 135, 137
- Гавриил Кикладонский, епископ
- Гаврилов Александр, иерей 135, 137
- Галахов Иаков, иерей 131
- Галахов Николай 135
- Геннадий (Секач) 97
- Герман Казанский, свт. 26
- Гермоген, свт. 26
- Гидаспов Феодор, иерей 21
- Горбачев М. С. 104
- Горький М. М. 27, 29
- Григорьев Александр, иерей 51, 52, 255, 256, 260, 261, 263
- Григорий (Граббе), епископ 109, 110
- Губонин М. Е. 20
- Гурий (Павлов Симеон Павлович), иеромонах, епископ 5–7, 14–19, 21–25, 27, 30, 32, 39–45, 47–59, 62–91, 93, 96–99, 102–108, 111–123, 142–144, 161, 164, 170, 171, 188, 201–203, 206, 207, 209, 211, 212, 224, 226, 227, 234, 264, 267, 269, 270–280, 293–295, 305–317
- Гурьев Василий Г. 78, 281

- Гурьев М. Г. 281
Димитрий (Любимов), архиепископ 95, 96, 136
Димитрий (Вознесенский), епископ 30
Дягилев Николай, иерей 135
Евдокия, монахиня 222
Евфимий, иеромонах 170, 171
Евфросиния (Батеева), монахиня 63, 65–67, 271
Евфросиния, Евникия (Махрова), игуменья 161–174, 182, 185, 186, 190, 207, 210
Егорова Евдокия 259
Едемский-Своеземцев Евлампий, иерей 135, 137
Ефрем Бостонский, епископ 113, 310, 312
Зеленогорский М. Л. 35, 37
Зими́на Нина Михайловна 34, 38
Зороастров, иерей 91
Иванов Григорий 144
Игнатъева Анна Михайловна 73
Игнатъева Мария Игнатъевна 73, 78–80, 83, 275, 277, 278–280, 293.
Игнатъева Татьяна Игнатъевна 73, 74, 78–80, 83, 275, 277–280, 293
Иларион (Андриевский), иеромонах 95, 172
Иларион Тульский, иеромонах 222, 223, 244.
Иларион (Капрал), епископ 103, 240
Ильминский Николай Иванович 10
Иоанн, иерей 224
Иоанн Кронштадтский, прав. 152, 153, 155, 157, 220, 281, 283, 284, 308
Иоанн (Максимович), архиепископ свт. 90
Иоанн (Поярков), епископ 33, 37, 45
Иоанна, монахиня 298
Иоасаф (Удалов), епископ 25, 48, 135, 137
Иов (Афанасьев), епископ 299
Иосиф (Петровых), митрополит 95
Ирина, монахиня 258
Исайя отшельник 24
Каганович Л. 43
Кибардин Николай протоиерей 33
Киприан (Куцумбас), митрополит 107
Кирилл (Смирнов), митрополит 25, 136, 305, 308
Колесникова Евдокия 130
Константиновский Константин, иерей 33
Кононов Игнатий, иерей 264
Корнилов Алексей, иерей 70, 97
Кочергин Георгий, протоиерей 108
Краснов Николай, иерей 256, 259, 262, 264
Ксения (Ларионова), инокиня 162, 174–176, 179–194
Кузнецов Николай Дмитриевич 18
Кузьмин В. Л. 282, 292
Кунцевич Матрена 98

- Кучерова Антонина Алексеевна 84
Лазарь (Журбенко), епископ 103, 104, 224–225
Латыпова В. 32
Лидия, послушница (инокиня Вера) 162, 163, 171, 189, 190
Лукиан, иерей 182, 183
Магдалина, инокиня 190
Магдалина, монахиня 216–220, 252
Майорова Анна 277
Макарий Торонтский, епископ 113, 310
Максим Кефалонийский, митрополит 113, 310–312, 315
Макаров Терентий 43–45, 264
Мануил (Лемешевский), архиепископ 92
Маргарита (Чеботарева), монахиня 95, 170, 171, 188
Марионилла (Ларионова), монахиня 162, 183, 185, 189, 190
Марк (Арндт), архиепископ 103
Маруся, бабушка 118, 122
Маркова М. М. 281
Матфей Бресфенский, епископ 113
Мелентий, монах 168
Мелехов Виктор, протопресвитер 109, 114, 312
Мелехов Григорий 311
Митрофан (Васильев), иеромонах 68, 69, 79, 142–148, 150, 154–160, 272, 277
Митрофан (Гринева), епископ 50, 51
Михаил (Панченко), иеромонах 304
Михайлова Анастасия 277
Мосс Владимир, чтец 106, 107
Мохов Валерий, протоиерей 34, 38
Наталья Павловна 302
Нектарий (Концевич), епископ 101
Нектарий (Трезвинский), епископ 44–48, 66, 71, 96, 131, 133, 135–137
Несмелов В. И., профессор 131, 135
Нестор (Анисимов), митрополит 90, 92
Никита (Лехан), иерей 162, 165, 169, 170, 188
Никитин Митрофан 264
Николай II, император 18, 19, 284
Николай, монах 113, 305, 310
Никон (Рклицкий), архиепископ 101
Новиков Егор 264
Новоселов М. А. 29, 30
Носкова Евстолия 130
Онисим, иерей 201
Павел, апостол 238, 312
Павлов Василий 264
Павлов Павел Иванович 15
Павлов Алексей Павлович 84
Павлова Анастасия 84
Павлова Варвара Михайловна 15, 65
Пантелеймон, архимандрит 312, 314, 316, 317
Пелагия, монахиня 222
Петр, апостол 238

- Петрова Елена Александровна 224–226, 229, 317
- Петров Николай, иерей 131, 135
- Питирим (Ладыгин), схиепископ 36, 299, 304
- Покровский И. М., профессор 131
- Польский Михаил, протопресвитер 60, 61
- Полянский Е. Я., профессор 131
- Порфирий 85
- Потапов Виктор, протоиерей 105
- Рождественский Михаил Васильевич, иерей 95, 162, 170, 188, 223, 226
- Руфин (Брехов) 36, 97
- Рыбкина Матрена Федотовна 71–73, 75, 77–79, 80, 83, 85, 276, 277, 279, 280, 293
- Сапожников Михаил А. 78, 281
- Сафронов Владимир 264
- Серафим (Лукьянов), митрополит 90
- Серафим Поздеев 97
- Серафима, игуменья 165, 166, 172, 211
- Сергий (Дружинин), епископ 95
- Сергия (инокиня Рипсимия), схиигуменья 296–304
- Сергий (Страгородский), митрополит 36, 37, 46, 61, 90, 94, 132, 150, 217, 254–256
- Симеон, монах 96
- Скобелев Иван 264
- Смолова Анна 67
- Соловьева Ангелина 34, 45, 131
- Спиридонов Ерофей 65
- Сталин 91–93, 100, 146, 272
- Сусметов Дмитрий 257, 258
- Сютруков А. Ф. 282, 292
- Таисия 190, 191, 194
- Таймукова А. Ф. 281
- Терсинская В. Д. 131
- Терсинская К. Д. 131
- Тимофей, иерей 223, 224, 226, 304
- Титков Петр, диакон 135
- Тихон (Белавин), патриарх 19–23, 25, 33, 94, 132, 148, 149
- Троицкий Михаил, иерей 302
- Троицкий Николай, иерей 131, 135
- Троцкий Л. 21
- Туганцева Зоя Аркадьевна 137
- Федоров Александр 264
- Феоктист, иеромонах 96
- Феодосий, архимандрит 25
- Феодосий, инок 190
- Феодосия (Феклуша), инокиня 224, 232–234
- Феодот, монах 24
- Феодор, иерей 188
- Феофан (Давыдов), монах 258, 259
- Феофан (Туляков) митрополит 61
- Филарет (Вознесенский), митрополит 98, 101, 107–109, 240, 316
- Филарета, монахиня 302

- Филимон, иеромонах 260
Филимонова Нина 34
Филонилла, инокиня 87, 88, 116, 119–123, 199–203, 227
Фомин Александр Евстигнеевич, диакон 33
Хризостом (Киусис), архиепископ 107, 108, 112–114
Хрисанфов Андрей, иерей 51, 52, 255, 256, 259, 263, 264
Цыпин Владислав, протоиерей 90
Чернов Герасим, иерей 262–264
Шилов Тимофей 256, 259
Шишокин Димитрий, иерей 21
Шкаровский М. В. 92
Юлия (Стахеева) монахиня 137
Якина Ольга 34
Яковлев Иван Яковлевич 9, 10
Яковлева Фекла 67
Ярославский Е. 30, 60

Содержание

<i>От составителя</i>	5
Предисловие.....	8
ГЛАВА I. Священноисповедник Гурий Казанский.....	15
Детство.....	15
Краткая изгнанническая монастырская жизнь.....	24
Служение в Симеоновской церкви в Уфе.....	32
Духовный наставник Гурия, епископ Вениамин (Троицкий).....	39
Начало катакомбного служения. Встречи с духовенством в Казани.....	43
Служение в Шутнеровской церкви. Первые аресты и осуждения.....	50
Побег из лагеря. Переход на нелегальное положение.....	56
Два десятилетия катакомбного служения.....	62
Последний арест иеромонаха Гурия.....	70
Пребывание в Озерлаге.....	81
Три десятилетия тайного служения.....	84
Поиски архиереев.....	89
Обманутые надежды. Катакомбные христиане и РПЦЗ.....	98
Истинно-Православная Церковь Греции. Архиерейская хиротония.....	106
Последние годы и кончина владыки Гурия.....	115
ГЛАВА II. Новомученики и исповедники Уфимской и Казан- ской епархий.....	124
Иерей Аркадий Волокитин.....	124
Мой отец. Штрихи к портрету.....	124
Краткие биографические данные иерея Аркадия Волокитина.....	139
Иерей Дмитрий Волокитин.....	141
Краткие биографические данные иерея Дмитрия Волокитина.....	141
Иеромонах Митрофан Васильев.....	142
«Моя жизнь во Христе».....	146
«Добавление на 1-е отречение».....	147
Из материалов следственных дел иеромонаха Митрофана Васильева.....	148

ГЛАВА III. Из рассказов о пастве епископа Гурия	161
Катакомбная игуменья Евфросиния и ее послушницы.....	161
Беседа с инокиней Евникией	165
Инокиня Ксения Л.	174
Рассказы инокини Ксении	193
Инокиня Филонилла.....	199
Мария Аркадьевна Волокитина	204
Александра Константиновна Бахметьева	215
Вспоминая Александру Бахметьеву.....	229
Последняя болезнь и кончина Александры	241
<i>Приложение I. Архивные материалы</i>	<i>254</i>
«Союз Православной Церкви» в Чувашии. 1929—1932.....	254
Письма уфимских архиереев к чувашской пастве	267
Из материалов следственного дела иеромонаха Гурия Павлова	270
<i>Приложение II. Воспоминания об архипастырях и пастырях</i>	<i>296</i>
Из воспоминаний схиигуменнии Сергии.....	296
О пребывании отца, затем владыки Гурия в США летом 1991 года.....	308
Именной указатель	325

«ТАЙНОЙ ЦЕРКВИ РЕВНИТЕЛЬ»
ЕПИСКОП ГУРИЙ КАЗАНСКИЙ
И ЕГО СОМОЛИТВЕННИКИ

Жизнеописания и документы

Составитель *Л. Е. Сикорская*

Редактор *И. И. Осипова*
Корректор *Е. А. Соседова*
Верстка *А. А. Конюхова*
Обложка *О. С. Гушанская*

ООО «Издательство «Братонез»
127273, Москва, ул. Отрадная, д. 44

Подписано в печать 18.09.2008. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 19,53. Тираж 1000 экз. Заказ № 180

Отпечатано в полном соответствии с предоставленными
материалами в ГУП ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Для заметок

Для заметок

Для заметок
